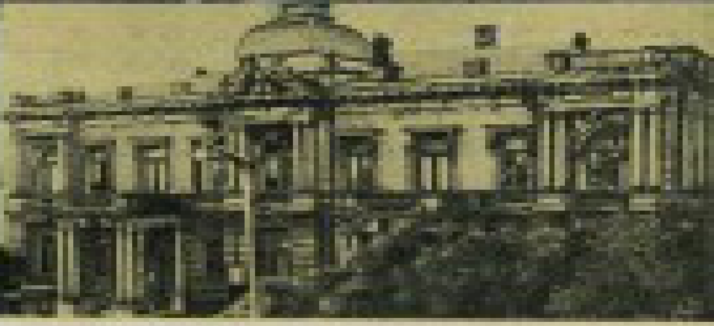
НАРИМАНОВ



И. Дубинский-Мухадзе

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга писателя И. М. Дубинского-Мухадзе - рассказ о жизни и деятельности Наримана Нариманова, азербайджанского просветителя, писателя, государственного деятеля, первого председателя Совнаркома Азербайджана, председателя ЦИК КПСС.

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- Основные даты жизни и деятельности Н. Н. Нариманова
- Краткая библиография
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91

- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111

1

От Майдана — многоголосого, завораживающе пестрого главного базара — Тифлис цепко карабкается к полуобрушенным стенам и башням городской крепости Нари-кала. Приземистые дома-прямоугольники. Узкие дворики с зигзагами наружных лестниц, с висящими верандами-поясами. На веранды одна к одной выходят вереницы открытых дверей. Жизнь, доверчиво выставленная наружу.

В месяц новруз-байрама[1] из одной двери, что в середине веранды, раздался крик новорожденного. Мальчик! Несомненный признак особого расположения милосердного аллаха к благочестивому роду Кербалая Наджафа Нариманова. Ибо кто из достойных носить папаху[2] позволит себе усомниться в том, что ребенок, родившийся весною, избранник удачи. В России это соответствует понятию «родился в рубашке».

Покровительство вседержителя тем более уместно, что Наджаф-киши[3] и Халима-ханум, по самому строгому рассуждению, уже достаточно натерпелись. Из восьми детей, рожденных в прошлые годы, в живых у них осталось лишь трое — мальчики Салман и Ризван 2-й, девочка Сакина. От дома к кладбищу дорожка протоптана… Пять могилок, тихо оплакиваемых.

Опора семьи — добродушный, мягкий характером Наджаф-киши с ранней зари до сумерек зажат в тесноте и гуле Шайтан-базара[4], так острые на язык тифлисцы величают Майдан. Ни распрямиться, ни передохнуть. Как на привязи по кругу. Извечные превратности мелкой розничной торговли. Своему старшему брату Али-мирзе, высокочтимому главе рода, Наджаф жаловался: «Спокойно жить хочу. Чтобы в мой горячий плов не подливали холодной воды…» В ответ старая-старая поговорка: «Не благополучие, а чистая совесть сохраняет людям молодость».

Молодость… Статная, чернобровая, с осиной талией Халима. Любовь, очаг, надежды… Надежды…

В месяц новруз-байрама крик новорожденного. Значит, это конец марта или первые дни апреля. А какого года? Да и месяц, число хорошо бы узнать. Метрической записи не найти. Никогда ее не было. Такие записи не в обычае. Только если терпеливо покопаться в запасниках Грузинского музея народного просвещения, в ветхих папках Закавказской учительской семинарии отыщется нечто существенное. «Свидетельство о принадлежности Нариманова к числу тифлисских граждан за № 689», «Показания о рождении за собственноручной подписью

18 лиц, удостоверенные приставом города Тифлиса 28 августа 1882 года». Первоисточники. Им можно верить. Второго апреля[5] 1870 года Халима Гаджи Мамед Касым-кызы Нариманова, в девичестве Заманова, родила сына Наримана.

Выбор имени мальчику в мусульманской семье — событие особо важное. Мудрейший, почтеннейший из родственников, соседей — в нашем случае Али-мирза — бережно принимает в свои руки младенца, туго завернутого в цветную материю с множеством черных бусинок, нашитых от сглазу. Что-то шепчет ему на ушко. Затем так, чтобы звучало одновременно и утвердительно и вопросительно, объявляет: «Нариман?!» Мужчины прикладывают руки к глазам, дружно восклицают: «Машаллах!» — это означает полное одобрение.

Нариман! Десятки лет этим именем в роду никого не называли. Должно быть, считали слишком рискованным. Как бы впустую не замахнуться, не причинить ущерба громкой славе прадеда — народного поэта-певца Наримана Аллахверди. В грузинском эпосе «Калмасоба» он помянут в одной строке с великим ашугом Кавказа Саят Нова. Был еще и другой Нариман, прапрадед — губернатор, министр при грузинском царе Ираклии Первом…

Когда на Кавказе родится мальчик, да еще в месяц новруз-байрама, родные всякое загадывают…

Ну а покуда жизнь идет обычным порядком, как заведено. Злоключения Наджафа-киши, домашние заботы Халимы-ханум: каждый день уборка, стряпня, стирка, штопка, вязание… и тонкая дипломатия — всевидящие соседки не должны заметить, что из-за очередной неудачи мужа оскудели трапезы, придвинулась бедность. И призор за детьми. Каждому ребенку его долю ласки, строгости. Нариману чуть щедрее, так ведь младший, последыш.

У подрастающего мальчонки свои интересы. Показать самостоятельность, не оплошать перед сверстниками. В своем Нагорном квартале Нариман, проворный кареглазый крепыш, заводила. Синяки и шишки не в счет. Лихости ради уведет, хотя оно и страшно, ребятню в заросли на дне глубокого оврага, затеет игру в прятки между острыми скалами за речкой Цавкиси. В воинственной игре «Схвати пояс!», по-тифлисски лахти, ухватится за ремень, пребольно хлещущий по рукам, по ногам, вытащит из круга главного бойца противной стороны. Не даст маху и в кочи — русские бабки на кавказский лад.

В семь-восемь лет сына благочестивых родителей отдают в обучение к молле, в моллахану, религиозную мусульманскую школу при ближайшей мечети.

Моллы разные. И кое в чем сведущие, и дремуче

невежественные. Кто добрее, кто нетерпимее. А уроки, атрибуты всюду одинаковы. На возвышении посреди комнаты нечто вроде кафедры. Лежит Коран — священная книга непременных истин мусульманской религии, описание ее обрядов, мифов. Все незыблемое. Земля обетованная покоится на рогах быка, который своими четырьмя ногами упирается в туловище гигантской рыбы… В Коране и молитвы в стихах. Те, что не меньше пяти раз в день обязан свершить правоверный, обратив лицо на восток, к Мекке, где могила пророка и храм черного камня… Коран, только Коран, никаких учебников.

Слева от кафедры с Кораном всегда под рукой гибкие кизиловые прутья, розги. Справа сама фалакка, похожее на колоду с длинными узкими полосами из сыромятной кожи устройство, чрезвычайно способствующее уразумению премудрости. Очередную жертву — никто не знает, кто будет следующий, — сомученики накрепко стягивают ремнями, разувают, вбивают босые ноги в фалакку, с тоской бьют по обнаженным пяткам. Молла не торопит, созерцает. Аллаху-акбар! Велик аллах!

Спозаранку бредут в моллахану семи-восьмилетние мальчишки. Наримана среди них не увидеть. Наджаф-киши и Халима-ханум не отдают своего младшего молле в обучение. Неразумение или намеренный бунт? Толки идут широкими кругами. Молла сам не свой, ярится в Шах-Абасской мечети: «Бедбахт — несчастный, вовремя не отправивший сына в моллахану, заранее приобретает для себя, для своего потомства место в аду… Шесть наказаний уготовано еще при жизни…»

Нечего раздумывать дольше. Надо завтра же с утра идти, смиренно просить… Быть может, станет заниматься с Нариманом знакомый Али-мирзе преподаватель мужской городской гимназии. Родители его, точно известно, азербайджанцы, но сам Фаттах-муэллим[6]… Никто не замечал, чтобы он украшал голову папахой. Ходит в сюртуке, шляпе, в руках трость. На Головинском проспекте[7] у дворца наместника Кавказа русские в мундирах и фуражках с ним почтительно здороваются, беседуют…

Муэллим согласие дает. От платы за уроки отказывается.

Новость наполняет переулки, узкие дворики на уступах гор, россыпь домишек над двойной излучиной Куры. Что-то будет?

2

Скорее бы узнал о существовании мальчика Наримана Алексей Осипович Черняевский. Человек с обликом русского интеллигента-просветителя. Открытый высокий лоб, худощавое лицо, добрые усталые глаза, густая черная борода. После окончания курса в Санкт-Петербургском университете недолго работал на Кубани инспектором народных училищ. При первой возможности перевелся на Кавказ, можно сказать, в родные места, вдоль и поперек изъезженные, исхоженные в пору службы на почтовых станциях. Возвратившись, нисколько не заботясь о престиже, карьере, учительствовал в селах Тифлисской губернии, тех, что населены преимущественно азербайджанцами. На официальном языке того времени — татарами, тюрками.

Одним из первых Алексей Осипович ставит свою подпись под петицией наместнику, великому князю Михаилу Романову, об открытии семинарии, «имеющей целью доставить педагогическое образование молодым людям, уроженцам Закавказского края, желающим посвятить себя деятельности в местных народных училищах».

Наместник соглашается. Всего с одной поправкой. «В имеющей открыться семинарии татарского отделения не учреждать, поскольку высший иерарх мусульман Закавказья означенное действие полагает преждевременным». Следуют новые хлопоты, обращение в Петербург — в Государственный совет.

Чаша весов колеблется изнурительно долго, более трех лет. Когда надежды почти не остается, осенью 1879 года успех внезапный, как сход лавины в горах. Высочайше дозволено «иметь татарское отделение с начальным татарским же училищем… В отделении полагается 40 воспитанников не моложе 16-летнего возраста, а в начальном училище 20 малолетних. Как те, так и другие содержатся на казенный счет и живут в одной общей квартире, отдельно от пансионеров семинарии, под постоянным присмотром и руководством особого инспектора-воспитателя, знающего татарский язык».

Выбор инспектора предрешен. В послужном списке Черняевского перечень несомненных преимуществ: «Свободно владеет татарским языком, сведущ в религиозных обрядах, обычаях, образе жизни. При большой педагогической опытности основательно изучил теоретически и практически дело организации народных училищ. Отличается притом особенной любовью к молодому поколению при отличном трудолюбии и

редкой добросовестности».

Много позже, в следующем столетии, единственная на азербайджанском языке газета «Шерги-рус» — «Восточная Россия» отдаст должное Черняевскому. В номере от 30 июля 1903 года в редакционной статье газета отмечала: «Справедливость требует раньше всего вспомнить первого инспектора Черняевского. Обучение русских мусульман чтению и письму на родном языке по звуковому методу начал этот просвещенный и доброжелательный к нашему народу человек. Его учебник «Язык родины» указал правильный и соответствующий педагогической науке путь преподавания тюркского языка, что является большой услугой нам…»

Сейчас еще май восемьсот восемьдесят второго года. Алексей Осипович по своему обычаю объезжает Тифлисскую, Эриванскую, Елизаветпольскую[8], Бакинскую губернии, Дагестанскую область — в один конец три с половиной тысячи верст. Упорно ищет в городских кварталах, в поселках у железной дороги, в аулах на горных террасах, в глинобитных домишках в глубине волнистых, обожженных солнцем долин — неутомимо ищет смышленых, охочих до учения подростков. Убеждает родителей позволить сыновьям поступить в семинарию или в начальную школу при ней. Малейший нажим, неудачное слово — и труды насмарку. Уездные правители, беки, моллы, все корыстолюбивые ревнители невежества, слепого повиновения, отречения от мирского ради призрачного блаженства на том свете, распространяют дикие небылицы. Клевещут, грозят анафемой семействам, рискующим дать детям светское образование.

Не одной черной краской пишется жизнь. В кругах азербайджанской интеллигенции находятся доброжелатели, прямые союзники просветителя. С одним из них, с Фаттах-муэллимом, у Черняевского давнее общение. Начало положено в Тифлисе, в доме Алексея Осиповича на Нижне-Садовой улице. Продолжение — в грузинском городке Гори — пятьдесят с небольшим верст в сторону Сурамского перевала, Черного моря. Там, в тиши, среди густой зелени, расположилась учительская семинария. В трех белокаменных домах, на двадцать пять лет заарендованных у штабс-капитана Зубалова.

Не впервые, давно можно бы привыкнуть, нет, всякий раз заново переживают, устраивая будущее еще одного мальчишки. Сегодня Фаттах-муэллим хлопочет о своем ученике Наримане. Обнадеживает, что с родителями паренька затруднений не будет. «Отец немного колеблется, зато мать полна решимости. Это, кажется, первый такой случай. Неграмотная, воспитанная в рутине, фанатизме, лицемерии патриархальных обрядов, она

безошибочно чувствует, чего требует от нее любовь к сыну, в чем его подлинное благо. То, что мы с вами называем велением времени… Целеустремленность матери, способности и прилежание сына… На многое можно надеяться… Простите, Алексей Осипович, расчувствовался…»

Еще может сорваться. Прошение, посланное Наджафом-киши, семинарская канцелярия возвращает назад. Из-за «показаний» о возрасте Наримана. Если он действительно родился в 1870 году, то сейчас ему двенадцать лет. Мал, не подходит.

Кто знает, какие доводы приводит инспектор Черняевский директору семинарии Дмитрию Дмитриевичу Семенову, человеку, ему духовно близкому. Своего добивается. Принят Нариман. Осенью 1882 года. В младший класс начального училища. Там предстоит учиться три года и пять — в семинарии. Многое узнает за эти годы питомец Алексея Осиповича. Поймет и смысл любимой поговорки дяди Али-мирзы: «Будь мужчиной и на камне вырастишь виноград».

Налитые, обласканные солнцем янтарные гроздья на виноградной лозе уже венец усилий. Покуда саженец привьется, войдет в силу, одарит сладкими плодами, годы заботы, годы терпения…

Уже не мальчик, через все прошедший, многоопытный председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР Нариман Наджаф оглы Нариманов на исходе девятьсот двадцать четвертого года отбирает для издания в Москве отдельной книгой свои наиболее значительные статьи, письма. Несколько самых первых страниц, помеченных римскими цифрами, отданы сжатой, почти протокольной биографии[9] автора. Биографии, с его слов написанной. Оттуда:

«Из первых сильных политических впечатлений, надолго приковавших к себе чуткий ум молодого Наримана, необходимо отметить убийство Александра II.

Вспоминая об этом событии, Нариманов всегда подчеркивает огромное внутреннее брожение, которое было вызвано в нем этим чрезвычайным для того времени известием об убийстве царя, неограниченного властелина, капризу коего было рабски послушно все население одной из величайших стран в мире».

Убийство Александра Второго — март 1881 года. Нариману одиннадцать лет. Он дома в Тифлисе. В Нагорном квартале, где волей-неволей вся жизнь на виду. Возможно, кто-то из взрослых слишком увлекся, нарушил обычай, запрещающий при детях вести деловые, тем более крамольные разговоры, — принялся рассуждать о казни самодержца в присутствии Наримана?

В учебной программе, в уставе семинарии, утвержденных в

Петербурге, само собой, ничего нет от свободомыслия. В «штатах татарского отделения вероучителя Алиева закона и Омарова закона». Особый молла для мусульман-шиитов, особый для мусульман-суннитов.

В империи Российской — от Памира до Варшавы и Балтики, от Тихого океана до Черного моря 57 процентов населения национальные меньшинства. Преподаватели народных училищ в местностях, заселенных «инородцами», были, как правило, ревнителями державной политики. Оплотом ее наряду с духовенством. Естественно, семинаристов все годы содержали в строжайшем повиновении.

И тем не менее наиболее подготовленные, убежденные противники режима, религии выходят как раз из стен семинарии. Доброй славы общественные деятели, труженики-просветители, превосходные публицисты, драматурги, историки, музыканты. Из поколения Наримана Нариманова: Солтан Меджид Ганизаде, Габиббек Махмудбеков, Фирудинбек Кочарли, «учитель учителей» Сулейман Сани Ахундов. Сам «Молла Насреддин»[10] — «открытый» Черняевским в один год с Нариманом, но по знаниям своим и по возрасту принятый прямо в семинарию, минуя подготовительную школу, Джалил Мамедкулизаде. Блистательный писатель, мастерства и знаний жизни редкостных, основатель и редактор первого в мусульманском мире сатирического журнала «Молла Насреддин». Подписчиков, читателей журнала полиция без промедления заносит в списки неблагонадежных. Действует по-своему резонно. Редакция, ее сотрудники — большой славы поэты Мирза Алекпер Сабир, Аббас Сиххат, талантливый художник Азим Азимзаде — определенно сочувствуют российским революционно-демократическим идеалам, Обличают государственный строй, колониальные порядки, самодурство и продажность администрации, фанатизм, алчность, невежество духовенства.

Из более поздних выпусков семинарии Узеир Гаджибеков и Муслим Магомаев. Щедро одаренные композиторы, авторы первых национальных опер, музыкальных комедий, кантат, они также были подвижниками-учителями в глухой провинции.

В разное время при несхожих обстоятельствах за Нариманом пойдут еще другие горийские семинаристы. Расширится круг. Малые ручейки сольются в могучий поток…

Черняевский на казенные семинарские средства создавал библиотеку. Что ни месяц — новые книги, журналы, Свой литературный кружок. Невозбранимые попытки писать на азербайджанском, русском, грузинском, армянском языках. На каком юноше доступнее.

У Наримана тоже своя, густо заполненная, толстая, в клеенчатом переплете тетрадь.

Здесь и услышанное на уроке истории, едва ли имеющее отношение к обязательной программе: «После смерти Джузеппе Гарибальди его семья получила телеграмму с выражением соболезнования и горячим приглашением приехать погостить к жителям Гори. Телеграмма обошла газеты многих стран. Все искали, где же этот Гори? На самых подробных картах Российской империи Гори не был обозначен. Наконец в Италии ученые припомнили, что Гори — это древняя крепость на земле грузин и две тысячи лет назад храбрые защитники Гори оказали геройское сопротивление знаменитому Помпею. Прославленный полководец не смог штурмом взять крепость даже при помощи своей новой, стенобитной машины».

…Черновики затеянной Нариманом пьесы «Наданлыг» — «Невежество». До окончания семинарии напишет два акта из четырех.

…Русский перевод поэмы Мирзы Фатали Ахундов «На смерть Пушкина», появившийся во второй мартовской книжке журнала «Московский наблюдатель» за 1837 год. Плод общих усилий друга Пушкина декабриста А. А. Бестужева-Марлинского и самого Ахундова. Пометка Наримана: «Декабрист Бестужев, по рассказам сведущих людей, брал у Ахундова уроки азербайджанского языка и при этом утверждал, будто с азербайджанским, как с французским языком в Европе, легко пройти из конца в конец Азию». Можно бы добавить: в Тифлисе, в доме у Ахундова, истого энциклопедиста, философа, основоположника реалистической азербайджанской литературы, бывали многие сосланные на Кавказ декабристы участники польского восстания 1830–1831 годов, русский поэт Яков Полонский, армянский просветитель Хачатур Абовян…

…Четверостишие весьма популярного в эту пору поэта Сеида Азима Ширвани (шейх-уль-ислам — духовный глава мусульман Закавказья — объявил поэта вероотступником, еретиком. Тут же в трогательном единодушии власти предержащие лишили его права преподавать «за политической неблагонадежностью»):

Мой сын, с наукой русской будь знаком,
И овладей ты этим языком;
Нам в них нужда, без них ведь темен свет
Без знания дороги к свету нет…

… Горестные раздумья Пушкина:

Увы, куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть…

…«Вперед!» Надсона:

Буди уснувших в мгле глубокой,
Упавшим руку подавай
И слово истины высокой
В толпу, как луч живой, бросай!

Сбоку чернильным карандашом, похоже, в укор себе «Стихотворение 1878 года. Поэту было 16 лет. Столько, сколько мне сейчас!!»

На других страницах дружески соседствуют строки Саади, Омара Хайяма, Низами Ганджеви, Физули, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Гёте, Байрона. Рядом выписки из комедий и повестей Ахундова, из книг Гоголя. Следы первых попыток перевести на родной язык «Ревизора». Обращения к Герцену, Чернышевскому, Салтыкову-Щедрину, Добролюбову, Достоевскому, Шекспиру, Гюго…

В налаженную семинарскую жизнь Наримана внезапно врывается беда. Огромная, непоправимая. Двадцатого ноября 1889 года скоропостижно умирает Наджаф-киши. «Я расстался с мечтою о продолжении образования, я стал думать о семье, оставшейся после отца без всяких средств к жизни». Положение тем более тяжкое, что болеет старший брат Салман. Немощен глава рода Али-мирза.

После похорон Нариман обнадеживает мать: «Я останусь дома… Заработаю…» Халима-ханум приносит тысячу благодарностей аллаху, сын достоин своего отца. «Клянусь твоим здоровьем, свет моих очей Нариман, мои руки прокормят семью… Учись, кончай семинарию! Наджаф так надеялся…»

В Гори Черняевский стискивает плечи Наримана. «Вернулся!»

И снова месяц новруз-байрама. Укрываются сочной зеленью ближние взгорья, набухают почки на деревьях персика и миндаля, буйствует, рвется из берегов надвое рассекающая городок река Кура. Весна восемьсот девяностого года. Последняя из тех, что Нариман проводит в Гори.

Курсовые работы. Нариман выбирает темы, наиболее близкие его интересам: «Москва», «Значение реформ Петра Великого».

Сразу, на первом листе: «Петр, как истинный воспитатель России, очень хорошо знал, что пример чрезвычайно сильно действует на человека, почему он сам прежде всего учился тому, чему хотел учить свой народ…» Правило, которому Нариман Нариманов будет следовать при всех поворотах жизни. На любом поприще.

Выпускные экзамены…

«СВИДЕТЕЛЬСТВО № 201/364

От Педагогического Совета Закавказской Учительской Семинарии, дано сие свидетельство воспитаннику Семинарии Нариману Кербалай Наджаф оглы Нариманову, сыну мещанина города Тифлиса, магометанского (шиитского) исповедания, имеющему от роду двадцать лет, в подтверждение того, что, пройдя полный курс обучения, он выказал вполне удовлетворительные знания обязательных предметов: педагогики, русского и татарского языков, литературы, истории, практического участия в преподавании.

Сверх того обучался ремеслам, пчеловодству, шелководству, садоводству, гимнастике, музыке, пению и производству метеорологических наблюдений.

Удостаивается звания учителя народных училищ.

(подписи)

Июнь 1890 г. Город Гори».

И через несколько недель селение азербайджанцев Кызыл-Аджили Борчалинского уезда Тифлисской губернии. Нариман-муэллим один на один с воинствующим невежеством, фанатизмом, с глухой стеной непонимания, недоверия со стороны обездоленных, запуганных крестьян.

Здесь, в Кызыл-Аджили, Нариманов допишет начатую в семинарии драму «Наданлыг». Последние два акта её целиком взяты из жизни.

Молодой учитель Маммед-ага два месяца тщетно ожидает прихода учеников. Доведенный до крайности, уговаривает старосту собрать с помощью стражника наиболее влиятельных жителей деревни. «Не калечьте своих детей, не отвергайте их счастья. Кто учится, тот станет человеком!.. Если вы, самые почтенные люди, пошлете своих сыновей в школу, то и остальные возьмут с вас пример». Молчат, поглаживают бороды. Ждут, что скажет вершитель судеб богатей Гаджи Абдулла. Тот наконец снисходит: «Послушай, Маммед-ага, зря ты ломаешь себе голову! Наши люди все равно не разрешат детям учиться. А самое главное, если правду говорить… ни разу я не видел, чтобы образованный был умным. Уверяю тебя, что образование совсем губит человека, лишает его рассудка».

У Гаджи Абдуллы два взрослых сына. Грамотный несколько приобщившийся к культуре Омар и грабитель караванов, насильник, поклонник кровавой мести Вели. Уязвленный отказом Омара убить его очередного «врага» Вели, не колеблясь, стреляет в родного брата. Предсмертные слова Омара: «Нет, в меня стреляло невежество… темнота… Невежество превращает человека в зверя! Будь оно проклято!».

Все увиденное, пережитое в Кызыл-Аджили ощутимо влияет на формирование мировоззрения молодого годами Наримана-муэллима. В немалой мере укрепляет его решимость посвятить жизнь служению бесправному, отсталому в силу исторических условий азербайджанскому народу.

3

В прозрачные, еще достаточно солнечные дни осени 1891 года в угловом плоскокрышем доме Али Искандера Джафарзаде на Позиновской улице — это от центра Баку, от моря и сада с несколько странным названием Парапет минут двадцать ходьбы, вверх и вверх к рыжеватым холмам — появляется новый жилец. Молодой, поджарый, немного выше среднего роста. Черная бородка еще только намечается. Преподаватель прогимназии Нариман Нариманов.

Бросок дальний, энергичный. Под благотворным влиянием Черняевского. В своей ненавязчивой уважительной манере Алексей Осипович убеждает Наримана, своего воспитанника, коллегу:

— Вполне с тобой согласен. Недостойно человека ретироваться при неудаче. Тем более когда тебя публично в мечети осыпают проклятиями, ночью стреляют в твое окно… Прошел год, страсти поулеглись. Теперь время поразмыслить. Учителей-азербайджанцев ничтожно малое число. Не все близко к сердцу принимают печаль и горечь своего народа. Иные уходят в чиновники, домогаются доходных мест. Посему силы таких, как ты, следует использовать предельно расчетливо, лишь там, где усилия принесут наибольший результат. В сложившихся условиях, думаю, лучше всего в Баку, быстро развивающемся губернском центре. Вокруг на сотни верст — азербайджанские города, деревни.

Там, в Баку, уже обосновались, учительствуют Габиб-бек Махмудбеков и Солтан Ганизаде. Твои однокашники. Как говорил Кёр-оглу[11], и льву не следует быть в одиночестве… Я предварительно списался с Автономом Ивановичем Победоносцевым. У него своя прогимназия. Поможет… Победоносцева несколько смущает возраст Нариманова. Но… Рекомендация Алексея Осиповича! Нельзя не уважить. «Сударь, если угодно, заместите вакансию учителя приготовительных классов». Это на долгий срок. Покуда заметный успех Автонома Ивановича рикошетом не ударит по Нариману.

С 1896 года частная прогимназия — весь курс каких-то шесть классов — удостаивается ранга «Бакинская императора Александра Третьего мужская гимназия». Правительственное заведение! «Пребывание учителями лиц магометанского исповедания согласно разъяснению его сиятельства господина министра народного просвещения за № 150003 крайне нежелательно…»

Ослушаться, оставить Нариманова в гимназии статский советник Победоносцев, еще толком не оглядевшийся в новом качестве директора, опасается. Просто так уволить, захлопнуть двери перед человеком, в благородстве которого многократно убеждался, слишком непристойно. «Подыскивайте, устраивайтесь! Я вас не тороплю… Что в моих возможностях…»

В дальние поиски пускаться не нужно. По соседству в реальном училище недостает помощника классных наставников. Нариманов предлагает свои услуги. Готов приступить к делу хотя бы с завтрашнего дня. Директор училища отводит глаза. «Не судите слишком строго. Сам не имею права… Будем надеяться на лучшее!»

Из Баку в Тифлис, из Тифлиса в Санкт-Петербург по ступеням высокой служебной лестницы движется трудное ходатайство. Старший инспектор училищ — попечителю Кавказского учебного округа: «Н. Нариманов известен за умелого и добросовестного преподавателя и вполне добропорядочного человека». Попечитель — министру:

«Ваше сиятельство!

Директор Бакинского реального училища вошел ко мне с ходатайством о допущении на должность помощника классных наставников, вверенного ему училища… Наримана Кербалай Наджаф оглы Нариманова… При том, что он придерживается магометанского исповедания, характеризуется с хорошей стороны… Допустив Нариманова к исправлению означенной должности, я имею честь почтительнейше просить Ваше сиятельство об утверждении моего распоряжения относительно Нариманова в виде особого исключения…

Мая 7 дня 1896 г.

№ 3787».

Два месяца на размышления министра — срок ничтожный. Проблема-то огромная, государственная. Единственно, что облегчает решение, — высокая репутация попечителя Кавказского учебного округа графа Карла Эрнестовича Ренненкампфа. Никаких таких либеральных штучек за ним не водится. Его крылатая фраза: «Крестьянскому сыну расти — ослеть, дворянскому — умнеть». Как философски сформулировано: дети дворян обучаются не зря, со временем они сделаются полезными членами общества, его опорой. Дети мужиков, сколько их ни учи, всегда останутся невежественными, жестокими и тупыми… Ну уж коль граф не воспрепятствовал…

Из Санкт-Петербурга в Тифлис, из Тифлиса в Баку: «Министр соблаговолил… Особое исключение…»

Особое исключение…

Гамид Абдуллабеков, позднее доцент кафедры госпитальной терапии Бакинского медицинского института, вспоминает о тех днях:

«Когда я учился в реальном училище, со мной беседовал Али Мардан-бек Топчибашев, позднее занимавший видные министерские посты в мусаватском правительстве. Он убеждал, что не следует стремиться к получению высшего образования для того, чтобы верой и правдой служить царю; вполне достаточно закончить 5 классов. И вообще образование для простых людей излишняя роскошь.

К счастью для меня, в училище помощником классных наставников пришел Нариман Нариманов. Он постоянно объяснял, что образованный человек, как никто другой, может принести пользу своему народу».

Николай Зальциан в 20-х годах главный контролер инспекции Северо-Кавказского военного округа.

«Дорогой наставник и учитель!

Прочитал заметку в «Известиях» о предстоящем юбилейном чествовании… 30 лет тому назад меня, уроженца Тифлиса, судьба столкнула в Баку с Вами. Я находился среди группы окружавших Вас питомцев. Не знаю, грустное ли выражение моего лица, поношенная одежда или что иное остановило внимание Ваше на мне, и Вы подошли ко мне и заговорили со мной. Из моих отрывистых ответов Вы узнали о тяжелой беспросветной нужде моей семьи и о том, что я, еще не вполне окрепший юноша, являюсь единственной опорой для матери, бабушки и двух сестренок 7 и 8 лет. Вы отошли от меня, глубоко склонив свою, тогда черную, голову, бросив: «Ничего, все поправимо, не надо падать духом».

В тот же самый вечер кто-то постучался к нам в дверь. Вошли Вы, обратились ко всем нам с приветствием. С этого вечера в нашу холодную сырую комнату заглянул теплый, светлый луч. Комната сменилась маленькой квартирой. У нас по Вашей рекомендации поселились ученики Алиевы, я получил хорошо оплачиваемые уроки, репетиторство. Благодаря Вашей поддержке моя семья узнала, что значит быть сытым и одетым, а я получил образование…»

Еще сколько всяких других забот, начинаний из тех, что не относятся к служебным обязанностям помощника классных наставников. Да и сама служба при его складе характера, при его обостренном чувстве ответственности за все, с чем сталкивает жизнь, не ради хлеба насущного. Не для собственного блага затрачиваются воля, душевное тепло, время, которого уже сейчас так не хватает. Далеко за полночь светятся окна в угловом доме

на Позиновской улице, «Доме литературы и просвещения», как безошибочно назовет его Ганизаде. Владелец его Али Искандер Джафарзаде под стать своему квартиранту. Только что не кончал Горийской семинарии. Сдал экзамены экстерном, получил диплом, учительствует в русско-азербайджанской частной школе. Днем с мелком в руках перед классной доской, ночью с карандашом за письменным столом. Публицистика — его второе призвание. С приездом Нариманова Джафарзаде становится как бы администратором при нем. В прошении градоначальнику сказано совсем уважительно: «директор библиотеки господина Нариманова».

Публичная библиотека-читальня, доступная решительно всем. Для Кавказа, для мусульманского мира, затея вовсе удивительная. Тифлисская газета «Новое обозрение», несколько отвлекшись от описания нефтяных фонтанов и особняков бакинских нуворишей, четырнадцатого октября восемьсот девяносто четвертого года тиснула сообщение: «Довольно отрадным явлением для нашей интеллигенции представляется народная читальня, открытая господином Нариман-беком[12] 12 апреля текущего года в Баку. 3833 посетителя в одуряющую летнюю жару!..»

Во все концы России, в ближние Персию и Турцию, за тридевять земель в Индию идут почтовые открытки с просьбой присылать периодику, беллетристику, издания для детей. В ответ — аккуратно упакованные в рогожку тючки, свертки, бандероли. Какими-то своими путями прибывают запрещенные для ввоза на Кавказ газеты «Аль Нил» из Каира, «Иттифак» из Софии, «Терджумани хагигат» из Стамбула. Оттуда же из Стамбула иллюстрированная газета «Меламет» и еженедельник «Маариф». Калькутта исправно присылает популярный журнал «Хабльульматин». Нередко это взамен гонорара Нариманову за его «картинки с натуры», «размышления», обзоры.

В пользу библиотеки идет и сбор от премьеры пьесы «Наданлыг». Той, задуманной в семинарии, изданной год назад отдельной книгой — его первая книга! Для представления довольно дерзко заарендовано помещение, в котором обычно выступают заезжие гастролеры — итальянские, французские певцы, звезды оперетты. Сегодня, пятнадцатого января девяносто пятого года, случай особый, небывалый. Весь вечер, все четыре акта, звучит азербайджанская речь. На сцене пока еще безвестные любители, учителя-азербайджанцы. И переполненный зал, и добрые слова в городской газете «Каспий»:

«Особенно щедрыми аплодисментами был награжден автор пьесы г. Нариманов, игравший в заглавной роли Имрана,

представителя нарождающегося типа мусульманской молодежи… Сбор от спектакля пойдет на расширение библиотеки, на перевод ее в более просторное помещение и создание отдела литературы Востока».

В столичном журнале «Артист» отмечено: «В Баку наблюдалось небывалое явление среди тамошнего мусульманского населения…»

Вчетвером, «одной рукой в ладоши не хлопнешь!» — издавна говорят азербайджанцы, — Нариманов, Джафарзаде, Ганизаде, Махмудбеков неутомимо собирают, накапливают книги, журналы, газеты. По меньшей мере на семи языках. Все теснее столики в новом читальном зале, в доме Лалаева вблизи Парапета. Гость из Тифлиса, сотрудник «Армянского культурного союза», позавидовал: «Нужно собственными глазами видеть то, как в библиотеке Нариманова литература переходит из рук в руки и изнашивается от массового потребления… Ни одна из наших — армянских библиотек не располагает таким количеством читателей».

Из рук в руки… Ради этого все и затеяно! Через годы комиссар просвещения Бакинской коммуны, учительница Надежда Колесникова расскажет Нариманову о другой библиотеке — «Общественного собрания» нефтепромышленников. Обе расположены почти что рядом. «Я поинтересовалась у библиотекарши, как удается сохранять книги в таком исключительно хорошем состоянии. Она ответила: «Никто не спрашивает». В этом я убедилась, когда взяла в руки некрасовский «Современник» и «Колокол» Герцена. Книги были совершенно новые, даже неразрезанные».

Из рук в руки… «Каспий» 25 января 1898 года: «Библиотеку-читальню г. Нариманова за прошлый год посетило: мусульман — 8619, русских — 8636, армян — 4881 и других национальностей — 3715, а всего — 25 851 лицо; более 1896 года на 4842».

Шейх-уль-ислам встревожен, он взывает к главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, домогается действий самых категорических. Вмешайтесь, пресеките! «Плевелы укореняются в ущерб божьему промыслу… Опрометчиво дозволенная в Баку библиотека Нариманова есть угрожающий очаг святотатства и неповиновения…»

Действительно, в библиотеке и в доме на Позиновской улице высказывается невоздержанная критика религиозных и светских порядков. Пишутся рефераты об историческом прошлом и гражданских обязанностях современников, об освободительных движениях, просвещении, родном языке, реформе алфавита, предложенной еще Мирзой Фатали Ахундовым. Распаляются

страсти на литературных дискуссиях, на читках новых рукописей. Составляются учебники для школ и самоучители «татарского языка для русских» и «русского языка для мусульман». Устройство спектаклей.

Сразу вслед за пьесой «Наданлыг» две новые постановки. Комедия «Дилин беласы» — «Горе от языка» или «Шамдан бек», написанная Наримановым с год назад, и «Ревизор» Гоголя. Черновые наброски перевода попадаются в семинарской тетради Наримана. Затем все не раз переделывается в Баку, ходит по рукам в списках. Почти четыре года. Наконец репетиции под началом бескомпромиссного Махмудбекова. Запись Самеда Агамали-оглы, просветителя, революционера, государственного деятеля из поколения Нариманова:

«Я весьма заинтересовался, когда однажды узнал, что в театре Тагиева будет дана комедия Гоголя «Ревизор» на тюркском языке, с участием женщин. Это уже был луч света в темном царстве.

Сверх моего ожидания Гоголь не только был вполне выдержан по языку и стилю, но и постановка прошла удовлетворительно и весело, особенно был натурален городничий, исполнителем которого был сам автор перевода Нариман Нариманов; женские роли сыграли армянки. Тюркская публика была ошеломлена правдивостью пьесы, ибо все это напоминало окружавшую действительность. Это было нечто неслыханное в тюркской жизни.

На другой день я поспешил к Нариманову, узрев в нем революционера… Он был простым учителем, занимался литературой и театральным искусством… Визит мой продолжался около часа, и я расстался с Наримановым с чувством удовлетворения, что и в застывшей нашей тюркской жизни стали появляться люди, которым предстояло заполнить пустые страницы нашей истории…»

Упомянут этот факт и в биографии: «Появление на языке забитого, лишенного самой элементарной защиты закона (хотя бы и царского) мусульманского крестьянства Закавказья комедии Гоголя было в те дни делом чрезвычайным, можно сказать, историческим, а для автора перевода весьма рискованным. В деле пробуждения мусульманских масс Закавказья, совершенно лишенных не только переводной и оригинальной литературы, появление в переводе «Ревизора» сыграло крупнейшую роль; с этого же момента и Нариманов в глазах населения занимает определенную позицию — борца за права народа, честного общественника-культурника».

Полное понимание роли Нариманова обнаруживают и власти.

Цензурный комитет: «В разрешении на напечатание перевода «Ревизора» надлежит отказать». «…Ходатайство об издании в г. Баку под редакторством просителя Н. Нариманова газеты на татарско-азербайджанском[13] наречии с параллельным переводом на русский язык, под названием «Таза хабарлар» («Новые вести») отклонить»[14]. «…Заключение по переписке об издании научно-педагогического журнала «Мектеб» («Школа») выносится отрицательное»…Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе: «Означенную библиотеку-читальню за крайне вредным ее направлением ЗАКРЫТЬ».

Вскоре после полудня 5 октября 1898 года двери библиотеки наглухо забивают. Полицейский пристав прикладывает сургучную казенную печать.

На Позиновской Нариманов ободряет обескураженных друзей: «В борьбе победит тот, в ком есть сильная воля и кто способен для общего дела забыть свое личное благополучие…»

В борьбе… Понятие еще далеко не однозначное для участников нелегальных революционных кружков, действующих на нефтяных промыслах, на перегонных заводах, и для Нариманова — просветителя, демократа. Он непримиримый враг религиозной обособленности, националистической косности, но пока что самая большая его забота — пробуждение национального самосознания своего народа. Главным оружием видится просвещение. Всеобщее — от мала до велика. Светская школа — доступный алфавит — книги на родном языке — национальный театр.

Его слова, возможно, несколько пристрастны: «Театр — школа для взрослых. Он воспитывает лучшие человеческие черты. Театр обогащает наш разум…

…Комедии — зеркало нашей жизни. Мы видим в нем себя, свои недостатки, и мы хотим исправлять эти недостатки и поступать так, как положительные герои; мы с отвращением смотрим на испорченных людей».

И что бесспорно. Театр — трибуна. После закрытия библиотеки — единственная и наилучшая, с которой можно обращаться к сплошь неграмотному мусульманскому люду, пытаться воздействовать на него… Театр, сборы от спектаклей дают хотя бы скромные средства для поддержания школ. Нариманов ставит спектакли, играет в своих и чужих пьесах. В разные годы и при разных обстоятельствах. Не только в Баку. Театр будет всегда близок ему.

Девятьсот третий год. Нариманов — студент Новороссийского университета в Одессе. Медики второго курса ставят в торговом порту для матросов и грузчиков обличительную

комедию Тургенева «Холостяк». Постановщик, главный исполнитель Нариманов. Он же непременный участник спектаклей грузинской колонии — тифлисец, с детства знает язык.

Девятьсот двенадцатый. Нариманов отбывает ссылку в Астрахани. Местные и бакинские газеты сообщают с немалым удивлением:

«В результате агитации г. Нариман-бека Нариманова в Астрахани организована первая мусульманская театральная группа и впервые со дня существования Астрахани был дан спектакль на татарском языке… Закладка фундамента мусульманского театра в Астрахани принадлежит целиком Нариман-беку Нариманову… Небезынтересно отметить, что Нариманов, будучи врачом, сам же режиссировал и участвовал в представлениях».

Девятьсот двадцатый. Нариманов — председатель Ревкома Советского Азербайджана. Не откладывая, в первое рабочее утро готовит декрет о создании государственного театра, о достойном материальном обеспечении актеров.

4

Между годами тысяча восемьсот девяносто пятым и девятисотым созданы комедия «Дилин беласы», роман «Бахадур и Сона», историческая трагедия «Надир-Шах». В часы, отнятые у сна. Другого времени у писателя Наримана Нариманова нет. Дни беспощадно, без остатка поглощает служба — он помощник классных наставников, преподаватель азербайджанского языка, благотворительные хлопоты, общественные обязанности.

И в драматических произведениях, и в романе отражены раздумья молодого автора, его стремление поставить наиболее острые для Кавказа проблемы, да и не только для Кавказа. Национальная рознь, борьба с невежеством, добро и зло, социальная справедливость…

Комедия «Дилин беласы»…

…В большом кавказском городе живет Юсиф, образованный молодой человек. Открытая душа. Его жизненное правило: «Человек человеку другом должен быть». Как-то Юсиф получает письмо от Шамдан-бека. Когда-то они были близкими приятелями. «Дорогой друг! С тех пор как мы расстались, я не перестаю тосковать по тебе… Ах! Какое это будет счастье — сидеть рядом с тобой и вспоминать прошедшие дни… В конце этого месяца мы наконец сможем обнять друг друга…»

Обрадованный, растроганный Юсиф окружает Шамдан-бека почетом, вводит его в общество, отдает ему свою комнату, свою постель, кормит на взятые взаймы деньги. Из всех сил старается и Шамдан-бек. Промотавший все, что досталось в наследство, вконец опустившийся бек с остро закрученными, напомаженными усиками и с папахой набекрень выдает себя за просвещенного патриота. Благодаря его усилиям открыты-де четыре школы. Его заступничество дало возможность множеству обиженных встать на ноги, достойные люди получили службу, благоденствуют. «Тут один молодой человек есть, гм… вы, может быть, знаете, его Юсифом зовут, так это я его учителем определил… Естественно, поскольку я дружу с такими высокопоставленными лицами… Вот сейчас приеду к себе… человек пятьдесят встречать придут, не меньше». Губернатор души не чает в нем. Зять губернатора князь Сакарылин, грузинский князь Чавчавадзе, французский консул, председатель суда, прокурор — все заискивают перед Шамдан-беком.

Ближайшая цель Шамдан-бека — жениться на девятнадцатилетней Хадидже, дочери преуспевающего купца. Его не смущает, что Хадиджа — невеста Юсифа. «Подумаешь,

предательство! Из-за того, что Юсиф дает мне кусок хлеба, я должен упускать богатство?.. На этом свете не раздумывают, когда добро само в руки плывет». Отца Хадиджи купца Хаджи-Ибрагима прельщает мнимое богатство и связи Шамдан-бека. Кого любит дочь, ему безразлично. «Наш век — денежный, главное в человеке — чтоб достаток был… Деньги у него есть, значит, все!» Назначен день свадьбы. Шамдан-бек ликует. «Что может сделать язык человеческий! Многие из-за языка несчастными становятся, а мне от него одна выгода». Хадиджа и Юсиф в отчаянии. Они поклялись умереть. Автор не может так закончить пьесу, не должны торжествовать коварство, корыстолюбие, вероломство. И в темном царстве денег и насилия общественное мнение торжествует над злом. Люди узнают истинное лицо Шамдан-бека. Выведенный на чистую воду, авантюрист теряет рассудок. Пытаясь отомстить Юсифу за собственную неудачу, он наносит себе смертельный удар кинжалом. Его погубили безудержное вранье, длинный язык. Дилин беласы — горе от языка!

Под занавес Юсиф произносит: «Знаете, что решило участь этого человека? Осуждение! Единодушное осуждение общества! Великая это сила — единство! Если бы люди были всегда едины, если бы они всегда действовали сообща, им не нужны были бы ни кинжалы, ни ружья, ни пушки!»

Это главная идея пьесы. Ее хотел автор донести до читателя и зрителя. Комедия имела успех.

Почти одновременно жизнь доставляет еще одну радость. Мало знакомый Нариманову армянский беллетрист и драматург Вртанес Папазян настойчиво убеждает редактора тифлисского армянского журнала «Мурч» — «Молот» Африканяна познакомить читателей с другим произведением — романом «Бахадур и Сона».

— Если в Баку тюркский учитель отважился героиней своего романа сделать армянскую девушку Сону, воспеть ее благородство, широту духовных интересов, силу ее любви к мусульманину Бахадуру, то и мы обязаны быть на высоте. В наших национальных интересах, чтобы перевод тюркского романа немедленно появился в армянском журнале… Много шума — много подписчиков!.. — не то в шутку, не то всерьез заключает Папазян.

Он сам переводит роман, сам пишет небольшое предисловие: «Учитель Нариманов — человек с великолепными стремлениями и энергией. Он поклялся посвятить себя просвещению своего народа».

Итак, в девяносто шестом году почти одновременно в Баку и в Тифлисе на языке Бахадура и на языке Соны печатается первая

часть романа.

…Есть неподалеку от Тифлиса, на лесистых склонах гор, дачное местечко Манглис. В былые семинарские годы там гостил Нариман. Теперь он отправляет в Манглис Бахадура, студента четвертого курса Петербургского университета.

Постоянно стесненный в средствах, привыкший зарабатывать на жизнь уроками, Бахадур охотно принимает предложение некоего Осипяна «из богатых и знатных тифлисских армян» обучать его дочь Сону персидскому языку. Сона оказывается человеком незаурядным. Среди мусульманских девушек Бахадуру такой встречать не приходилось. «К пятнадцати годам она уже свободно владела несколькими языками — хорошо знала русский и французский, изучила турецкий. О родном языке, конечно, и говорить не приходится… Многие делали предложение образованной и богатой невесте, но… она решила отдать всю жизнь своему народу — пером служить ему».

Персидский язык как-то незаметно отодвинут на задний план. Тем более что за несколько недель Бахадур научил Сону наиболее употребительным словам, «прошел с ней необходимые уроки по книге», и она уже могла отвечать на вопросы по-персидски. Быстролетные часы уходят на жаркие беседы решительно обо всем.

«— Ах, Бахадур-бек, я очень прошу вас, не скрывайте от меня своих мыслей. О чем бы вы ни думали, что б ни огорчало вас, говорите мне все. Иначе вы обидите меня своим недоверием.

— Этого я ни в коем случае не хотел бы. Но если уж вы непременно хотите знать, извольте: я произнес слово «нация», и слово это в который раз всколыхнуло во мне все те же думы, тяжелые, безрадостные.

Наступило молчание. Сона оглянулась по сторонам и убедившись, что они одни, сжала руку Бахадура:

— Как чудесно встретить человека, который думает так же, как ты!.. Никогда впредь ничего не скрывайте от меня, ладно? Ведь я ваша единомышленница, Бахадур-бек. Но объясните, однако, почему вы вздохнули при упоминании о вашей нации?

— Разве это непонятно? Разве вы не знаете, что моя нация отстала от всех других?»

Может быть, в романе все развивается слишком прямолинейно — это не суть важно. Устами молодых Нариманову необходимо сказать так много! Вокруг столько животрепещущих национальных проблем. «…Нация наша находится в таком бедственном положении, что даже маленький рассказик, в котором говорится о ее нуждах, может принести огромную пользу. Не нужно только бояться народа. Если ты друг своему

народу, ты должен смело говорить ему правду в глаза».

В задушевных разговорах с Соной, с друзьями Алексеем и Султаном, высказываются горькие истины. О воспитании детей в семьях невежественных мусульманских богачей: «Их напичкают всякой всячиной, обучат танцам, выучат болтать по-французски, но своего родного языка они знать так и не будут, да и не захотят его знать!» О школах, где «учат точно так же, как сто лет назад». О пишущей братии, что «помешалась на одном: литературный язык надо непременно насыщать персидскими тропами, потому что на чисто тюркском языке пишут, видите ли, только невежды… Нужно спросить их: «Несчастные, на что вы тратите свой ум? Что пользы писать по-тюркски для китайцев?»

В полный голос называется первопричина застоя, отсталости, темноты: «Народ слепо верит моллам, и только им, мусульманин выполняет все, что приказывает молла. Но как раз это и разрушает нацию… Просвещенная молодежь чурается общественной жизни, а духовное руководство ею захватили моллы… Этим субъектам не только на нацию, им, честно говоря, и на веру-то наплевать!..»

Молодость берет свое. Бахадур вечером у распахнутого в сад окна читает Соне стихи:

Словно птица, в западне я, ты — охотник мой,
Так убей иль клетку настежь распахни рукой.

Сона в ответ: «Бедный соловей, он так страстно поет о любви к своей розе. А ведь роза, раскрыв свои бутоны, тянется к нему! Она словно хочет сказать ему: «Для тебя я цвету, любимый!..»

Сону мучает вопрос: какая сила, тайно властвуя над людьми, разделяет их? Бахадур не готов сразу ответить, он обещает дать ответ со временем. Проклятый вопрос терзает и его. «Какая сила разделяет людей?»

…В половине августа дни становятся заметно прохладнее. Разъезжаются дачники. Все больше пустеет Манглис. Время возвращаться в Петербург к университетским занятиям Бахадуру. Что же касается ответа на вопрос Соны… Его можно будет узнать только через четыре[15] года, когда Нариманов приступит к заключительным главам.

Едва ли Нариманов медлил с окончанием романа из-за отсутствия времени. Ведь в промежутке между первой частью и завершением книги пишется «Надир-шах» — повествование, потребовавшее изучения далекой эпохи, хитросплетений персидской истории. Или объяснение в том, что автор мучительно ищет возможность одолеть пропасть, уничтожить

национальную рознь, религиозную вражду. Как уберечь счастье Бахадура и Соны?

А сила, против которой Нариманов всего больше восстает, — духовенство, неумолимо напоминает: я беспощадна, я и тебя могу раздавить.

Духовенство пытается расправиться с ним. Об этом скажут другие люди в другие годы. В центральном российском журнале «Искусство трудящимся» в 1925 году: «Его работа «Бегадир и Сона» настолько остро попадала в больное место тогдашней кавказской действительности, что Нариманов чуть не пал жертвой «со стороны разъяренных молл».

…Из Петербурга Бахадур обращается к Соне: «Зачем, почему нас разделяет пропасть?!.. Если люди создали эту пропасть, разве мы, люди, не в силах уничтожить ее?.. Зачем нужно, чтобы люди были рабами каких-то ими же придуманных законов… Разве это нормально? Нет. Закон природы один для всех людей! Все человечество должно двигаться к одной цели, и цель эта — мир любви и свободы.

…Каждая религия когда-то соответствовала своему времени, звала человечество к лучшему, готовила людей к борьбе за единую цель. Каждый новый пророк, приходя к людям, говорил: «Мы пришли, чтобы направить человечество на истинный путь». Значит, цель одна, путь один… Почему же тогда люди отделены друг от друга? Почему?» Мечется Сона. В какой-то далеко не радостный вечер ее отец предлагает, как ему кажется, самый лучший выход — пусть Бахадур примет христианство.

«— Нет, папа, ни за что! Я прошу тебя даже не упоминать об этом. Бахадур никогда не согласится на такой шаг, так же как и я. Зачем ему делаться христианином или мне переходить в магометанство?..

— Пойми, девочка, общество не знает и, уж конечно, не разделяет ваших взглядов… Наше общество живет по определенным законам, мы связаны традициями, установленными отцами и дедами».

В поисках выхода отец везет Сону к Бахадуру в Петербург. Он словно оправдывается перед юношей.

«— Да что там говорить, вы все понимаете… Я читал ваше письмо. Ваши помыслы чисты, ваши намерения благородны, но общество… нация…

— Да… да… конечно… — перебил его Бахадур в замешательстве. — …Моя любовь принесла страдания… Простите меня… Я… простите…»

Бахадур обещает, что все разрешится. И Бахадур находит выход…

«В смерти моей прошу никого не винить, Я убил себя собственной рукой… О, эта продаст разделяющая людей! Я пытался преодолеть ее, она убила меня… Но я верю — когда-нибудь она все-таки будет уничтожена…»

Сона сходит с ума. Ей предстоит угасать в лечебнице для душевнобольных…

Незадолго до самоубийства Бахадур грозит: «И если есть закон, который говорит мне: «Ты не должен ее любить — я уничтожу его, я сделаю это!».

Это всего лишь заявка на беспощадную борьбу. До полного уничтожения национальной смертельной вражды, религиозной нетерпимости, сил, их порождающих. Всего того, что вложено в понятие «пропасть». Пока Нариманов — просветитель, гуманист — наделяет героя своего другого произведения Надир-шаха чертами благородного разбойника, намеренно несколько смещая, приукрашивая исторические события.

Надир — выходец из самых низов. С пятнадцати лет он разбойничал вместе с отцом. Сейчас ему за сорок. Он бесстрашен. Умен. По своим способностям намного превосходит родовитых, титулованных визирей, ханов, военачальников, самого шаха. Никому другому — Надиру, поднявшему крестьян, удается защитить от чужеземцев священные очаги предков. Громкая победа у крепости Хорасан над систанским ханом — и шах прощает бывшему разбойнику Надиру все грехи, ставит его во главе персидских войск.

Победы… Победы… Падают крепости, сдаются на милость Надира чужеземные ханы, покоряется Афганистан. Надир с победоносными полками возвращается в Исфаган, направляется во дворец шаха… Там все готово к встрече. Палачу отдан приказ отрубить Надиру голову.

Дворцовые интриги, они имеют склонность стремительно развиваться неожиданным образом. Визири Джафар-хан, Рза-хан и Мухаммед-хан, те, кто в следующем акте предадут Надира, спешат известить его о намерении шаха. Надир легко совершает переворот. Самозабвенно дерут глотки ханы: «Да здравствует Надир-шах! Да здравствует Надир-шах!»

Новый правитель Надир, по утверждению состоящего при нем летописца Мирзы Мехти, «беззаветно любит отчизну… помогает беспомощным, согревает заботой обездоленных и сирот». Проводит реформы, готовит далеко идущие преобразования. Намеревается «урезать права и привилегии духовенства… После этого закона каждый ленивец не будет стремиться стать моллой… Государство, в котором власть моллы слишком велика, не может развиваться. Потому что моллы всегда стараются держать народ в

темноте…

Надо лишить духовенство права составлять светские законы и указы по делам государства… Я проучу этих злодеев и тунеядцев!» Как бы в подтверждение Надир велит обезглавить старейшину молл — ахунда Алекпера. Тот отверг его планы примирить мусульман-шиитов и мусульман-суннитов, приверженцев двух толков в исламе.

Моллы жестоко отомстят шаху Надиру. На охоте неизвестные стреляют в шаха. Расчетливо. Так, чтобы слегка ранить в руку. Визири, зная болезненную подозрительность Надира, его необузданные вспышки гнева, лишь намекают:

«Великий шах! Наследный принц должен лучше других знать об этом.

Надир-шах: По твоим словам, выходит — это заговор моего сына?

Мухаммед-хан: Да, мой повелитель!» Большего не нужно. Надир в припадке ярости требует, чтобы его единственному сыну, двадцатилетнему Рзагулу немедленно выкололи глаза. Мать юноши тщетно валяется в ногах, умоляет на два часа отложить наказание.

Рзагулу ослеплен. Тут же доброжелатели охотно доставляют Надиру доказательства полной невиновности сына. «Кровавыми слезами я должен обливаться… От стона и вопля моего земля и небо должны содрогнуться… Я должен перенести муки ада…» Теперь дни и ночи Надир-шах молит аллаха, дабы ниспослал ему смерть, как великую милость.

Аллах милостив. Однажды ночью трое подосланных ханов набрасываются на Надира. С двумя он совладает, третий вонзит кинжал в спину. В назидание правоверным.

Долгие годы, до первой русской революции, «Надир-шах» находится под строжайшим запретом. Ни профессиональный театр, ни любительский кружок — никто не смеет ставить[16] пьесу. Одна персидская принцесса отважилась было, перевела трагедию на фарсидский язык. В Тегеране прошел всего один спектакль.

Понимают в Петербурге, понимают в Тегеране, сколь опасны замыслы просветителя Нариманова.

То самое, что осторожно допускал Мирза Фатали Ахундов в своих «Обманутых звездах», — обстоятельства могут возвести на трон простого человека, в пьесе Нариманова получает развитие. Выходец из низов ниспровергает божьего помазанника. В полный голос при этом заявляя: «Правитель, не заботящийся об отечестве и народе, проводящий свои дни в бесконечных пиршествах, терзающий народ своим произволом, найдет свою гибель от рук

народа…»

По авторской ремарке: «Действие происходит в Исфагане в 1717 году». Заинтересованность в судьбе Персии не случайна. В персидских событиях более позднего времени Нариманов примет непосредственное участие.

5

Нариманов — студент. С августа 1902 года студент Новороссийского университета. Будущий врач.

Для окружающих — решение вовсе неожиданное. «С чего бы это вдруг?» Удивляются, рассуждают между собой: «У Нариман-бека видное положение в обществе, прочная репутация человека, сеющего добро. Дети учатся по его учебникам. Взрослые читают его книги, смотрят его пьесы, слушают его лекции, обращаются к нему за заступничеством… Чего ради такой крутой поворот? Гм…»

Даже мудрейшая Халима-ханум (в последние годы она живет с сыном в Баку) сомневается, следует ли ей славить аллаха, или горько печалиться. «Нариман — почтенный муэллим, взрослый мужчина — в новруз-байрам ему исполнилось тридцать два — рвется заново учиться, уезжает в далекий город Одессу. К добру ли это?»

А он не может поступить иначе. Он постоянно сталкивается с прототипами действующего в его повести «Пир»[17] незабвенного моллы Джафаркули. Святой отец — в недалеком прошлом он водил по деревням дрессированную мартышку — обращается к жаждущим исцеления паломникам:

«О, благоверные! Я слышал, что в городе и в ряде селений народ, испугавшись холеры, намерен бежать куда-то в горы. Остерегайтесь подобных поступков. Холера — болезнь божья, Аллах всегда посылает страдания неблаговерным. А вы, слава аллаху, люди правоверные. Вы совершаете намаз[18], соблюдаете пост, вы из тех, кто постоянно посещает Пир, и вам нечего бояться. В прошлом году человека, заболевшего холерой, привезли сюда из селения. В миску с водой я насыпал землю из Пира и дал больному выпить. Он сразу выздоровел. Чего же вам бояться? Аллах дал болезнь и лекарство от нее, но помогает оно только правоверным».

Земля из «святого» места — для избранных. Для тех, кто жертвует деньги, драгоценности, баранов. В обиходе же лекарство от всех болезней — холеры, чумы, туберкулеза — бумажка с молитвой, написанной моллой за подобающее вознаграждение. Бумажку полагается опустить в воду, когда исчезнет надпись, целебное питье готово. А там… на все воля аллаха!!

Слепая вера невежественных пациентов, мошенничество безгранично жадных молл-знахарей, почти полное отсутствие врачей-мусульман — зло старое, вековое. Нариманов с ним сталкивается не со вчера, не с третьего дня. Пытался обличить это

зло еще в первый год после семинарии, учительствуя в селении Кызыл-Аджили. Бедствие каким было, таким остается. Меняется взгляд Нариманова на жизнь. Известно, самая тонкая пленка па глазу зрение сильно ограничивает или вконец затуманивает. Теперь у Нариманова она понемногу исчезает. Дали обозначаются отчетливее.

«Выбор медицинского факультета, — сказано в биографии, — знаменовал те начавшиеся в нем внутренние сдвиги, которые не могли не произойти в условиях общественной работы в Баку, этом крупнейшем капиталистическом центре, где резче, чем где-либо в тогдашней России, били в глаза ужасающее имущественное неравенство, обогащение одних за счет других и т. п. социальные явления и процессы. «Проклятые вопросы» требовали ответов; их не было, и вот Нариманов бросается изучать естественные науки…

И рукою Нариманова написанное, достаточно существенное: «…Тяжелые жизненные условия, неоднократные удары судьбы мешали мне в достижении намеченной мною цели. Теперь, выдав племянницу замуж, определив остальных детей в учебные заведения, я думаю, что долг относительно семьи мною выполнен и я могу заняться продолжением своего образования, что уже издавна служило моей заветной мечтой».

…В зачитанной в Баку до дыр книге Владимира Ильина — подпись «Н. Ленин» появится позже, через несколько очень важных для Нариманова лет — в книге «Развитие капитализма в России»[19] отмечено: почти вся нефть добывается в Бакинской губернии, и Баку «из ничтожного города сделался первоклассным промышленным центром, с 112 тыс. жит.».

Почти вся нефть России и более половины мировой добычи! 671 миллион пудов в 1901 году. Население снова почти удвоилось — уже 207 тысяч. На промыслах, на нефтеперегонных заводах в морском порту около 70 тысяч рабочих, 30 национальностей и народностей.

Куда ни посмотришь — густой черный лес нефтяных вышек, воткнувшихся в ядовитый дым и зловонный пар. «Магическое слово «фонтан» кружило голову, — рассказывает «наблюдатель» в газете «Искра», — всякий надеялся отвести в свой канал что-нибудь из золотого дождя миллионов. Деньги лились рекой! Капиталы наживались и проживались с американской быстротой. Напоминание об общечеловеческих интересах прозвучало бы резким и смешным диссонансом в этом царстве…»

Здесь ни неба, ни солнца, ни единого зеленого деревца. Земля, люди — все густо обрызгано зеленовато-черной

маслянистой жидкостью. Под ногами хлюпает, чмокает топкая грязь, перемешанная с нефтью. Посередине «улиц» глубокие ямы — «амбары» и «озера», до краев наполненные мазутом, и кипящие лужи отбросов, возникающих при очистке керосина кислотой и щелочью. Мучительная смерть грозит тому, кто угодит в плотной ночной темноте в «амбар», да и днем никто не попытается вытащить оступившегося — бесполезно, несчастный мгновенно захлебывается, идет ко дну… Уши раздирают лязг, грохот, скрежет, звон от бурения скважин и тартания нефти.

Двенадцать часов подряд тартальщик в напряжении. Чуть замешкался, не успел затормозить стальной канат, желонка с визгом взлетает под самый купол вышки, ударяет о блоки, вместе с гнилыми перекрытиями грохает вниз. Тартальщик оказывается под грудой обломков… Дело каждодневное, постоянное. По официальной статистике в Сабунчинском нефтепромысловом районе: «Из 33 тысяч рабочих 15 процентов, т. е. 4500 человек, ежегодно получают увечья. Через 6–7 лет все рабочие так или иначе будут увечными. Участь быть калекой неминуема, только один будет искалечен раньше, другой позже». Средняя продолжительность жизни тартальщика — двадцать пять с половиной лет.

В листовке подпольного комитета РСДРП:

«Тот, кто хоть минуту оставался в этом тяжелом, убийственном воздухе от нефтяных газов, которые иссушили нашу грудь, тот, который был оглушен грохотом бурильного станка, тот, который видел нас, работающих по колено в грязи и облитых нефтью, в рваной одежде, с истомленными лицами от непосильной работы, тот, у которого не камень в груди, а сердце, — у того на всю жизнь останутся в памяти условия труда буровых рабочих…»

Гениально сделанная картина мрачного ада видится Максиму Горькому, дважды за несколько лет побывавшему на Апшероне. «Эта картина подавляла все знакомые мне фантастические выдумки устрашенного разума, все попытки проповедников терпения и кротости ужаснуть человека жизнью с чертями, в котлах кипящей смолы, в неугасимом пламени адовом…»

На границах ада днем и ночью дежурят дюжие городовые и раскормленные молодцы с заметно оттопыренными карманами — личная охрана нефте- и рыбопромышленников, пароходных и банковских воротил, негоциантов. Неукоснительно следят, чтобы, упаси бог, в благородные кварталы Николаевской (в честь царя!) и Великокняжеской улиц[20] «не проникли ишаки, верблюды, ломовые извозчики, разносчики воды, а также все лица в пачкающей или дурно пахнущей одежде». Вся мазутная братия!

В причудливо безвкусных белых особняках — зимние сады и родниковая вода, доставляемая за сто верст. А по ту сторону от мощенных булыжником райских кварталов, там, где разбросаны, перепутаны наскоро сложенные из рыжеватого и серого неотесанного камня и глины приземистые домишки, матери строго делят между детьми морскую воду цвета свинцовой примочки, торопливо пропущенную через опреснитель.

Единственный в городе, давно отслуживший свой срок опреснитель кое-как управляется в сутки с шестьюдесятью тысячами ведер воды. Потребность же самая минимальная — 200 тысяч! Еще немного воды привозят баржи на обратном пути из Астрахани. Не все. Кто из владельцев или шкиперов особенно жаден, тот для продажи в трюмы, из которых только что выкачали нефть, заливает воду. В городе не прекращаются эпидемии брюшного тифа, дизентерии, холеры. За недолгий срок бакинцев дважды косила чума…

Тоже «преуспевающий» уездный город Куба. Местный корреспондент газеты «Каспий» спешит поделиться весьма ободряющей новостью: «На днях, как уже у нас сообщалось, все арестанты из старой тюрьмы переведены в новую; переведено туда 200 человек. Новая тюрьма обошлась в 120 тысяч. Что же касается старой тюрьмы, то ее думают приспособить для больницы, которой наш город в данный момент лишен».

За уездным городом лежат селения. Сотни селений. В более близких к железной дороге побывал в начале века прибывший из Санкт-Петербурга сенатор Кузьминский. Во всеподданнейшем отчете «О произведенной по августейшему повелению ревизии города Баку и Бакинской губернии» сенатор признает:

«Описанные условия естественно создают для местного населения положение полного бесправия, грубого произвола и совершенной необеспеченности, личной и имущественной. Не говоря уже об испытываемом стеснении в области землевладения и землепользования, о значительном обременении разного рода налогами и повинностями… население, можно сказать, стонет от повального взяточничества полиции, полицейской стражи, сельских властей, ветеринарных врачей, чинов лесной стражи. При объезде губернии многие сотни людей обращались ко мне и моим сотрудникам с такого рода жалобами, ясно указывающими, с одной стороны, на то, что раньше некому их было приносить, а с другой — что терпение населения близко к тому, чтобы иссякнуть».

Терпение… Терпение… Полнейшая покорность властям, безропотное подчинение своим «отцам нации». На промыслах Мусы Нагиева мастер Джафар, нанимая «братьев» мусульман,

заставлял их клясться на Коране в том, что они не будут принимать участия в забастовках, не вступят в союз нефтепромышленных рабочих — сборище «неверных» под прямым покровительством шайтана. В подмогу Корану еще своя полиция, своя охранка. Николай Второй жалует орден Станислава миллионеру Исебеку Ашурбекову за создание собственной агентурной сети для слежки за неблагонадежными единоверцами.

В тот день, когда полицейские заколотили двери библиотеки-читальни, Нариманов объяснял обескураженным друзьям: «В борьбе побеждает тот, в ком есть сильная воля…» Воли, готовности жертвовать собой у него не занимать. Но чтобы расплывчатое, мало к чему обязывающее «самосознание нации», «интересы нации» навсегда сменилось точным, дисциплинирующим, подлинно гуманным «интересы класса», «борьба класса», необходим задуманный Наримановым крутой поворот. В биографии сказано определенно: «…от идеалистического культурничества к материализму».

Стало быть, университет, студенческие годы, новая среда, новые обязанности. А что ему тридцать два года — в этом тоже есть свое преимущество: больше осмотрительности, умения трезво судить.

Так в добрый час!

…Первое пристанище в Одессе — меблированные комнаты на Херсонской улице. До того лет за тридцать под этой же крышей обитал одинокий в ту пору совсем молодой профессор Новороссийского университета Илья Ильич Мечников. Это случайно выяснится при их встрече в Астрахани в девятьсот одиннадцатом году. Окруженный невиданным вниманием Мечников прибудет из Парижа, из Пастеровского института, во главе научной экспедиции. Политический ссыльный доктор Нариманов поспешит оказать ему помощь при исследовании очагов чумы в глубине Киргизской степи — едва обжитых просторов к востоку от Волги.

Оба охотно вспомнят, что в их жизни существенное место принадлежит Одессе, Новороссийскому университету. Хотя и в разное время, обоих приютила одна и та же скромная «меблирашка». Через несколько домов квартировал другой университетский профессор — уже тогда знаменитый физиолог Иван Михайлович Сеченов. Всем троим не раз случалось пользоваться кухмистерской на Херсонской, 36. Еще забавная подробность. Над дешевой молочной, что наискосок от главной почты, постоянные посетители из кавказского землячества водрузили вывеску: «МАЦОНИ!» В переводе на русский то же, что

простокваша. Дань увлечению Мечникова простоквашей — гарантией продления жизни…

Землячество студентов-кавказцев в Одессе едва ли не самое многочисленное. Правительство империи заботилось, чтобы по обе стороны Кавказского хребта не было ни единого высшего учебного заведения. Это своеобразный санитарный кордон против крамолы. Волей-неволей кавказской молодежи приходится отправляться в дальние края. По сложившейся традиции чаще всего в Одессу, Киев. Да и зимы там южанам более доступны, не такие долгие, суровые.

Землячество как бы в малом масштабе — весь пестрый Кавказ. Изнутри делится по национальным, сословным признакам, по зажиточности. Жизнь позаботится — на других совсем началах произойдет размежевание.

Те, кто жаждет грозы обновления, добивается политических свобод, в ком развито чувство долга и стремление следовать девизу Пушкина: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать», вступают вместе с портовыми рабочими и матросами в революционные нелегальные кружки «Интернационала», созданного одесской группой «Искры». Недвусмысленно отвечают на призыв Российской социал-демократической рабочей партии: «Лишь борясь в рядах пролетариата, лишь в союзе с ним студенчество может освободиться от политического рабства».

Кружкам «Интернационала» в университете противостоят две сугубо верноподданные лиги: «Единение силы» и «Рассвет». Вступать в них студентам рекомендует сам ректор Деревицкий. Кто соглашается по слабости характера, из элементарной трусости. Кто в расчете на карьеру, на влиятельное покровительство. Обе лиги вольются в «черную сотню».

На медицинский факультет — он открыт много позже других, лишь в 1900 году — одновременно поступили два азербайджанца: Нариман Нариманов и Насиб-бек Усуббеков. В недалеком будущем Нариманов станет комиссаром Бакинской коммуны, председателем Ревкома свободного Азербайджана, гордостью Востока. Усуббеков — временщиком, посаженным в кресло премьера марионеточного правительства английским генерал-губернатором.

В прошлом уже было отдаленно похожее. На юридическом факультете учился и был исключен за «создание беспорядков» Андрей Желябов, народоволец, организатор покушения на Александра Второго. Тот же факультет Новороссийского университета дал Российской империи главу правительства Сергея Витте…

6

Пойдем к рабочему народу,
В союзе с ним нас ждет успех,
Пойдем за счастье, за свободу,
Пойдем за равенство для всех!

С того времени, как в главном корпусе медицинского факультета на Ольгинской улице были разбросаны листки предерзкого содержания, нет покоя инспектору по студенческим делам господину Кржыновскому, начальнику надзирателей и платных доносчиков, обязательных на каждом факультете. В обстоятельном перечне его занятий особо выделено: «Постоянное наблюдение за тем, чтобы среди студентов не устанавливалось отношений взаимной солидарности и близкого товарищества».

Инспектор доносит своему шефу — начальнику губернского жандармского управления: «В Императорском Новороссийском университете появилась группа до сего времени неустановленных лиц, которая осторожно, но с упорным постоянством занимается агитационной деятельностью крайне вредного для общества содержания…»

Один из «неустановленных» — председатель Кавказского землячества хорошо успевающий в науках Нариман Нариманов. Белый стоячий воротник форменной тужурки оттеняет смоляную бородку клинышком, такие же ослепительно черные широкие усы. Спокойное лицо со слегка грустным выражением глаз. Дружелюбный, уступчивый в житейских отношениях. Прямой, твердый, когда приходится отстаивать свои взгляды.

Однокурсники многие годы спустя, уже став маститыми профессорами, охотно вспомнят…

Иван Алексеевич Кобозев: «Нариманов был старостой нашего курса. Очень обязательный человек. Его внимательно слушали, к нему тянулись. Чаще всего его можно было видеть в обществе Е. Н. Щепкина, Н. К. Лысенкова, Б. В. Вериго — будущих ученых-медиков, естествоиспытателей. Не расставался с грузином Хундадзе… Поскольку я могу судить, интерес к Нариманову проявляли и в профессорской корпорации».

Вячеслав Павлович Снежков: «На нашем факультете годами мы все были младше Нариманова. С ним считались и легко принимали его предложения… Прекрасно понимая существовавшее положение, он вел нелегальную работу среди портовых грузчиков, среди городского населения, но улик полиции не давал…»

В один немного пасмурный майский день девятьсот третьего года Нариманов появляется на причале Крымско-Кавказской пароходной линии по делам, вовсе неинтересным для полиции. Встречает своего брата Салмана. Тому уже за сорок, сын пошел в школу, подрастают две дочери.

Заядлый книгочий, охотник сочинять ядовитые четверостишия, Салман из доступных ему занятий выбрал работу наборщика в большой бакинской типографии. Шутит: «Новости сами ищут меня». С помощью друзей-типографщиков добывает тайные листки, воззвания, карикатуры. За девять месяцев, что отсутствует Нариман, в «коллекции» много чего прибавилось. Теперь представляется случай разобраться без помех. Напрасно жена Салтанет остерегает: «Собственных детей не жалеешь, в тюрьму торопишься сесть, так хоть брата пощади, не тащи к нему свою нелегальщину!» Как можно! Конечно же, надо прихватить с собой несколько самых растревоживших душу прокламаций.

Кое-что о делах в Баку доходило до Наримана и раньше, носились в Одессе слухи. Но, пожалуй, наиболее значительное он узнает впервые. А события в Баку, по рассказам Салмана, одно к одному, словно горошины в стручке.

…Десять тысяч промысловых рабочих и мелких служащих — горожан заняли в полдень 27 апреля[21] запретную для них центральную Николаевскую улицу. Красные знамена, «Варшавянка», «Дубинушка», «Марсельеза», дерзкие листки: у ног улыбающегося рабочего повергнутый самодержец-император всея России. Текст того похлеще:

И страшись, грозный царь,
Мы не будем, как встарь,
Безответно сносить свое горе.
Мы разрушим вконец
Твой роскошный дворец
И оставим лишь пепел от трона!
И порфиру твою мы отнимем в бою,
И разрежем ее на знамена!

Налетели стражники, дворники, прискакали казаки. От них отбивались камнями, палками, намазученными кулаками. До густых сумерек длились яростные стычки за центральные улицы, за сад Парапет.

Тогда же, в апреле, на Балаханских промыслах пять тысяч мужчин и женщин вышли на улицы, самозабвенно возглашая на русском, азербайджанском, армянском языках: «Долой царя!», «Мы не хотим милостей, мы требуем своих прав!», «Да

здравствует Первое мая!» Буровой рабочий-азербайджанец Мамед Мамедъяров поднял красный флаг. Позвал идти в город. Навстречу — конная полиция, казаки. Засвистели нагайки, посыпались удары шашек. В ответ — град камней. Стрельба… Ранен Мамедъяров. Разгорается отчаянная схватка за окровавленное знамя. Успех на стороне демонстрантов. Красное полотнище с лозунгом «Пролетарии всех национальностей, объединяйтесь!» снова реет над головами…

…Впервые отпечатано на типографских машинах воззвание к рабочим-мусульманам:

«Вы сами были очевидцами событий… Вы сами видели, как толпы народа смело шествовали по улицам нашего города, неся красное знамя и провозглашая: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!»…Это был не бунт, а лишь выступление, демонстрация против своего жестокого врага — царя, который деспотически угнетает и русских, и армян, и грузин, и мусульман, и евреев, и других…

Глубже вдумайтесь, товарищи мусульмане, в эту борьбу объединившихся людей!.. Этот народный союз охватывает всю Россию. И каждую весну в городах и даже некоторых селах России взвиваются красные знамена. Число борющихся с каждым годом растет. Сравните происходящее в этом году с тем, что было в прошлом! Посмотрите, как изо дня в день ширится борьба!

А теперь мы обращаемся к вам:

Если есть в вас человеческое стремление к свободе, то не оставайтесь посторонними зрителями, присоединяйтесь к нам! Собирайтесь смело под сень красного знамени политической свободы! Становитесь, товарищи, на путь освобождения!

…Произвол царя растет — долой самодержавие!

Бакинский комитет социал-демократов».

Нариманов не мог знать, что перехваченный бакинскими жандармами экземпляр обращения доставляют главноначальствующему гражданской частью на Кавказе князю Голицыну. Князь прячет прокламацию в свой сейф. За малым листком бумаги с не очень четким шрифтом кроется грозная сила пробуждающегося сознания угнетенных. В Баку вице-губернатор своими глазами видел, как рабочий-татарин нес кусок кумача с надписью огромными буквами: «Пролетарии всех национальностей, объединяйтесь!»

Поразмыслив, главноначальствующий решает, что всего лучше опасную листовку переправить с фельдъегерем в Санкт-Петербург всесильному другу, министру внутренних дел Плеве. В выражениях самых уважительных просит «почтить его своим суждением относительно дальнейшего направления настоящего

дела». В ответ: «Благоволите, Ваше Высокопревосходительство, данное дело представить на высочайшее рассмотрение. При всеподданнейшем докладе испросите августейшего повеления…» Куда яснее!..

Ну что ж! Намерения администрации на Кавказе строго последовательны: повсеместно побуждать армяно-татарскую резню, острые конфликты между грузинами и армянами, кровавые столкновения чеченцев и ингушей с осетинами. Притом оказывать всяческое покровительство «Обществу патриотов» священника миссионерской церкви Филимона Городцова…

Одессу с первых чисел июля — недель через пять после отъезда Салмана — неудержимо захлестывает волна стачек. В университете летние каникулы. Большинство студентов-кавказцев двинуло в родные места. Нариманов этого себе не разрешает. Чувствует — сейчас он особенно нужен своим новым друзьям — докерам, возчикам, матросам. Не счесть, сколько вечеров вместе проведено в «Волнорезе» — харчевне на Ланжероне, где на столиках бесплатный хлеб (не возбраняется пару-другую ломтиков прихватить с собой — обеспечена еда на завтра) и можно неторопливо побеседовать. Неграмотные грузчики-дагестанцы, азербайджанцы, грузины просят прочесть письма, присланные из дому, расспрашивают о новостях. С некоторыми доводится встречаться и на нелегальных сходках «Интернационала». В последние дни он получил еще дополнительное поручение Одесского комитета эсдеков — переводить прокламации на азербайджанский и грузинский языки.

С рассвета 16 июля отказываются выходить в море команды торговых кораблей, гасят топки паровозные бригады. Замирает жизнь на причалах, на железнодорожных путях. Не станут в этот день работать заводы, фабрики, типографии. Остановится конка. Не откроются магазины. В полдень, густо напоенный пряным ароматом увядающих цветов, от Рубового сада к приморскому Николаевскому бульвару и по затененной громадными платанами Пушкинской улице к Куликовскому полю двинутся в строгом порядке 50 тысяч демонстрантов.

Всеобщая забастовка лета 1903 года. Одним ударом она останавливает промышленность на всем юге России — в Баку, Тифлисе, Батуме, Новороссийске, Киеве, Одессе, Екатеринославе, Николаеве, Керчи. От моря Каспийского до морей Черного и Азовского.

Содрогаются власти. С 18 июля Одесса на военном положении. Из летних лагерей походным порядком прибывают десять рот пехоты, батальон пластунов с приданными

артиллерийскими батареями. Из Тирасполя 6-й Донской полк казаков. Благо в заранее прибывшей депеше министра Плеве уж куда яснее: «проявлять заботу не о жизни рабочих…»

Бурная одесская действительность как бы специально заботится, чтобы дать Нариману Нариманову впечатляющие уроки. Тем более что он отнюдь не сторонний наблюдатель событий. Вскоре после возобновления университетских занятий инспектор Кржыновский с немалым удивлением вносит в досье деликатнейшего председателя кавказского землячества и члена совета старост: «Участвовал в сборище студентов и мастеровых, имевшем место в большой аудитории медицинского факультета. Взял на себя функции председательствующего… Причастен к чтению в анатомическом театре запрещенной газеты «Студент»[22]. Предполагается, что оная доставляется из-за границы… Замечен среди участников Всероссийского студенческого съезда…»

Съезд не просто студенческий. Революционных студенческих объединений. По счету третий. На первом, два года назад в Петербурге, делегат Рижского политехникума Степан Шаумян определил: «Все наши стремления останутся неосуществленными, пока не будет свергнуто основное политическое препятствие — царизм». Теперь на съезде в Одессе посланцы всех университетских городов России подтверждают: «Открываются возможности движения общественно-революционного. По средствам борьбы (забастовки, уличные демонстрации) студенческие выступления сделались политическими, содержание революционным, а студенческим движение осталось лишь по своему составу».

Особое место в повестке информация о II съезде РСДРП. С 17 июля по 10 августа сначала в Брюсселе, затем в Лондоне работал II съезд — представители 26 организаций российских социал-демократов. В результате открытой, свободной борьбы большинство пошло за Лениным, редактором «Искры», автором статьи «Задачи революционной молодежи», той, что печаталась во втором-третьем номерах газеты «Студент». Победа Ленина кладет начало общероссийской пролетарской партии с марксистской программой, революционной тактикой, единой волей и железной дисциплиной. Партии большевиков.

Представители революционного студенчества России заявляют: «Съезд выражает свое приветствие РСДРП…»

Нариманов заинтересованно слушает. Он более чем согласен с тем, что говорится о политической направленности студенческого движения. От души «выражает свое приветствие РСДРП». Все же… Оценивая события этого времени, он

впоследствии строго скажет: «В моей работе вы не найдете резко очерченной классовой борьбы, в том смысле, в каком она теперь поставлена перед нами коммунистической партией».

Впереди год 1905-й. Он довершит отход «от идеалистического культурничества к материализму». Приведет к убеждению: следует различать в людях не только доброе и злое, но и их классовую суть, гуманизму нисколько не в ущерб.

7

В правом верхнем углу обязательное «Совершенно секретно». Резюме начальника одесского губернского жандармского управления:

«Императорский Новороссийский университет служит складом оружия для бунтовщиков, а по некоторым данным, в лабораториях его изготовляют разрывные снаряды… Студенческая милиция участвует во всех беспорядках, поддерживает революционеров и действует с ними против войск и полиции».

Беспорядки начинаются, как только до Черноморья доходит весть о трагедии у стен Зимнего дворца. Кровавое воскресенье девятьсот пятого года! За один этот день, по словам Ленина, революционное воспитание шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни.

С утра в понедельник, 10 января, Нариман Нариманов председательствует на митинге студентов-медиков. Обязанность, которую он все более охотно выполняет. Из стен университета бурливый, многоголосый поток разгневанной молодежи вырывается на улицу. По Херсонской к театру Сибирякова. Поют «Дубинушку», выкрикивают «Долой самодержавие! Да здравствует революция!». Навстречу с Молдаванки, Дофиновки, Пересыпи, из гавани и с железной дороги — рабочие, матросы. Стачка. Политическая!..

Занятия в университете, возобновившиеся было с 21 февраля, снова прекращаются. Теперь в знак солидарности с бастующими студентами Петербурга, Киева, Харькова. Двери аудиторий распахнутся лишь в сентябре. По призыву Центрального Комитета большевиков, с тем чтобы университеты, институты России стали центрами политической агитации. Каждый вечер на Ольгинской в здании медицинского факультета и на Дворянской в главном учебном корпусе, некогда построенном для лицея дюка де Ришелье, одного из первых градостроителей Одессы, жизнь бьет ключом. Сотни мастеровых, поденщиков, приказчиков, ремесленников, мелких служащих сходятся со всех концов города. Сразу в нескольких аудиториях возникают быстротечные собрания. В коридорах то там, то здесь шумные беседы, споры.

Правительство прибегает к привычному средству: с 5 октября все университеты и институты (за единственным исключением — Киевского политехнического) объявляются закрытыми. Иногородним студентам предложено в срок самый короткий убраться восвояси.

Охотников покинуть Одессу в кавказском землячестве раз-два и обчелся. Куда больше желающих записаться у Нариманова в дружины самообороны. Дело действительно спешное, неотложное. Уже 14 октября дружине приходится отбивать нападение полиции на большой митинг рабочих, студентов, учащихся мореходного училища. Сразу после того — отражать налет казаков. И до начала боев на баррикадах остаются считанные часы. Боев жестоких, неравных. В первый день в зале оперативной хирургии в цинковых гробах трупы лаборанта Кадиашвили и пятерых студентов-медиков…

Восемнадцатого в утренних газетах появляется благополучно добравшийся до Одессы манифест о дарованных Царем «свободах». Свободами спешит воспользоваться «простой лояльный гражданин» — шеф «черных сотен» — остзейский барон Нейгардт. В казенной типографии генерал-губернаторства печатает многие тысячи листовок: «Кто во всем виноват — разберитесь сами!» Вместе с листовками в тонком золотом багете — литографические портреты «ущемленного интеллигентами и инородцами» государя императора с голубой лентой через плечо. Стараниями городовых и дворников листовки и портреты попадают в нужные руки, в назначенный час. Это сигнал начинать педантично подготовленную резню.

Лужи крови на дворах, на мостовых. Смерть в домах, смерть на улицах, на бесчисленных ступенях каменной Потемкинской лестницы, что сбегает с прибрежного холма в гавань. Пожары. Повальные грабежи. Многонациональная, трудовая Одесса отдана на растерзание. Сутки, вторые, четвертые. Студенты-санитары доставляют раненых, искалеченных в хирургическую клинику медицинского факультета, напоминающую в эти дни лазарет на поле боя. Не смыкают глаз, не отходят от операционного стола студенты Лысенков и Нариманов.

Центральная газета большевиков «Пролетарий»[23] отмечает: «Если бы не дружины самообороны, то черносотенцы разгромили бы всю Одессу». С первого часа плечом к плечу — рабочие, студенты, моряки, вооруженные давно отслужившими свой срок берданками, дробовиками, охотничьими ружьями. У самых удачливых карабины и револьверы — трофеи, добытые в боях. Уничтожить первопричину — государственный строй они еще не в силах. В их возможности только унять, заставить отступить разгул дремучей ярости.

На авансцену выходит второй не менее верноподданный прибалтийский барон, генерал Каульбарс, перед тем отличившийся при расстреле у Строгановского моста безоружных рабочих, уходивших из горящего порта. Теперь генерал —

охранитель порядка, опора закона. По его приказу возвращаются к обычным занятиям дворники — метут, моют улицы. Объявляется полиция. Пуще прежнего рыщут филеры. «Журнал донесений» обогащается новыми записями. Приступают к допросам жандармские ротмистры.

Нариману Нариманову полный смысл побыстрее скинуть студенческую куртку, расстаться хотя бы на время с импозантной бородкой, высветлить волосы — так, чтобы «установленные наблюдением приметы» перестали «соответствовать». Стоит поторопиться также сменить местожительство и род занятий. Университет все равно закрыт. Понимать надо, что на долгий срок.

В воскресенье, 27 ноября, Нариманов уже в Баку. Он вместе с двадцатью тысячами промысловых рабочих, моряков, горожан на Стародумской[24] площади. Обменивается приветствиями, добрыми пожеланиями. С истинным кавказским радушием зовет: «Мусульмане! Идите на собрания, где говорят социал-демократы! Вы узнаете тогда, что вы должны делать, и с кем вместе вы должны идти к достижению свободы и счастья! Социал-демократы ждут вас к себе, граждане мусульмане!»

В воскресенье, 27-го… Стало быть, через месяц после того, как он с трудом нашел и тайком увез из больницы на Пересыпи своего раненого земляка-студента Кязима Байрамова. А что было в промежуток… станет известно позже, после обыска на тифлисской квартире Нариманова.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 19

…

2) Кроме сего у того же врача Нариманова отобрана его собственноручная рукопись на татарском языке, являющаяся конспектом реферата, прочитанного им в 1905 году в городе Одессе, о преимуществах республиканского строя перед монархическим. Причем, как видно из означенной рукописи, Нариманом всякий раз во время реферата было предложено присутствовавшим почтить вставанием память революционных борцов, погибших в г. Одессе в борьбе с правительством.

3) У него же по обыску найдена…»

Захваченная рукопись то ли уничтожена, то ли утеряна по небрежению. В «деле» — только перевод. Неполный — видимо, отрывки, привлекшие внимание штатного переводчика губернского жандармского управления. «Весь государственный строй, вся администрация, от главы правительства до последнего стражника, — олицетворение коварства, подлости, бездушия, продажности… Для избавления от гнета недостойного режима

необходима революционная борьба, цари-тираны никогда не уступят своей власти добровольно, без яростного сопротивления… Победить может только народ, объединенный под красным знаменем революционной партии. Нельзя, ни в коем случае нельзя поддаваться примиренческим невежественным партиям, призывающим носить портрет царя».

И в заключение его, Нариманова, обращение к трудовому населению Одессы с призывом становиться под Красное знамя революционной партии. Это завершение раздумий: жребий брошен, выбор сделан. Сразу по возвращении в Баку Нариман Нариманов окончательно приходит к большевикам. Вступает в «Гуммет».

8

В переводе на русский «Гуммет» — «Энергия». В начале это просто название нелегальной азербайджанской газеты. Ее издатели — небольшое число молодых поборников свободы — избрали девизом: «Совместное стремление мужей может снести горы». Древнее арабское изречение в понимании большевиков: только совместным стремлением единомышленников возможно снести самодержавие, отстоять интересы класса. Не нации, класса!

Дабы иносказание обрело точный смысл, нашло доступ к сердцам мусульманских рабочих — местных кавказских и пришлых из Персии, Дагестана, из Астраханской, Уфимской, Казанской губерний, — Бакинский комитет большевиков на исходе 1904 года создает мусульманскую социал-демократическую группу «Гуммет» на правах своего отдела. В основу положена мысль Ленина: «Партия в целом, ее центральные учреждения устанавливают общие основные принципы программы и тактики; различные же способы проведения на практике и в агитации этих принципов устанавливаются… соответственно местным, расовым, национальным, культурным и т, д. различиям»[25].

В хитросплетениях бакинской действительности таких различий, трудно одолимых барьеров предостаточно. О них пишет Султан Меджид Эфендиев… В девятьсот втором, когда Нариман-муэллим отправился в Одессу, подросток Султан Меджид только приехал в Баку из Шемахи, некогда стольного города процветавшего ханства и, что важнее, родины многих великих мастеров слова от Хагани (XII век) до Сабира и Аббас Сиххата. Поступил учиться в русско-азербайджанскую школу. Общительный, веселый, перезнакомился со студентами, высланными «по месту постоянного жительства, как лица политически неблагонадежные». Они и наставили на путь истинный.

С первого номера газеты «Гуммет» Эфендиев ее главный публицист, редактор. В ночные часы также печатник — тискал экземпляры на гектографе. В девятьсот четвертом в неполных семнадцать лет вступает в РСДРП. Двадцатилетие празднует в политическом отделении тюрьмы на Баиловском утесе. Вокруг день и ночь в замшелые стены безутешно бьется море…

Так в записках Султана Меджида Эфендиева.

«…Изредка русские, умеющие еле-еле говорить по-азербайджански, могли поделиться со своими собратьями-

мусульманами об общих целях рабочего класса в России и на Кавказе. Потребность в агитации, потребность в сплочении забитых рабочих-мусульман вызывалась самой жизнью…

Наряду с «Гуммет» были при Бакинском комитете еще другие секции — латышская и армянская. Только ввиду особых условий работы среди мусульман допускалось как бы отдельное существование группы «Гуммет», ее некоторая автономия… Такая своеобразная организационная форма была придумана как нельзя лучше, ибо бывали моменты, когда «Гуммет» по тем или другим соображениям приходилось выступать самостоятельно.

Укажу на случай при заключении блока между социалистическими партиями. «Гуммет» здесь фигурировала как самостоятельная политическая единица. И это подчеркивалось руководителями нашей бакинской организации для того, чтобы, во-первых, в блоке эпизодических попутчиков выиграть лишний голос для большевиков, и, во-вторых, в блоке, созданном с целью предотвращения новых вспышек национальной резни и взаимного истребления народностей, участие мусульманской социал-демократии являлось требованием момента. Слитно-раздельное существование «Гуммет» было вопросом не принципа, а лишь тактики.

Для лучшей живой связи между «Гуммет» и Бакинским комитетом установлено взаимное представительство. На собрания мусульманской группы в качестве руководителя большей частью приходит «товарищ Алеша».

«Товарищ Алеша». Недавно в Лондоне на III съезде Российской социал-демократической рабочей партии он представлен делегатам под фамилией Голубин. А в раннем детстве в грузинском селении Шардомети, что вскарабкалось к самым облакам, родные и соседи ласково кликали Пакия (сокращенное от Прокофий). Прокофий Апрасионович Джапаридзе.

По характеру — истый горец. Прямой, чистый, непоколебимо преданный, экспансивный, упрямый. В 1898 году принят в РСДРП, по выходе из знаменитого Метехского тюремного замка в Тифлисе. Ему восемнадцать лет, он недавно исключен из учительской семинарии с «волчьим билетом» за «подстрекательство к забастовке рабочих главных мастерских железной дороги».

С девятьсот четвертого судьба Алеши накрепко связана с Баку.

«Алешу я знаю с юношеских лет, — напишет Авель Енукидзе, видный деятель Коммунистической партии. — …Он едва ли мог найти лучшее место для своей кипучей деятельности, нежели

нефтяные промыслы Баку.

Алеша, несомненно, является первым, кто положил начало массовому рабочему движению в Баку. Он первый основатель и организатор профессионального союза нефтепромышленных рабочих. Он первый пробил брешь к мусульманским рабочим массам, сумел установить дружеские отношения с ними. Он первый втянул их в работу нашей партии. Неутомимый, энергичный, веселый, остроумный, он очень много успевал работать, сделавшись самым популярным и самым любимым из тогдашних партийных организаторов…»

В трудную бакинскую почву были высеяны семена, и надо было неустанно заботиться, чтобы группа «Гуммет» оказалась жизнестойкой. На помощь к Алеше пришел голубоглазый, широкоплечий, рослый сибиряк из Усолья Иркутской губернии. Сын военного врача Александр Стопани. Из близких помощников Владимира Ульянова в пору создания групп содействия будущей общероссийской газеты «Искра», сначала в Пскове, затем на всем северо-западе. С девятьсот четвертого Стопани стал секретарем Бакинского комитета большевиков, проявив недюжинные организаторские способности.

При очередном аресте Алеши ротмистр Зайцев, исполнявший в то время обязанности начальника губернского жандармского управления, дает понять, что от каторги может спасти только хорошо упитанный золотой барашек в бумажке. Так деловые люди деликатно именуют взятку золотыми червонцами. Тут же закладывает свой дом Мешади Азизбеков, единомышленник, друг по жесточайшей борьбе, что, по твердому убеждению обоих, куда важнее родства по крови. Не слишком высокие, коренастые по внешнему облику, они легко могут сойти за братьев. Такое же резко очерченное удлиненное лицо, у Алеши более смуглое. Небольшая борода, узкие усы.

Мешади — коренной бакинец. Сын каменотеса Азиза Азимбека. Человека на редкость справедливого ж последовательного. В праздник новруз-байрама он в присутствии многих горожан застрелил пристава Джаббар-бека. Типа настолько мерзкого, что судьи не сочли пристойным вынести смертный приговор. Азиза Азимбека всего только угнали на каторгу в Сибирь. А уж там «неизвестные лица» его отравили…

К революционным взглядам Мешади оказывается крайне восприимчивым. Да и обстоятельства не оставляют время на особенно долгие размышления. В первую же его студенческую весну — в Петербурге, в Технологическом институте, — в Трубецком бастионе Петропавловской крепости сожгла себя слушательница Бестужевских курсов Мария Ветрова. Потеряв

сознание, она догорала на тюремной койке, а у глазка за дверью нес службу надзиратель. Две следующие недели администрация тюрьмы как ни в чем не бывало принимала передачи для… тайно похороненной на Преображенском кладбище Ветровой. Могилу ее сровняли с землей, не показав родственникам, продолжавшим добиваться разрешения на свидание…

В солнечный мартовский день 1897 года студенты, курсистки, профессора заполнили Казанский собор. Те, кому не удалось втиснуться, терпеливо дожидались у входа, на Невском проспекте. Ждали, ждали… Священник, твердо обещавший отслужить панихиду, предпочел надежно укрыться. Тогда раздался голос Мешади Азизбекова, одного из организаторов демонстрации: «Нет священника — начинаем гражданскую панихиду!»

Финал приготовил градоначальник барон Клейгельс. Жандармы и казаки по его приказу набрасываются на скорбное шествие, двинувшееся было по Невскому. Ударов не жалеют. Достаточно заготовлено и тюремных карет. Мешади в результате схватки получает возможность познакомиться с известными всей России «Крестами» — столичной санкт-петербургской тюрьмой.

Наверное, и в самом деле нет худа без добра. Обстоятельное знакомство с «Крестами», курс наук, пройденных в камере политических, немало способствует вступлению Азизбекова в РСДРП. В 1898 году. Одновременно с Джапаридзе. Когда волнение на Каспии — море, известно, весьма неспокойное — достигает силы шторма. Мешади оказывается на месте — на бурлящих нефтяных промыслах. А в пятом году он из родного города и вовсе не отлучается.

Джапаридзе знакомит его с инженерами Л. Б. Красиным, В. В. Старковым, Р. Э. Классоном — питомцами того же Технологического. Только в институтских стенах Азизбеков их уже не застал. За несколько месяцев до его поступления революционный нелегальный кружок был разгромлен полицией. Участники, включая помощника присяжного поверенного Владимира Ульянова, арестованы. Режим властен лишить их свободы, обречь на годы мытарств, страданий — выиграть дополнительно какое-то время. Оттянуть, но не предотвратить революцию. Уже создан «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — зачаток пролетарской партии в России. Открыта эпоха революционных бурь и социальных потрясений.

У политической борьбы законы строгие. Одно из нерушимых правил: без особой нужды никого не посвящай в свои дела. Что нельзя знать врагу, не открывай другу. Так в случае провала

лучше друзьям и самому намного легче в долгих поединках со следователями. Праздных вопросов никто не задает и на затеянной Джапаридзе его и Азизбекова встрече с администрацией бакинских владений акционерного общества «Электрическая сила». В лице… тех первых петербургских марксистов Красина, Старкова, Классона.

На Апшероне все трое крупные персоны. У всех у них прочная репутация людей преуспевающих. Сейчас после нескольких арестов и долгой сибирской ссылки Красин ведает сооружением большой электростанции на Баиловском мысу. По занимаемой должности ему немногим уступает или вовсе на равных Старков, осужденный в свое время вместе с Владимиром Ульяновым по делу «Союза борьбы». Он директор завода. В благодетельной «Электрической силе» на высокой инженерной должности также Классон. Еще в 1895 году вместе с Ульяновым, Старковым, Радченко он участвовал в издании сборника под намеренно академическим названием: «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития».

В умелых руках Красина, Старкова, Классона «Электрическая сила» безотказно работает на революцию. Кого из большевиков пристроят, не заглядывая в документы сомнительного достоинства. Кого приютят в своих домах под видом наладчика оборудования, шеф-монтера, представителя иностранной фирмы. На электростанции, на заводских складах выкроят место поукромнее для типографских шрифтов, гектографов, транспортов оружия, литературы. На весомую долю из этих запасов надеется Мешади Азизбеков. Оружие — для дружины самообороны рабочих-азербайджанцев. Шрифты и гектографы — для листовок-обращений к разноязычному промысловому народу. То и другое необходимо «Гуммет» в ее попытках пресечь бессмысленные армяно-мусульманские кровавые погромы.

В один из дней, особенно насыщенных грозою, когда полноводная и яростная людская река — тысячи и тысячи азербайджанцев, армян, русских, персов, лезгин — запрудили Куба-мейдани[26], Азизбеков поименно называет высокопоставленных виновников чудовищных провокаций. По справедливости начинает с губернатора князя Накашидзе. Говорит перед всей толпой начистоту: «Вы, лжетворители порядка, вы ответите за кровь бедноты!.. Подготавливая резню, вы тем самым рассчитываете отвлечь массы трудящихся Кавказа от общей борьбы рабочих России. Но не забывайте, что день расплаты впереди!»

Опора «Гуммет», ее сила, будущее — бурильщики, тартальщики, желонщики, молотобойцы, слесари, крючники. Во

всех смыслах воспитанники русских мастеровых. Представится возможность, Мир Башир Касумов — молотобоец на Сабунчинских промыслах, до того в Персии, в Тебризском вилайете, мальчишка-побирушка; у отца безземельного крестьянина ничего, кроме долгов помещику; — расскажет Ленину[27].

— Уму-разуму меня учил русский человек, мастер Павел Петрович Кочемазов… Не сразу, когда Павел убедился, чего стою, он поручил мне вести агитацию среди надежных мусульманских рабочих о нашем тяжелом положении, о необходимости бороться за повышение заработка, сокращение рабочего дня; добиваться того, чтобы мусульманские труженики держали связь с русскими и армянами… Дальше «Гуммет», боевая дружина большевиков, первый Бакинский Совет рабочих депутатов… Считаю, прямая рабочая дорога.

Многие начинали таким образом или почти так. Подростками, мальчишками. Мамед Мамедъяров, первый мусульманин с Красным знаменем на первомайской демонстрации 1903 года, пришел на промыслы из своего селения Маштаги в пятнадцать лет. Его односельчанин Бала Ами Дадашев в тринадцать. Баба Алиев тоже в тринадцать. Мухтадир Айдинбеков и Кази Агасиев, лезгины из Южного Дагестана, в четырнадцать. Зейнал Зейналов, будущий депутат II Государственной думы от Бакинской губернии, в пятнадцать. Столько же было и Ханлару Сафаралиеву, уроженцу горного Карабаха. В двадцать два года его уже не стало. В плотной ночной темноте застрелил убийца, нанятый управляющим промыслами общества «Нафталан» Абузар-беком Рзаевым. В отместку за отлично организованную Ханларом забастовку. Один только Амираслан Сулейманов встал на первую свою вахту в Балаханах «взрослым» — семнадцатилетним. По той простой причине, что до того четыре с лишним года батрачил у своих земляков — гянджинских беков.

У каждого нашелся свой Павел Кочемазов. Своя тайная тропа в марксистский кружок, в Российскую социал-демократическую рабочую партию. Потом тропки сольются… Тогда… Уж на что бывалый, многоопытный подпольщик Виктор Павлович Ногин, и для него неожиданность: «Я очень скоро должен был признать, что так называемые «темные» мусульманские рабочие настолько быстро воспринимают нашу пропаганду, что можно было всецело рассчитывать на их дружную поддержку и массовое выступление».

Они окажутся плечом к плечу на весенних демонстрациях и в политической забастовке девятьсот третьего года, по своему размаху небывалой, ни с чем предыдущим не сравнимой[28].

Сообща выиграли и знаменитую стачку девятьсот четвертого. Как тогда ни злобствовали, к каким уловкам ни прибегали нефтепромышленники, с ними и наместник Кавказа, в конечном счете сильным мира сего пришлось склонить головы — подписать первый в России коллективный договор между рабочими и предпринимателями. В Баку толковали: «мазутная конституция».

Своей, порою довольно извилистой тропой к «Гуммет», к большевикам пришел Нариман Нариманов. Лишь после возвращения из Одессы он решительно отдает ей свои способности. Впоследствии укажет точно в анкете для делегатов XII съезда[29] РКП (большевиков):

«14. Когда вступил в РКП? В 1905 г. (Организация «Гуммет»).

9

Прелесть и легкую грусть прозрачного ноябрьского утра вмиг разрушают отчаянные вопли мальчишек-продавцов газет: «Вай! Покупай хоро-о-ш новость!..))

Новость и в самом деле стоящая. Во всяком случае, достаточно забавная. Едва щегольской пароконный экипаж на дутых шинах, с особой генерал-губернатора выехал на Куба-мейдани, тут же налетели здоровенные, пестро одетые мужчины. Выпрягли лошадей… Дальнейшего развития генерал-губернатор дожидаться не стал. С резвостью, удивительной для его высокого чина и солидного веса, выскочил из экипажа, побежал. По всей вероятности, дополнительную прыть придало воспоминание о судьбе его предшественника князя Накашидзе, вероломного организатора армяно-мусульманской резни. Проклятого людьми Накашидзе застрелили средь бела дня, на глазах у телохранителей.

Упаси аллах, на сей раз ничего похожего никто в мыслях не держал. Наоборот, задумано было продемонстрировать величайшую преданность. Головорезы-кочи, из наемного воинства нефтепромышленников и домовладельцев Сафаралиева и Гаджиева, изображают случайных прохожих-мусульман. Завидя генерал-губернатора они будто не в силах совладать с собой. Бросаются, окружают экипаж. Горят желанием впрячься вместо лошадей. Преисполненные восторга, на себе помчат благодетеля навстречу «патриотическому» шествию убийц и насильников, по петербургскому образцу сколоченных в общество «Якорь».

Представление сулило много приятностей. Прежде всего посрамление армянских дельцов, постоянно претендующих на особую благосклонность властей, и шумные, хотя не слишком искренние, похвалы соперников-единоверцев. Вполне можно было надеяться, что сам шейх-уль-ислам выкажет не меньшее уважение, чем худородному выскочке Гаджи Ашурову, судовладельцу. Арсыз[30] придумал, снял со своего главного парохода «Нина» трехцветный флаг с вензелем, преподнес обществу «Якорь».

Нариманов с Азизбековым, со своей стороны, постараются, чтобы у генерал-губернатора, у наместника в Тифлисе, не оставалось малейших сомнений в самых добрых намерениях мусульман, в их решимости. В ближайшее воскресенье, 27 ноября. По печальному бакинскому счету — в третьи в этом году армяно-мусульманские столкновения.

Свидетельство почти официальное лица, пользующегося

несомненным доверием губернского жандармского управления. В силу деликатных, особенностей промысла провокатору угодно видеть свою фамилию исключительно в расходных книгах управления, в тайных ведомостях на выплату сребреников Иуды. Во всех остальных случая охотно довольствуется кличкой «Южный». В обширное обзоре «Революционное движение в Баку со времени об явления высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. Южный доносит:

«Сила и мощность местного с.д. движения обнаружились во время мирного шествия по татарским кварталам. Многотысячная толпа с белыми флагами, во главе с большим знаменем с надписью: «Социал-демократы призывают к миру» шла, останавливаясь и слушая ораторов социал-демократов…

Мусульмане говорили речи на тему, что единственный класс-освободитель, могущий предотвратить армяно-татарские столкновения, — это пролетариат под руководством социал-демократов. Речи были на татарском языке, многотысячная масса мусульман слушала и с энтузиазмом кричала: «Да здравствует социал-демократия!»

Грандиозный митинг, устроенный потом на Стародумской площади, имел огромное значение и решающее влияние на мусульманские массы. Вообще можно сказать, что день 27 ноября имел колоссальное значение для революционного воспитания мусульман.

Похороны убитых социал-демократов Али Ягуба и Петра Монтина[31] также обнаружили влияние социал-демократов… Похороны Али Ягуба прошли с большой торжественностью и произвели сенсацию среди мусульман. Еще более это обнаружилось на похоронах Петра Монтина, похоронах, подобных, которым, по словам всех, Баку еще не видел никогда. Достаточно упомянуть, что на гроб Монтина было возложено 78 венков. Мусульмане были в массовом количестве на похоронах.

…Рабочее движение в узком значении слова тесно соприкасалось с общереволюционным… Мы видим, что на всех митингах и сходках собираются большие деньги на листах, с надписями: «На вооруженное восстание».

Мне остается сказать последнее слово о том, каково положение дел теперь в вышепоименованных организациях и союзах:

Татарская социал-демократическая организация «Гуммет». Находится под контролем Бакинского комитета… Масса татарская, персидская и лезгинская прислушивается к голосу организации… Организация часто издает листки. Она, несомненно, имеет будущность. Во главе находятся очень

энергичные люди… обладающие большим революционным темпераментом.

…Я старался изложить объективно, имея в виду передавать факты и настроения, даже некоторую оценку.

«Южный»

Баку, 20 января 1906 г.»

«Организация часто издает листки…» Без малого сто сорок прокламаций, четверть миллиона экземпляров, за восемь месяцев на русском, азербайджанском, армянском языках напечатано сообща, силами Бакинского комитета. Сверх того стараниями «Гуммет» выпущена переведенная Наримановым на азербайджанский «Программа Российской социал-демократической рабочей партии», брошюры: «Для чего нужна народу конституция», «Какая свобода нужна рабочему классу?», «Что нужно рабочему?», «Сословие — класс — партия». Совместно с армянскими большевиками издается легальная газета «Девет-Коч» — «Призыв». Две страницы на армянском языке, две — на азербайджанском.

Держится газета сравнительно долго — почти три месяца. Приказ о закрытии приходит из Тифлиса после выпуска девятнадцатого номера. За слишком убедительное описание прочно налаженного сотрудничества «отцов нации» — азербайджанской, армянской и общества «Якорь», любимого детища властей.

Отдавая много сил «Гуммет», Нариман Нариманов не упускает случая выступить и в респектабельных, мусульманских газетах, чьи владельцы и редакторы правовернее самих петербургских правителей. «Исключительная темнота и отсталость мусульманских масс ставят передо мной задачу — своей литературной и общественной работой пробуждать и подготовлять их к революции». Надо использовать дополнительную возможность обращаться к относительно большому кругу людей. Баку все еще живет по своеобразному политическому календарю, здесь еще отдается некоторая дань демократическим идеям. Возможность без особых помех честно, доходчиво сказать о нераздельности судеб России и Кавказа; о подлинных интересах нации и притворных ее радетелях; разоблачить медоречивых проповедников ниспосланной от щедрот самодержавия «свободы»; сказать, что счастье человека не предопределено его расой, религией, сословием — только исходом непреклонной борьбы порабощенных с поработителями.

Под всем, что публикуется, пренебрегая последствиями, Нариманов ставит полную подпись. Для читателей так достовернее, намного убедительнее: «Ну, раз исходит от

Наримана-муэллима!..» Для редакторов подходящий случай изобразить объективность: «Как же, как же! Печатаем! Работы Нариман-бека — наше национальное достояние!»

Итак, каждый седьмой день «Еженедельные отклики» — «Хафта фаряды» Нариманова появляются в газете «Хаят» — «Жизнь». В других номерах его статьи, фельетоны, «открытые письма». За несколько месяцев пятьдесят шесть.

Самая газета «Хаят» значится в конторе миллионера Тагиева в реестре «имущество недвижимое». Редакция располагается в лучшем квартале фешенебельной Николаевской улицы. Без лишней скромности своевременно обнародовано: «Конституционный порядок для нас, мусульман, менее выгоден, чем нынешний самодержавный строй… Для будущего блага мусульманского народа мы не должны бороться против нынешнего режима…»

Тем понятнее, почему свое участие в «Хаят» Нариманов начинает с довольно своеобразного обращения к сотрудникам редакции. На страницах газеты во всеуслышание он зовет:

«…Несчастные журналисты! Уподобляя себя своим хозяевам, вы стараетесь беспомощным пером указывать путь народу. Сбросьте свои маски, а то придет время, когда жизнь, не спросись, сорвет их с вашего лица и разобьет вдребезги!»

Нариманов будет выступать и дальше — в дополнение, развитие высказанного, но еще прямее, резче.

Девятого мая девятьсот шестого года:

«Довольно заполнять тюрьмы истинными доброжелателями родины, искренними борцами за свободу! Довольно быть мухами и служить кормом для пауков! Довольно! Хватит!»

Шестнадцатого мая:

«Парламент происходит от слова «parler», означающего говорить, высказываться. А слово «дума» означает мысль, то есть разрешается только думать, но не высказываться. Если выскажете то, что думаете, то из вас набьют чучело».

Тридцатого:

«Национальная политика правительства переполнила чашу терпения. А переполнив — пробудила умных, сознательных, знающих и благородных людей: пробудив — объединила их силы и быстро поставила на путь свободы. Одно наверняка поняли, что правительство воли не даст».

В статье, напечатанной двадцать восьмого июня: «Есть два рода марксистов. Одна категория — это те, которые изучили науку, они не слепые последователи Маркса и имеют силу высказать собственные взгляды. Вторая категория — это те, которые в себе такой силы не чувствуют, положения Маркса и

Энгельса знают понаслышке или же читали их, но как следует не поняли… Чтобы как следует понять и признать высказанные Марксом идеи, надо быть осведомленным в естественных науках. Необходимо знать учение о самосохранении, хотя бы познакомиться со взглядами Дарвина.

…Последователи Маркса, имея в виду все народы, борются за их равноправие… Хотят освободить обливающуюся кровавыми слезами бедноту из рук ничего не умеющих дармоедов-богачей… Они мечтают передать землю трудящимся, обрабатывающим ее в соленом поту… Стремятся передать государственные дела избранным народом представителям…»

Четвертого июля:

«Правительство посеяло смуту, вражду с той целью, чтобы несколько продлить свою власть и могущество, немного отдалить последнее издыхание безрукого и безногого туловища… Но тщетно! Правду, истину не скрыть! Окрепнув, поток с большой легкостью перекрывает брошенные в него тяжелые камни, пролагая себе путь. История берет свое».

Девятого:

«Как человек получает воспитание от человека, так и народ воспитывается у народа. Это утверждают слова Маркса: «Народы должны учиться друг у друга»… Не надо удивляться происходящим ныне в Персии событиям, смуте (или, скажем, революции). В последнее время российская революция, кровь, льющаяся в России, пробудили даже дикие народы, а не то, что народ Персии».

Двадцать третьего:

«Эй, армяно-мусульманская беднота!.. Не теряйте рассудка, не поддавайтесь козням «неких личностей»! Не забывайте, что сеющих надежду бывает много, а дающих хлеб — мало. Соображайте, когда и в чем нужно проявлять энергию, рвение, доблесть… От ваших «старших»; вам ждать нечего! Сами ищите средство для избавления от ваших бед, не вверяйте, как овцы, свою долю волкам!

Пора… объединиться и, выступив против общего врага, потребовать своих, прав… Ваши старшие должны выбираться из вашей же среды, должны знать ваши горести, должны быть из таких же бедняков, как вы сами… Тогда веками жившие в дружбе два народа, осознав свои заблуждения, снова будут вместе сеять и вместе жать!»

Тема, повод для выступления обычно подсказывают и форму, что предпочтительнее — обзор, полемические заметки, реплика, фельетон. Одно присуще всей его публицистике. Особенность, сохраненная с горийских, семинарских лет. Он постоянно

обращается к творениям любимых писателей — азербайджанских, русских, западноевропейских. К Физули, Вагифу, Видади, к Закиру и Ширвани, к Толстому, Гоголю, Тургеневу, Крылову.

Басня Крылова «Прохожие и собаки» применительно к кавказской действительности:

«Нет сомнения в том, что, если бы оставили без внимания «лающих» некоторого рода, то… несчастные мусульмане и армяне, поныне проливая кровь друг друга, превратили бы Кавказ в могильную пустыню».

Навеяно «Мертвыми душами» особенно почитаемого им Гоголя:

«Трудно найти столь же бедного, покорного, бессловесного подданного, как русский крестьянин. Если окинуть взглядом пашни с севера до юга, от Белого моря до Черного моря, с востока до запада, от Урала до Балтийского моря, то может показаться, что жизнь русских крестьян должна быть хороша. Но так ли это? Если скажем, что из 80 миллионов крестьян только у одного миллиона есть общинный надел, то, пожалуй, не намного ошибемся… А 70 миллионов душ в кровавом поту трудится на земле, арендуемой у государства и помещиков только для того, чтобы обеспечить на год семью черным хлебом. Выгоду от полученного тяжелым трудом и лишениями урожая видят государство да помещики… Кроме земельной подати, царская подать, называемая косвенным налогом, окончательно валит с ног бедного крестьянина, лишая его куска хлеба насущного»,

Не дает покоя Нариманову сознание, что многое еще не высказано, не объяснено терпеливо. Следует торопиться. Кто знает, как долго всей душой преданная тагиевским миллионам, заодно и режиму, «Хаят» будет его печатать. Сегодня газета не рискует выходить без его статей, а завтра? Нельзя ему отказываться от другой газеты схожего толка, но с еще более претенциозным названием «Иршад» — «Путеводитель». Ее со второй половины девятьсот пятого года издает на дары того же «отца нации» Тагиева шумливый идеолог панисламистов Ахмед-бек Агаев. В публичных речах и разговорах с глазу на глаз он без устали грозит Нариманову: «Имейте в виду: разнесем, пригвоздим к позорному столбу!» Тот с не меньшим постоянством выражает надежду на то, что Ахмед-бек не встретит больших препятствий, сумеет осуществить свое любезное обещание.

А пока Нариманов ведет в «Иршаде» — с номера сорок четвертого по сотый включительно — две постоянные рубрики: «Пятничные беседы» и «Государственные дела». Дополнительно статьи — оценки текущих событий: «Светлые начинания правительства» все равно что в эпидемию бумажка с молитвой

моллы… Министры Витте и Дурново быстро отнимают ничтожные «свободы, дарованные царем». А богобоязненные проповедники ислама их послушно оправдывают. Крутые каменистые тропы над пропастью, что ведут к вершине, к просторам за перевалом, им просто не под силу.

Нариманов не подозревает, что в далеком Петербурге Ленин — они ровесники, родились в одном году, в одном и том же месяце весны, цветения — в апреле, — уже объяснил неоспоримо: «Революция есть удел сильных!.. Свобода достается только сильным»[32]. Пока лишь тождество убеждений. До их знакомства, до встреч, многое должно произойти…

Ну а редактор-издатель «Иршада» продолжает твердить: «Если вообще возможно перерождение и обновление мусульман, то это неминуемо должно совершиться через религию, единственно активную силу… Спасение через Коран и в Коране». Учтет это положение Нариманов. Через два номера в собственной благонамеренной газете Агаева Нариман-муэллим призовет мусульманскую общественность всеми силами поддержать сатирический журчал «Молла Насреддин». Журнал, который открыто избрал из всех цветов радуги красный и начисто отмел претензии духовенства на роль наставника и верховного судьи.

Из-за него, из-за Нариманова, совершенно не управляемого возмутителя спокойствия, каждый день с утра пораньше в особняке на Кубинской улице, 13 приводится трудиться старшему толмачу губернского жандармского управления Рустамбеку Рзабекову. Изнемогает — переводит совместно с великовозрастным сыном все, что печатает Нариманов. Один экземпляр — ближайшему начальнику, ротмистру Зайцеву. Второй — в Тифлис, особому отделу канцелярии наместника. Специальное на то предписание…

За делами, за занятиями незаметно отшумела весна, и знойное лето на исходе. Уже в поздних числах августа Нариман Нариманов получает приглашение на съезд учителей-мусульман.

Приятные встречи. Радостное, приподнятое настроение. Председательское почетное кресло в признание давних заслуг с общего согласия отдается Гасан-беку Меликову Зардаби. Выдающемуся представителю демократической общественной мысли Азербайджана во второй половине XIX века. Питомец Московского университета, он был тесно связан с российской разночинной интеллигенцией, близок к отбывшему десятилетнюю ссылку поэту-петрашевцу А. Н. Плещееву. В 1875-м Зардаби основал в Баку газету «Экинчи» — «Пахарь». В первом номере он обратился к немногочисленным азербайджанским педагогам, инженерам, врачам, юристам: «Путь к прогрессу, к

процветанию народ пройдет и без нас. Но будет лучше, если наши передовые люди пройдут этот путь с народом, или еще лучше — возглавят движение народа. Этим они ускорят процесс переустройства общества, помогут народу и станут его непосредственными вождями».

Общественный деятель, ученый-естествоиспытатель, просветитель, Зардаби быстро оказался под надзором полиции, испытал гонения со стороны «своего» духовенства, «своей» реакции. Газету его закрыли. Самого Гасан-бека принудили уйти из бакинского реального училища, отправиться в добровольную ссылку в деревню.

Бывший ученик Зардаби, академик-металлург М. А. Павлов через годы вспоминал: «Только несколько лет спустя я понял, что Гасан-бек диктовал нам теорию происхождения видов Дарвина, приводя много примеров естественного подбора (или, как теперь пишут, естественного отбора). Так мы занимались в шестом классе, а перейдя в седьмой, узнали, что Гасан-бек принужден оставить училище. Он был одним из любимых учителей, и мы отправились к нему на дом, чтобы выразить благодарность за его интересные уроки и сочувствие по поводу увольнения его с государственной службы».

В пору более позднюю — на склоне лет — Гасан-бек заметно сдал былые позиции. К революции 1905 года отнесся весьма сдержанно, марксистов-азербайджанцев сторонился. Что, впрочем, не мешает ему подать свой веский голос за избрание вторым председателем съезда Наримана Нариманова. Из симпатий сугубо личных. Так уже было при баллотировке в культурно-просветительном обществе «Ниджат» — «Спасение». Для нелегкой повседневной работы — вечерние курсы грамотности, читальни, лекции, театральные постановки и концерты — товарищами председателя охотно были выбраны Нариманов и Азизбеков. Не они, так кто потащит в гору воз, перегруженный бедами народа. «Гуммет» — «Энергия»!..

Неожиданно для делегатов на одном из заседаний спокойной, уважительный Нариманов, отложив в сторону заливистый председательский колокольчик, нарушает чинный ход съезда. Да так внезапно. Оглашается резолюция привычного содержания: «Просим попечителя Кавказского учебного округа дозволить открыть учительскую семинарию для мусульман». Нариманов перебивает: «Надо не просить, а требовать!.. Предлагаю указать ясно: «Требуем открытия!»

Минуту, вторую в зале ни звука, ни шороха. Съезд удивляется, раздумывает, колеблется. Тяжело поднимается Гасан-бек Зардаби. «Поставим на голосование поправку нашего

молодого ревнителя просвещения. Нариман-бека». Руки разом взметаются вверх. Зардаби качает седой головой. Сильно тревожится, как бы не вызвать неприятностей.

Перерыв несколько оттягивает развитие событий. Уже при огнях обсуждается самый наболевший вопрос: «Преподавание азербайджанского языка». Долго перечисляются препоны, запреты, чинимые властями. Раздаются бесполезные, в сущности, обращения к чувству и порядочности гонителей.

Особняком речь Нариманова. Ее текст легко уместить на классной доске. Начинает он с места в карьер: «То, с чем сталкиваемся, что постоянно, повсеместно испытываем, — державная политика. Ни национального самоопределения, ни равноправия языков при нынешнем режиме быть не может, противоестественно. Это уже после грядущей революции, силами победившего класса. Пока минимальное требование съезда: национальные школы, преподавание родного языка в средних учебных заведениях. Именно требование, адресованное в Петербург!»

Съезд слушает. Съезд голосует почти единодушно за предложение Нариманова. Откровенных противников и смиренно воздержавшихся — неполный десяток. Самое неожиданное разыграется завтра поутру, когда в грозном величии явится благодетель Гаджи.

Гаджи Зейнал Абдин Тагиев — несомненная бакинская достопримечательность. Амбал — носильщик тяжестей, однажды, где-то на городских задворках проснувшийся миллионером. На полоске растрескавшейся от жары и безводья пустынной земли, давным-давно купленной на сэкономленные пятаки — из трех, заработанных в день, два укладывал в матерчатый пояс-копилку, — забила фонтаном нефть. Отслуживший свое куртан — приспособление, позволявшее громоздить на спину, тащить многие кварталы огромные сундуки, пианино, — выставлено напоказ под стеклом в гостиной великолепного особняка. Аллаху-акбар — велик аллах!

Нефтяные промыслы — Тагиева. Текстиль — Тагиева. Рыба, икра — Тагиева. Виноделие — Тагиева. Газеты — Тагиева. Театр — Тагиева. Тюрьма, здание в пять этажей вблизи гавани, — его небрежный дар властям, денно и нощно охраняющим покой Тагиева, потомственного почетного гражданина, члена совета Петербургского международного коммерческого банка и, конечно же, «отца нации». Отцовское положение известно какое. Один случай даже запечатлел в печати Султан Меджид Эфендиев. Произошло это во время выборов в Государственную думу.

«Для выяснения политического «credo» того или иного

кандидата в выборщики Тагиев задавал своим приближенным (принц Мансур Каджар и другие) дипломатический вопрос: «Откуда идет ветер — справа или слева?» И было горе тому из предложенных кандидатов, про которого ответили бы: «Ветер идет слева». Таким образом, мало-мальски радикальный человек забраковывался, и хваленый вождь озолоченной мусульманской «интеллигенции» Топчибашев, соглашаясь с Тагиевым, подобострастно говорил: «Достопочтенный Гаджи! Конечно, твоя нога знает больше, чем наша голова». И все присутствовавшие при этом авторитеты, радеющие якобы «о пользе народа», покорно подхватывали: «О, мудрейший Гаджи!..»

Но ветер на Каспии, в том его отличительное свойство, оговоренное во всех, лоциях судоводителей, внезапно меняет направление. При порывах норда море неистово бьет о берега, нету сладу с ним. Бывает, что и мудрейший Гаджи сталкивается с неожиданностями. Пренеприятнейшими.

Кто бы мог подумать! На его, тагиевской, текстильной фабрике — забастовка! В строжайше охраняемом владении, куда с первого дня ни под каким видом не допускаются рабочие других национальностей. Никто, кроме «братьев мусульман»!

«Здесь все свое: своя полиция, свой произвол, свои законы, — сказано в листовке Кавказского союза РСДРП. — Здесь уж настоящая тюрьма… Заживо погребенные рабочие и работницы лишены возможности выходить из фабрики без разрешения не только «инженера» — управляющего, но даже привратника, сторожа. Только местным полицейским вход разрешен и даже ночью, если они, подвыпив, пожелают «развлечься с барышнями». Заработная плата настолько низка, в особенности у работниц, что последние вынуждены кормиться проституцией… Кулачная расправа и другие грубости также в полном ходу».

Тогда во время полуторамесячной забастовки, дабы завистники и пересмешники не распустили в Баку и Тифлисе слухов о том, что, кроме всевластного Гаджи, еще кто-то влияет на единоверцев-мусульман, он не проронил ни слова о «кознях» Нариманова. Не сделал ни малейшего намека. Зато теперь, как только открылось утреннее заседание съезда…

Благодетелю выбирать слова ни к чему. Начинает сразу:

«Вчерашнее ваше решение указывает на то, что съездом руководят недальновидные люди, вроде Нариманова. А знаете ли вы, кто такой этот Нариманов? Он в кармане не имеет ни одной копейки, учится на мой счет, а тут смеет произносить всякие революционные слова и вводит всех, вас в заблуждение… Отмените вчерашнее решение, так как оно бросает тень на всю нацию перед правительством. Не медлите!»

Съезд молчит. Пытливые взоры устремлены в сторону Нариманова. Что он ответит благодетелю-миллионеру, От которого, по бытующему мнению, полностью зависит его судьба? Сам Гаджи только что подтвердил: «Ни копейки в кармане… учится на мой счет!»

Всей правды никто из делегатов не знает. В конторе Тагиева хранится небольших размеров документ, четвертушка бумаги:

«ДОЛГОВОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

1902 года июня 27 дня, я, нижеподписавшийся, коллежский секретарь Нариман Нариманов, даю это обязательство потомственному почетному гражданину Гаджи Зейнал Абдул Тагиеву в том, что так как он, Тагиев, выдает мне на мое дальнейшее образование, в высшем учебном заведении, в течение пяти лет, в первые два года по 600 рублей в год, а в последние три года по 360 рублей в год, что составит всего две тысячи двести восемьдесят рублей (2280), то поэтому я по окончанию курса наук ОБЯЗЫВАЮСЬ ВОЗМЕСТИТЬ ЕМУ, Тагиеву, эту сумму ПОЛНОСТЬЮ. В чем и подписываюсь

Нариман Нариманов».

Не подарок, не вспомоществование — деньги выдаются в долг под заемную расписку. Деньги до зарезу необходимы для содержания матери Халимы-ханум[33] и осиротевших в разные годы племянников и племянниц. Потому-то к долговому обязательству приложена записка: «Покорнейше прошу контору причитающуюся мне ссуду, назначенную Г. Тагиевым на время пребывания моего в Новороссийском университете, в сумме пятьдесят рублей ежемесячно выдавать законоучителю русско-татарских школ ахунду Юсифу Талибзаде для передачи моей матери».

Чтобы досказать до конца все, что относится к долгу Нариманова Тагиеву…

«СВИДЕТЕЛЬСТВО

Настоящее свидетельство выдано Нариману Нариманову в том, что он в осеннем полугодии 1908 г. подвергался в Медицинской Испытательной Комиссии при Императорском Новороссийском Университете экзаменам на степень Лекаря, таковое выдержал и в заседании Испытательной Комиссии 20 октября 1908 г. состоявшемся признан Лекарем.

Губернский врачебный инспектор

Антаев».

Дальше несколько недель врачебной обязательной практики в клинике при университете. А в первых числах марта следующего

девятьсот девятого года — арест, заключение в Метехский тюремный замок в Тифлисе, ссылка в Астрахань.

Кое-как устроившись на Волге, Нариманов пишет Тагиеву: «….Контора Ваша требует этих денег сразу. Так как сразу не могу уплатить, то предлагаю в месяц по 25 рублей. Прошу известить меня о Вашем решении». Пойдут почтовые переводы из Астрахани. Взносы по возвращении в Баку. Приходные книги конторы исчерпывающе засвидетельствуют: долг до последнего гроша весь возвращен. Предельная щепетильность, унаследованная от родителей.

А сейчас на учительском съезде Нариманов не станет касаться — пожертвование он получил или ссуду на время — подробность слишком частная, второстепенная. Ограниченные минуты, нехотя предоставленные ему «подавленным, ошемломленным Гасан-беком Зардаби, необходимы для выяснения несравненно более значимого. Того, что опасно угрожает развитию общества, воспитанию гражданского мужества.

Нариманов говорит, чуть повысив голос: — Это верно, что я был одним из тех, кто учился на средства Гаджи Тагиева. Но я не знал, что господин, поддерживая бедных студентов, отнимает у них право иметь свое суждение о предмете. Помогает студентам с той целью, чтобы они поступали так, как велит благодетель-миллионер. Я на это не способен. Я свое прошлое и настоящее не могу омрачить позором: молчать там, где нужно кричать, воплем души выражать свой протест. Никому я не давал права и не позволю за деньги заставить меня молчать в то время, когда другие не только открыто говорят, но проливают свою кровь за освобождение от царского гнета.

Перед всем съездом я с радостью отвергаю помощь мне господина Тагиева, чтобы оставаться свободным в своих действиях и чтобы потомки наши не продавали себя за презренное золото!

Прежде чем в зале раздадутся еще не очень дружные возгласы одобрения, хлопки, к Нариманову почти вплотную подходит мелкими быстрыми шагами Тагиев. Цепко прицеливающийся взгляд, сжатые губы. Молча рассматривает. Так, как будто видит впервые. Возможно, открывает для себя нечто новое. Существенное.

Съезд ко вчерашнему своему решению не возвращается. Остается оно, стало быть, в законной силе.

10

«От Центра партии «Муджахидов» господину милостивому Нариману Нариманзаде в Баку. 4 ша`абана 1325 года[34], № 64.

Дорогой наш брат, как Вы, следуя своим прогрессивным убеждениям, не отказываете во всевозможной с Вашей стороны помощи столь обязанным Вам нашим персиянам, тысячелетиями остававшимся в цепях унижений и оскорблений, так и персидский народ и особенно наша партия «Муджахид», уверяем Вас, пока стоит свет, никогда не забудем Ваших самоотверженных стараний, служащих первейшею причиною учреждения в Персии конституции».

Трудами чинов Тифлисского губернского жандармского управления письмо — оно захвачено при обыске в ночь на первое марта девятьсот девятого года — переведено с фарсидского языка на русский. Дважды подчеркнуты красным карандашом особенно крамольные слова: «причиною учреждения в Персии конституции». Поставлен внушительный восклицательный знак.

Ни усилий, ни времени охранители режима не жалеют. В папку аккуратно уложены сто тридцать два листа — тайные сообщения агентуры, протоколы допросов, «переписка в порядке статьи 23 Правил Военного Положения» с Баку и Санкт-Петербургом. Изыскания жандармского ротмистра Лолиашвили, жандармского полковника Еремина, генерала от инфантерии Шатилова — начальствующего над особым отделом канцелярии наместника Кавказа.

Результат, грех роптать, достаточно обнадеживающий для доктора Нариманова. На месяцы затянувшееся следствие не способно сколько-нибудь обосновать грозные обвинения в «… соорганизовании в Тифлисе отделения партии «Муджахидов» на началах, полной партийной дисциплины и установки единства действия между отделением и Центром… В контроле за приходом и расходом денежных поступлений и вообще наблюдений за всей деятельностью партии… В занятиях отправкой людей, оружия, взрывчатых веществ в Персию, в революционную армию Саттар-хана и Багир-хана… В оказании крайне вредного влияния не только на проживающих в крае персидско-подданных, но и на русско-подданных».

Сам же он упорно не внемлет «поверьте, истинно дружеским советам» не отягчать свою участь «заведомым запирательством». Многоопытным мастерам развязывать языки доктор показался человеком предельно учтивым, мягким. Никаких затруднений причинять бы не должен…

Совсем в другое время, в девятьсот восемнадцатом, в Астрахани, на уже помянутой встрече с мусульманами-коммунистами и государственными работниками Нариман Нариманов обронит: «В 1906 году, когда, находясь во главе персидской социал-демократической партии «Муджахид», мне приходилось отправлять агитаторов в Персию с нашей программой…»

Дважды в неделю между Баку и Энзели[35], бойким торговым городком в Гилянской прикаспийской провинции Северной Персии, ходят не спеша пароходы общества «Кавказ и Меркурий». Трюмы и палубы судов сверх всякой возможности забиты артелями персиян, ищущих заработка на нефтяных, промыслах или возвращающихся в такой же бедности домой.

Лица у всех одинаковы — черные с зелеными потеками. Головы, побритые широкой дорожкой от лба до шей, как бильярдные шары. Оставшиеся по бокам жесткие, склеенные мазутом волосы пучками торчат в разные стороны. Персиян ставят на наиболее тяжелые работы, платят вдвое меньше, чем всем другим. О них сообщала «Искра»:

«Рабочий, приходящий из страны самого широкого произвола, представляет из себя существо совершенно темное, забитое до последней степени, абсолютно не имеющее представления о правах человека. Он привык безропотно подчиняться и работать в слепом подчинении всю свою жизнь».

Нетрудно представить, сколь необычными способностями, знанием человеческой психологии, воистину неисчерпаемой энергией надо обладать, чтобы пробудить эту безликую массу обездоленных, вселить в них веру в самих себя, в свою возможность распрямиться, своею властью обрести гражданские права. За это берется «Гуммет», тон в которой все больше задает Нариманов. Написанная им прокламация:

«Мы, социалисты России, в уставе и целях которых не делается никакой разницы между русскими, татарами, персами и другими, признавая организацию «Муджахид» своим единомышленником и товарищем, объявляем, что российская социал-демократия вообще, а мусульманская социалистическая группа «Гуммет»… в особенности, готовы отвечать всем врагам «Муджахида»…»

А что касается программы «Муджахида»… Полного ее текста не найдено. Лишь перепачканные типографской краской страницы с шестой по тринадцатую, волею случая оказавшиеся в делах прокурора Бакинского окружного суда. Сверху пришпилен рапорт пристава 3-го участка:

«…проживающий на углу Прачечной и Азиатской улиц

содержатель типографии заявил, что 4 декабря в 9 часов утра в типографию вошли 8 вооруженных револьверами неизвестных, арестовали всех, находившихся в помещении типографии и приступили к печатанию (шрифт — готовый набор — и бумагу они принесли с собой). Было отпечатано 3 тысячи листов. После их ухода обнаружено несколько отдельных страниц отпечатанной ими брошюры…»

К каждой найденной странице дан дословный перевод.

«…Злоба и горе будут устранены, и больше на землю кровь несправедливо обиженных литься не будет; далее эта партия желает устранения интриг и провокаций, так как тысячи и тысячи лишаются жизни из-за национальных войн, стройные юноши становятся мишенью для пуль и снарядов оружий и орудий, множество городов и поселков на этих войнах превращаются в руины, женщины остаются без мужей, а наши дети становятся сиротами.

Действия данной партии целиком направлены против подобных, злополучных случаев и на то, чтобы они были полностью изжиты и устранены; члены партии против того, чтобы лилась кровь кого бы то ни было, к какой бы партии и нации он ни принадлежал — это не имеет значения. «Люди являются частицами друг друга» — изречение из «Гулестана» Саади.

…Целью является то, чтобы все без исключения верований и наций жили в условиях равноправия и справедливости. Понятно, что сразу этой высокой цели достичь нельзя и на такую вершину немедленно взойти невозможно, ибо наш благословенный народ сейчас находится в состоянии невежества и угнетения и не различает, что для него хорошо, а что плохо. Поэтому необходимо заявлять о целях постепенно. То, что сегодня нам нужно, к осуществлению чего мы должны приступить, состоит в следующем:

1. Все мульки и земля должны принадлежать тому, кто их обрабатывает своим трудом, не пользуясь трудом рабочих и батраков.

2. Работник промышленного предприятия, будь он ученик, поденщик, рабочий или чернорабочий, будь он служащий вроде мирзы, бухгалтера и десятника, который зарабатывает себе на хлеб ежедневным трудом, должен в одни сутки работать не более восьми часов, т. е. не должен быть принужден работать больше… Ежедневная плата и жалованье должны быть увеличены.

3. Вдовы, беспризорные дети и старики, которые не в состоянии работать по старости, должны быть окружены заботой и вниманием со стороны государства, т. е. для них должны быть определены пособия.

4. Для людей, которые по причине жестокого бедствия поселились в развалинах, в сырых подвалах и грязных квартирах, что становится причиной появления инфекционных болезней, паралича и другого, должны быть построены государством дешевые квартиры, и все расход по строительству этих квартир должно взять на себя государство…

5. Для всех сирот и бедных в каждом городе и селении должны быть открыты школы.

6. Государственные налоги (подати) должны быть уменьшены с тем, чтобы с людей неимущих и бедняков не взимались вовсе… Налог будет взиматься со всего того, чем имущие владеют сверх своей годовой потребности, соответственно их доходу: от меньшего — меньше, от большего — больше; как наличными, так и натурой — в городе и в деревне, по принципу, который будет разъяснен ниже.

7. Снижение таможенных пошлин. Необходимо снизить таможенные пошлины на товары, что поступают из-за границы и в которых нуждаются бедняки — такие товары, как сахар, чай, керосин и т. д., с тем, чтобы они стали дешевле…»

На страницах, оброненных муджахидами в типографии, нет подписи автора. Отсутствует также и собственное его признание. Одни косвенные «улики»: манера изложения, стиль, язык, да тождество с тем, что за подписью Наримана Нариманова появляется в газетах. Ну, хотя бы со статьей «Несколько слов о свободе» — июнь девятьсот шестого, «Хаят».

Его рука, его планы, подсказанные программой РСДРП, им же в те недели переведенной. Теперь старый наримановский «Надир-шах», бунтарь Востока, изрядно умудрен событиями первой русской революции. Народное возмущение в Персии, в соседней с ней Турции, в далеком Китае — у всего одни истоки — баррикады России…

Волнения в крупных городах, смута в большинстве провинций Персии принуждают шахиншаха, подобно Николаю Романову, «даровать» манифест о «свободах». Не слишком препятствовать выборам местного самоуправления. В октябре 1906 года в Тегеране собирается первый меджлис — парламент. «Страна самого широкого произвола» обретает конституцию. К предельному негодованию самодержавной России и «демократической» Англии. В трогательном согласии они немедля делят Персию а сферы влияния. Россия вводит свои войска — преимущественно казаков — в Южный Азербайджан и Гилян. Англия — в вилайеты, ближайшие к Туркестану.

Полковник Ляхов, недавний усмиритель рабочих слободок Владикавказа и Грозного, чеченских, ингушских, кабардинских

аулов, не менее блистательно — всего за полдня — управляется с меджлисом. Часть депутатов перебил на месте, часть удушил на виселице.

Шахиншах жалует Ляхову, теперь уже генералу, высший персидский орден. Сановники и губернаторы в честь великого своего торжества заново окрашивают бороды в ярко-оранжевой цвет. А уже мчатся гонцы из Табриза — главного города Южного Азербайджана. Со страшной вестью: восстание, власть в руках народа!..

При полном неравенстве сил борьба с переменным успехом длится вплоть до 1911 года. Дольше всего держится Табриз. Позднее оплотом станут земли у Каспия. При любом исходе боев, даже при самом неблагоприятном для повстанцев повороте событий, в отрядах вооруженных крестьян, горцев, ремесленников, ковровщиков, рыбаков, сражаются, гибнут посланцы «Гуммет», социал-демократы — ленинцы. Из Баку, Тифлиса, Елизаветполя, Нахичевани, Кутаиса. Со всего многоязычного Кавказа.

Рискуя непоправимо испортить отношения с градоначальником, полковником Мартыновым, «Вестник Баку» все же печатает:

«В Персии движение исключительно демократическое, народное… Знаменитый «Ибрагим-паша», «младотурок», которого выдумало С.-Петербургское телеграфное агентство, оказывается на самом деле простым персидским рабочим из Баку, и титул «паши» ему дан народом за его храбрость и боевые способности. Другой не менее знаменитый персидский деятель революции — Фара-джалла, нынешний губернатор Меранда, также бакинский рабочий. Единственный персидский интеллигент, имя которого встречается в революционной борьбе, — Гейдаров[36] — электротехник из Баку, уже приговоренный шахом к смертной казни.

В персидской печати не раз указывалось на то, что Закавказье явилось той политической школой для персидских деятелей, в которой они учились гражданственности, усваивали политические и гражданские идеи…»

В двух следующих номерах газета подробно рассказывает о «самой интересной и самой загадочной фигуре теперешней Персии» Саттар-хане. Сам он скромно называет себя «Слуга народа Саттар».

В одних описаниях он народный герой[37], в других — «персидский Пугачев».

Русский консул Похитонов отправляется к Саттару, уговаривает не возбуждать народ: «Шах не думал отменять

конституцию!..» Саттар ответил высокопоставленному «парламентеру»: «Шах нарушил клятву, данную на Коране. Народ ему больше не верит и будет отстаивать свои права оружием… Мое место на поле брани — я буду там впереди».

«…Прошлое завещало Саттару храбрость, — заключает «Вестник Баку». — Но храбрость прямо-таки рыцарскую. Никаких диктаторских замашек у него совершенно незаметно. Своим советникам он говорит: «Думайте, решайте и подсказывайте мне, как лучше поступить, я знаю лишь свое дело — защищать права народа… Саттар вместо эпитета «хан» предпочитает называть себя «защитником, слугой народа». В этом отношении «дикарь» Азербайджана на несколько голов выше многих представителей нашего культурного мира».

Тем временем российской посланник в Персии, умный, хорошо осведомленный Н. Г. Гартвиг заносит в свою «тетрадь для памяти»: «Наиболее крайние элементы состоят почти исключительно из кавказских выходцев, имеющих постоянные сношения с тайными комитетами на Кавказе…»

Два «тайных комитета» в Баку и Тифлисе так и называются: «Комитеты помощи персидским революционерам». Во главе Нариман Нариманов и Мешади Азизбеков. Подтверждать это после ареста и заключения в Метехи Нариманову нет ни малейшего резону. Отрицание, полное отрицание, пожалуй, единственное оружие, остающееся с плененным революционером в тюремной камере.

На месяцы или годы предстоит забыть Нариманову о том, как в Балаханах, Биби-Эйбате, в Сабунчах и Романах, в Черном городе отбирал он самых достойных… Чтобы морем добирались до Энзели, по сухопутью через Эривань и Джульфу до Табриза.

Ассадула Джавад оглы Ахундов. Один из первых марксистов-азербайджанцев, член РСДРП с 1901 года. Редактор большевистской газеты «Елдаш» — «Товарищ»…

Ибрагим Магеррам оглы Абилов. Поденщик на нефтяных, промыслах, кочегар на железной дороге, самоучка-книгочий, «Университеты» проходит в камерах для политических порт-петровской[38], бакинской, красноводской тюрем, в ссылке. Будущий дипломатический представитель Федерации Закавказских Советских Социалистических Республик в Турции…

Дадаш Ходжа оглы Буниатзаде. Рабочий на каменоломнях, на текстильной фабрике Тагиева. Профессиональный революционер, публицист, недюжинный оратор. Первый народный комиссар просвещения свободного Азербайджана. Глава правительства. Член ЦИКа Союза ССР…

Али Тагизаде. Сын тифлисского уличного продавца воды:

«Ай, вада-а! Интересный ва-да-а-а!» Ученик в красильной мастерской. В двадцать неполных лет — испытанный конспиратор. С надежной оказией получает тексты прокламаций «Гуммет», печатает, распространяет. «Летом 1906 года, — припоминает Тагизаде, — Нариманов приехал в Тифлис, где я и встретился с ним. Он предложил создать, кроме нашей тифлисской организации «Гуммет», такие же отделения в Нахичевани, Джульфе и других местах у персидской границы. По его поручению мы заготовляли винтовки, бомбы, взрывчатые вещества. Все это переправляли за реку Аракс Саттар-хану».

Чаще всего в роли полномочного представителя «Гуммет» — надежнейший Мамед Сеид Гаджи Ага оглы Ордубади. Он всегда оказывается там, где особенно горячо, где больше всего нужен, — в Табризе, Казвине, Ардабиле. Добирается до Тегерана, до Каспийского побережья. Притом умудряется, аллах знает в какие часы, писать стихи, памфлеты, сатирические рассказы для журнала «Молла Насреддин». Роман «Несчастный миллионер, или Рзагули-хан франкоман» приносит ему немалую известность.

В восемнадцатом году Нариманов приглашает давнего друга Ордубади в Астрахань, в редакцию возобновляемой изданием газеты «Гуммет». Журналистика, литература становятся главным занятием Мамед Сеида. Его многотомный роман «Табриз туманный», книги «Подпольный Баку», «Борющийся город», «Меч и перо» неподвластны времени.

Но до благословенных лет ох как далеко! Молодому, изобретательному Ордубади еще придется доставлять в Табриз туманный транспорты с оружием, быть воином, переводчиком, третейским судьей. Ордубади переживет и тяжесть собственного прозрения, мучительного и разом отрезвляющего, когда без остатка, как дымка в солнечное утро, рассеивается то, что с детства считается незыблемой основой жизни.

В родительском доме от отца, преподавателя медресе — духовного мусульманского училища в городе Ордубаде — (отсюда нечасто встречающаяся фамилия Ордубади) — Мамед чаще всего слышит слова: «Наша нация». Готовность жертвовать во имя «нашей нации» битьем и штрафами вдалбливают хозяева шелкомотальной фабрики, куда нанимается четырнадцатилетний мальчишка после внезапной смерти отца. В годы более зрелые Мамед Сеид вращается в среде относительно образованных мусульман, обосновавшихся в приграничной с Персией, с Южным Азербайджаном Джульфе. Опять же на все лады склоняется: «Интересы нации», «Ради нашей нации».

Ордубади хорошо помнит, хотя прошло уже три года… После того как на учительском съезде в Баку Нариман Нариманов

возвышает голос в защиту насущных нужд «нашей нации», его оскорбляет, ему грозит сам «отец нации» Гаджи Тагиев. Дипломированные «руководящие» интеллигенты посылают в адрес «неблагодарного» Нариманова упреки. Некоторые, потупив глаза, добавляют; «Нариман-бек, возможно, прав, но не следует противоречить почтенному Гаджи. Он поддержка нации…»

Член бакинской городской управы Гаджинский признался Ордубади: «Я послал в Одессу Нариман-беку приглашение занять вакантную должность санитарного врача. Он ответил согласием. Увы, я не подумал… Наш высокочтимый Гаджи Зейнал Абдин Тагиев выразил полное неудовольствие. Мне оставалось принести свои извинения… Нариман-бек молча поклонился, руки не подал».

Так постепенно Ордубади понял, что такое «интересы нации».

Теперь Нариманов в тюрьме. Полгода в Метехи… За Араксом в Персии многого не узнаешь, а слухи доходят огорчительные. Будто те, кто слывет «старшими нации», ее духовными наставниками, Али Мардан-бек Топчибашев, Ахмед-бек Агаев, штаб-офицер особых поручений при градоначальнике принц Мансур Каджар всеми средствами препятствуют сбору подписей под петицией в защиту доктора Нариманова… В бакинских азербайджанских изданиях ни слова в его поддержку…

Печальные слухи подтверждаются. В воскресенье, тридцатого августа девятьсот девятого года газета «Баку», жестоко конкурирующая на коммерческой почве с прессой Тагиева, печатает недвусмысленное сообщение:

«Группа бакинских интеллигентов-мусульман посылает в мусульманскую фракцию при Государственной думе петицию об освобождении или о рассмотрении дела хорошо знакомого бакинцам доктора Наримана-бека Нариманова, который уже 6 месяцев находится под арестом в Метехском замке без всякого суда.

Между тем семья господина Нариманова терпит страшную нужду, так как он был единственным кормильцем.

Нариманов начал свою деятельность среди бакинских азербайджанцев в 90-х годах в качестве народного учителя, но его деятельность не ограничивалась этим. Он никогда не оставался праздным и принимал самое деятельное участие в делах, имеющих пользу своим соотечественникам… Но вскоре некоторые, так называемые «интеллигенты» с высшим образованием преэнергично взялись за ограничение сферы его полезной деятельности, руководствуясь лишь чувством зависти… и эти господа устроили что-то вроде кампании против скромного труженика и всячески игнорировали его и его труды… Доносы,

интриги завершили дело. Он был арестован в Тифлисе с некоторыми другими лицами, кои уже освобождены. А он продолжает томиться в тюремном замке.

Здоровье его крайне расшатано…»

На следующей неделе в четверг такая же редакционная заметка без подписи появляется в «Закавказье» — газете тифлисских либералов-грузин. К сообщению «Баку» добавлено немного — две фразы:

«На руках доктора Нариманова 8 душ сирот, которым он стремился пробить дорогу к свету. Предполагается, что в несчастной судьбе Нариманова значительное влияние имели происки его могущественных, врагов…»

Остальное доскажет в послереволюционные годы Султан Меджид Эфендиев:

«Тюркская буржуазная интеллигенция, находившаяся на золотой привязи у Тагиева, отвергала Нариманова за его нежелание пресмыкаться…

Когда собирались подписи под петицией к мусульманской фракции Думы насчет запроса о заключении больного Нариманова в Метехский замок, «интеллигенция» отказалась дать свои подписи: «Не стоит, он сумасшедший!..»

11

Хранители самодержавных устоев, немало страдая от тифлисского летнего пекла — в сносный день под сорок градусов жары и небо затянуто матовой пеленой, — продолжают попытки образумить раздражающе безразличного к собственному благополучию «татарского» доктора Нариманова. Он с готовностью участвует в многочасовых сидениях, вежливо повторяя, что в его жизни пока ничего достойного для описания столь официальными лицами, как ротмистр Лолиашвили, полковник Еремин, тем более генерал от инфантерии Шатилов. Посему большая часть припасенных, аккуратно пронумерованных листов протоколов допроса остается девственно чистой.

Девятнадцатого июля раздосадованный генерал от инфантерии сочиняет личное послание его высокопревосходительству Петру Аркадьевичу Столыпину. Обстоятельно описывает опасность, исходящую от «крайне вредного для общественного блага влияния врача Нариманова… поелику формальных, доказательств для предъявления оных суду ходом следствия добыть не удается… имею честь просить… о высылке Нариман-бека Нариманова в порядке 34 статьи Положения об охране, в одну из отдаленных местностей Сибири сроком на пять лет».

Его высокопревосходительство Петр Аркадьевич любимыми зелеными чернилами отписывает: «…на тот же срок в г. Астрахань под надзор полиции». В южный, стало быть, острог без решеток.

В прошлом у Астрахани репутация куда более завидная. В далеком тринадцатом столетии кочевые племена разносят молву о богатом укрепленном торжище Аштрахане, что в десяти примерно верстах, от нынешнего города, только на другой стороне реки. Два века спустя Астрахань — столица грозного татарского ханства. А с 1558 года — русская крепость на Заячьем или Долгом горбу над Волгой, над протоками.

Накануне Персидского похода 1722 года Астрахань — резиденция Петра Великого. Сюда он возвращается после взятия Дербента и Тарков, основания крепости Святого Креста. Суровый преобразователь велит «учинить» в устье Волги верфи, строить в Астрахани корабли, «подобающие державе Российской».

Во времена, к описываемым событиям достаточно близкие, город посещает Александр Второй. Усматривает, что Астрахань с ближними слободами — подходящее место для административной ссылки, для «водворения лиц, состоящих под

надзором полиции». В государственных интересах не ограничиваться на сей предмет одной Сибирью. Число ссыльных-то неуклонно растет.

Вслед за августейшим решением на город обрушиваются еще всякие напасти. Неистовая эпидемия чумы, чудовищный пожар, перекинувшийся с лесных пристаней на сплошь деревянные дома обывателей, бунт, окрещенный летописцами холерным, ибо начался с разрушения и поджога холерных бараков.

Что бы там ни было, ссыльных везут. Доставляют всяким транспортом, круглый год. Чинов и званий лишенных. Порою и собственного имени. Революционные демократы, народники, эсдеки идут вереницей… Николаи Чернышевский… Виднейший русский экономист Василии Берви-Флеровский… Сотрудник журнала «Русское богатство» Петр Голубев… Слушательница Высших, женских курсов, перед тем бежавшая от родителей, во что бы ни стало желавших постричь ее в монашки; корреспондент «Искры»; агитатор «Военки» — военной организации при Петербургском комитете большевиков; главный специалист по боям на баррикадах в дни Декабрьского сооруженного восстания в Москве — маленькая хрупкая Ольга Варенцова.

Учительница вечерней воскресной школы за Невской заставой в Питере, чьи симпатии делятся почти поровну между экзотическим садоводством и гонками на лодках под парусами. В плаванье и гребле не уступит мужчинам. Многие другие достоинства перечислены в досье департамента полиции: «Исполняет все крайне конспиративные поручения. Явки ЦК, переписка с заграницей. Центральное лицо большевистского центра (партийная кличка «Дяденька», в наблюдении «Железная»)». Дочь известного русского врача Лидия Книпович. Давний близкий друг Владимира и Надежды Ульяновых.

Неустанными заботами властей предержащих астраханская ссылка постоянно обеспечена присутствием твердых в убеждениях, многоопытных подпольщиков. Тех, кто в отчаянных условиях головы не клонит, остается самим собой. Человеком, революционером.

Близится к концу срок ссылки Дяденьки, а уже доставлен под надлежащей охраной Иннокентий — Иосиф Дубровинский, находившийся в «сфере полицейского наблюдения» с пятого класса реального училища. В не очень далеком будущем член Центрального Комитета большевиков, один из редакторов «Пролетария».

В новом, котором по счету, ответить слишком затруднительно, пополнении колонии астраханских ссыльных — Розалия Землячка. Тоже из ЦК большевиков…

…Уже после того как пушка на Арсенальной горе известила, что в присутственных местах и модных магазинах барона фон Кученбаха пора опускать жалюзи и тифлисцам приниматься за обед, в неурочное, таким образом, время подследственного Нариман-бека Нариманова требует ротмистр Лолиашвили.

— Приказано доставить с вещами, — сообщает заключенному дежурный помощник начальника тюрьмы. — Если угодно и наличность позволяет, сопровождающий городовой посвистит фаэтонщику. Сами знаете — далеко.

— Да, да, далеко, — машинально подтверждает Нариманов.

Далеко-далеко в мальчишечьи годы, прильнув к дверям родительских тесных комнат, он с обостренным любопытством и немалым страхом разглядывал темную громаду, что высится на противоположном обрывистом берегу Куры. Глухие стены, постоянно запертые ворота. Караулы… Женщины и дети, часами чего-то ожидающие до плотной темноты… На его расспросы взрослые отвечали нехотя: «Это старая крепость. Она защищала Тифлис от чужеземных врагов. Теперь тюрьма… Тебе не понять, рано еще…»

Как-то мальчик похвалился перед дядей Али-мирзой:

— Я знаю. Туда солдаты в белых, рубахах приводят воров и разбойников. На руки и ноги им надевают цепи.

— Ты прав, мальчик. Они закованы. Их очень боятся. В другой раз, начав учиться у Фаттах-муэллима, он настойчиво требует, чтобы мать подтвердила:

— Метехи — это только для разбойников, да? Невиновного человека в темницу не запирают, да? Почему молчишь?

Терпеливейшая из матерей, Халима-ханум не выдерживает:

— Бедного человека недолго назвать разбойником. Кто защитит? Аллах милосердный не успевает!.. Так я, женщина, понимаю… Лучше почитай мне что-нибудь не очень грустное…

Далеко-далеко… Из забранных частой решеткой метехских окошек постоянно видится детство. Нагорный квартал, веранда, повисшая над узким двориком, мальчишка, донимающий мать нескончаемыми вопросами, крутые тропинки, по которым можно быстро добежать до Шайтан-базара с завтраком для отца.

У базара старый мост выходит на правый берег. Небольшой подъем — и Вельяминовская улица. Трехэтажный дом полиции и жандармского управления. Государственному преступнику доктору Нариман-беку Нариманову дозволено подъехать туда на фаэтоне. С городовым и вещами.

Ротмистр сама любезность. Елейные расспросы о здоровье, об условиях содержания. Тонкий намек на прискорбный инцидент, имевший место несколько недель назад. Тогда стало известно,

что стеснительный Нариманов проделал весьма коварную штуку с почтенным начальником Метехского замка. Убедил дать ему разрешение заниматься с арестантами из низших слоев, сплошь неграмотных. А он-де знает три языка, и долг учителя, врача, всякое такое… Не жалеет сил, ходит себе по камерам… Спасибо, доложил надежный субъект, какую такую азбуку преподает человеколюбивый доктор. В чистом виде политика! Начальник, естественно, определил голубчика в одиночку. На строжайший режим.

Ну, сегодня это уже несущественно. Поскольку его высокопревосходительство Петр Аркадьевич Столыпин изволили назначить Нариманову взамен дальней сибирской ссылки всего ничего — водворение в Астрахань. Можно только поблагодарить судьбу, что не приказано взыскать за неудачный исход следствия.

— Надлежащими властями вам определена высылка… Никаких отсрочек… По прибытии явитесь к господину астраханскому полицеймейстеру. Получите дальнейшие распоряжения. Засим прощайте… Новая встреча не в ваших интересах, доктор!

— Благодарствую, господин ротмистр!

Еще пустяковая формальность:

«Господину Астраханскому полицеймейстеру.

Сообщаю Вашему Высокоблагородию, что административному ссыльному Нариман-беку Нариманову вместе с сим выдано проходное свидетельство на следование со всей семьей в г. Астрахань. О прибытии его прошу уведомить.

30 сентября 1909 г. № 7269.

За начальника отделения (подпись)».

Со всей семьей. Он до сих пор не женат. Родителей давно нет в живых. А семья многочисленная, дружная, шумная. Четверо сирот старшего брата Салмана, того, кто в первую студенческую весну Нариманова приезжал навестить его в Одессе, заботливо прихватив с собой тайные листки, воззвания, карикатуры. Салман скоропостижно скончался в типографии у наборных касс. Уже после его смерти родилась девочка Ханум. Через несколько недель не стало и вдовы Салмана Салтанет. Все заботы о сиротах легли на плечи дяди Наримана. На его попечении и дочь овдовевшей сестры Сакине — Тура, и сын потерявшей мужа сестры Марзии — Гасым. Всех надо обласкать, накормить, одеть. Старших отдать учиться…

Из Тифлиса привычно поездом в Баку. Регистрация в полиции: «Прибыл… Выбыл…» Со всей семьей по проходному

свидетельству…

На пристани общества «Кавказ и Меркурий», в следующие дни на пароходе попутчики не перестают удивляться. «Мужчина с такими малыми детьми зиме навстречу… Горемычному невдомек, наверное, что Астрахань не ровня Баку, или там Тифлису, октябрь месяц в оба глаза на зиму глядит. Ветры по многу дней насквозь пронизывают…»

Отвечать приходится словами-пустышками, шутками, а то виниться в небольшом знании жизни. В случайном разговоре правды не выложишь, мол, не житейские неурядицы гонят — высший государственный интерес! Очень уж будоражит «не только персидско-, но и русско-подданных» его голос. Самобытный, непреклонный, вселяющий веру.

Каким-то своим путем астраханская газета «Бурхани таракки» узнает, что с ближайшим пароходом из Баку, отнюдь не по доброй воле, приезжает Нариман Нариманов. Тут же пишется, ставится в задержанный выходом номер от 11 октября статья «Доктор Нариман-бек». Краткое жизнеописание и приглашение «чувствовать себя на новом месте не ссыльным, а самым желанным и дорогим человеком. Никогда не утруждайте себя мыслями о том, что Вы являетесь заключенным и одиноким… В глазах своего народа Вы подобны драгоценному камню, а драгоценный камень не теряет свою ценность, куда бы он ни попал».

Губернатор немедля накладывает на редакцию необычно высокий денежный штраф. До уплаты газета не смеет выходить. Своих денег у редактора нет, приходится пустить шапку по кругу среди друзей-подписчиков. Когда все счастливо улаживается, в возобновленном издании на видном месте помещено нечто вроде открытого письма властям. Произошла ошибка. Газета «не преследовала намерения восхвалять административно-ссыльного доктора Н. Нариманова. Писала всего лишь то, что есть на самом деле…». Чтобы никаких сомнений впредь не возникало, заключительные слова: «Да здравствуют такие сыны трудового народа! Долой тех, кто роет яму общественным деятелям народа!»

Сам Нариманов, предельно измотанный в Метехи, в дороге, с малыми ребятишками на руках, — в неотложных житейских хлопотах. В поисках пристанища.

На «косе», где бьется пульс астраханской жизни, на бойких торговых улицах Никольской и Екатерининской, что вытянулись на полверсты, снять квартиру незатруднительно, водились бы деньги. В том — загвоздка. Считанные гроши, какими он располагал в Тифлисе, на исходе, одалживаться не в его натуре.

Значит, сюда, в центр, прядется являться лишь в указанные числа на регистрацию в полицейское управление, а селиться где-то подальше. У лесных пристаней или у Киргизской ярмарки — в начале зимы туда на верблюдах съезжаются киргизы, калмыки, ногайцы, пригоняют скот на продажу, закупают муку, чай, соль, мануфактуру.

За кремлем, за Успенским собором мощеных улиц вовсе нет. Грязь по колено, кучи камней, бог весть откуда взявшихся. Отвратительный запах нечистот. На сей деликатный предмет «Путеводитель-справочник. Астрахань в кармане» за нынешний 1909 год: «Почва пронизана в низменной части отбросами, ассенизация самая упрощенная (вывозная система), беспощадно заражающая воздух всего города».

Из доступного наилучшими кажутся комнаты в деревянном доме наследницы фотографа Климашевского — Софьи Ивановны на Старо-Кузнечной улице, по более выразительному определению горожан «на канаве у набережной». Вокруг неразбериха переулков, тупиков, плотно заселенных неимущим многодетным людом. В большинстве татарами, калмыками, киргизами. При самом пылком воображении нельзя представить, что эти семьи могут потратиться на вольнопрактикующего врача, фельдшера. В лучшем случае наскребут молле, чтобы в разгар очередной эпидемии наделил полоской бумаги с «исцеляющей» молитвой.

Для Нариманова вполне достаточный повод обосноваться именно здесь — в месте, смахивающем на огромную ночлежку. Поселиться и терпеливо приучать бедняков к тому, что у них есть свой доступный врач. Обращаться необходимо к нему, а не к молле, неспособному помочь им в случае болезни. Они — люди как все другие.

Не в его натуре, не в жизненных правилах достаточно сформировавшегося революционера ограничить себя единственно медицинской помощью беднякам. В сущности, это профессиональный долг любого врача. Необходимо так или иначе продолжить борьбу, начатую до ареста до ссылки. Найти возможность воздействовать на общество, побудить его к размышлению, а там и к действию.

На страницах сравнительно либеральной газеты «Астраханский край» появляются первые статьи Нариманова. При всей несхожести тем и поводов для выступления — благотворительность персидских купцов, проживающих в Астрахани… толкование прав, дарованных Кораном женщинам-мусульманкам… смерть католикоса — главы армянской церкви… — все написанное бьет по противнику, с юношеских лет

хорошо знакомому. По корыстолюбивому, воинствующему невежеству, предрассудкам, слепому повиновению власть имущим — духовным, светским. Жизнь неимущих мусульман, она что там, на Кавказе, что здесь, в Астраханской губернии, мало чем разнится. Горе, беды, нужды — одни.

Так о деятельности купцов-благотворителей. «…Можно же было несчастных больных посылать в ту или иную больницу, хотя бы для того, чтобы в последние минуты жизни не давать испытывать адские мучения, чтобы под головой вместо изорванного архалука была подушка, а под остывающим телом не мешок, постоянно заменявший простыню. Нет, об этом не думали ни господин председатель, ни господа члены комитета благотворителей. Положим, с экономической точки зрения комитет действовал правильно. А то извольте прежде лечить, а затем еще на похороны тратиться. Нет, это невыгодно. Раз заболел какой-нибудь страдалец, жди конца: придут за деньгами на похороны — выдай столько-то, а не придут — еще лучше!»

…О праве мусульманок держать лицо и руки открытыми и изучать светские науки — праве, отнятом бесчестными толкователями Корана.

«Наши «духовные отцы» не останавливались ни перед чем. Они знали, что чем невежественнее, темнее народ, тем лучше и легче его эксплуатировать. Вот, собственно говоря, точка, из которой исходили толкователи Корана, того Корана, которого народ вовсе не знал, хотя он и был «ниспослан» для него. Между Кораном и народом стояла неприступная стена, камни и кирпичи которой состояли из муштеидов, шейх-уль-исламов, муфтиев, а глина из разных молл.

Народ не знал не только Корана, но и значения пятикратной молитвы — намаза. Он падал на колени, простирал руки вверх, повторял какие-то непонятные слова, но не знал совершенно, о чем он говорит, что просит у аллаха. Моллы, настаивая на правильном произношении арабских слов, в то же время упорно скрывали от набожных мусульман значение этих слов. Иначе говоря, «духовные отцы» в своих действиях строго последовательны и в суждениях довольно логичны. Они хорошо и твердо знали, что, если сегодня перевести слова молитвы, завтра придется еще кое-что и, наконец, народ поинтересуется содержанием всего Корана и… Нет, лучше с самого начала сказать: не только Коран, но и молитвы переводить нельзя — грешно. Язык арабский необыкновенно сложен; перевод его умаляет значение молитвы и т. д. и т. д.»

Внешне не более чем некролог.

«Покойный католикос Измирлян, испытанный честный борец,

всю жизнь работавший для блага своего народа, умирая, мог гордо и спокойно сказать: «Исполнен долг, завещанный мне».

Мог бы точно так же гордо и спокойно сказать хоть один из умерших шейх-уль-исламов или муфтий?

Нет, категорически утверждаем мы. Они и не могли сказать этого, так как не понимали, в чем, собственно, их долг перед своим народом… Они умирали, как жалкие чиновники, беспринципные, безыдейные, без всякой инициативы. Они не знали, скорее не хотели знать своего народа. Они не понимали или не хотели понимать духовной потребности мусульман, их нужд, их страданий и слез.

…Среди других вопросов мусульманская печать выдвинула и вопрос о выборных главах духовенства… Будет ли уважено это ходатайство мусульман 3-й Государственной думой, вопрос будущего, но пока отметим, что разрешение этого вопроса в благоприятном смысле имеет громадное и важное значение во всех отношениях. Тогда шейх-уль-исламы и муфтии будут знать, что не народ для них, а они для народа.

Тогда между избранными и народом не будет той непроходимой пропасти, которая существует и будет существовать, если главы духовенства будут назначаться без ведома народа.

Тогда, быть может, и у нас будут такие светлые личности, как покойный католикос всех армян Измирлян, отдавший всю жизнь работе на пользу своего народа, переиспытавший все мучения узника… Потому-то он и дорог был для народа…»

Высказывается Нариманов и о полемике, разгоревшейся на страницах хорошо ему знакомых бакинских газет. «Отец и благодетель» миллионер Тагиев заподозрил своего домашнего инженера Бебутова в посягательстве на честь жены. Незамедлительно два племянника, принц Каджар и четверо других приближенных под умелым руководством самого миллионера подвергли инженера дикому насилию. Подробности пикантного «дела» распространило Санкт-Петербургское телеграфное агентство. Постарались не отстать газеты обеих столиц, Тифлиса и, конечно, Баку.

«…Нашлись люди, именуемые «литераторами», — пишет Нариманов, — которые говорят: да, нашей интеллигенции продавать свои убеждения за деньги не следует, но в данном случае о Тагиеве или нужно было молчать, или если говорить, то только в его пользу… Это именно те, которые привыкли носить маски; это уроды нашего общества, по недоразумению являющиеся ныне, к стыду нашему, руководителями общественного мнения мусульман Закавказья.

Это и доказывает, насколько вы, «сознательная часть мусульман», мало подготовлены к общественной деятельности, мало изучили духовный мир того народа, в защиту которого вы иногда выступаете. Это, наконец, лишний раз указывает на то, что вы, нищие духом, нетвердые убеждением, никогда не можете быть искренними выразителями народного голоса, устойчивыми борцами в общественной жизни.

Вы способны лишь в мутной воде рыбу ловить. Ваше стремление — придавать частным семейным дрязгам общественный характер и тем создавать антагонизм в обществе, раздражать одну нацию против другой — преступно. Довольно наконец позорить себя!»

Поведение Нариманова свидетельствует: он не хочет мира с противником, не хочет поладить с ним, не ищет золотой середины. Он ведет точно направленный огонь на поражение. На его долю выпало слишком много лишений, нервы его напряжены до предела, но к делу это не относится, это сугубо личное. Недели, месяцы, годы будет он являться на отметку в полицию, «в надлежащей форме» давать объяснения чинам, выслушивать запрет отказы.

В том первом, разъярившем губернатора обращении к Нариманову редакция «Бурхани таракки» звала его не чувствовать себя заключенным и одиноким. В империи, управляемой после третьеиюньского «переворота» Столыпиным, никто мнить себя свободным, увы, не может. Чувство же одиночества, расслабляющая тоска не для него. Он занят до предела — прием пациентов, рефераты, брошюры о таких астраханских болезнях, как туберкулез, холера, трахома, чума, публицистика, народный университет, где он первый председатель правления. Да и власти постоянно заботятся, чтобы было с кем душу отвести. Пополняют астраханский острог без решеток политическими, всего больше эсдеками-ленинцами.

Как-то, пробираясь между сугробов, заполнивших всю Московскую улицу, Нариманов у крыльца единственной в городе Общественной библиотеки нос к носу сталкивается с Филиппом Махарадзе. Одним из лидеров грузинского революционного подполья.

Земляки-тифлисцы, они давно симпатизируют друг другу. Чему немало способствовали прогулки «в паре» на дворе Метехского замка. Много о чем переговорено. Теперь оба отбывают срок в «южной Сибири». Только Филипп Евсеевич не в самой Астрахани — в неприветливом уездном городке Красный Яр. Потихоньку отлучился, хотел попытаться пристроить куда-нибудь статью о Белинском.

— Благородный повод высказать несколько крамольных мыслей о состоянии литературы в нашей богобоязненной стране… Найдется ли охотник тиснуть в своей газете?

— Возможно, я сумею помочь, — откликается Нариманов. — Если, сударь, окажете должное почтение. Перед вами постоянный сотрудник «Астраханского края», веду мусульманский отдел[39]. Пойдемте, пойдемте!..

После обнадеживающего визита в редакцию друзья «пускаются во все тяжкие». Посещают «Большой парижский кинематограф». Заказывают ужин во «Всесословном клубе». Для знати, для господ офицеров Астраханского казачьего войска, для купцов имеется место более Фешенебельное — ресторан Обухова. До двух часов ночи, коли угодно публике, до рассвета «дамский польский оркестр под управлением мадемуазель Филицы. Постоянно новые звезды…»

Астрахань продолжают прибывать тифлисцы, основательно совершенствовавшие свое образование в Метехи, — Шалва Элиава, Ашот Хумарян. Бывалые, надежные большевики. За ними — Степан Шаумян. Тоже тифлисец по рождению, полностью связавший свою судьбу с Баку. В «Журнале донесений» тайных агентов он и числится «Нефтяным». В том смысле, что человек «наружности располагающей, с бородой и усами, аккуратно ухоженными, однако ж одетый в синюю косоворотку, подпоясанную шнуром с кистями, имеет постоянный интерес к делам нефтяным». Нефтяным — бакинским то ж! Нефть — Баку. Баку — Шаумян. Неотделимо!

Собственно, и в Астрахань Степан Георгиевич попадает из-за своего сугубого интереса к ни на что не похожему бакинскому аду. В постановлении наместника об административной высылке из пределов Кавказа сроком на пять лет место выдворения не указывалось. Милостиво разрешалось назвать, куда он предпочитает отправиться, само собой, выбирать надлежало из городов, высочайше дозволенных для жительства неблагонадежных. Шаумян указывает на Астрахань — отсюда всего удобнее восстановить связи с его «мазутной армией».

Если звонкое слово «радость» возможно применить в описании встречи двух ссыльных, то это чувство сейчас испытывают Нариманов и Шаумян. Весьма схожие характером, и широтой духовных интересов, и врожденной деликатностью.

На правах в некоторой степени старожила, к тому же врача, Нариманов позволяет себе коснуться по их общему понятию наиболее щекотливого:

— Степан Георгиевич, вы, естественно, со всей семьей? Сам-четыре или сам-пять?.. Позвольте на первое время

поспособствовать небольшой суммой…

На лице Шаумяна виноватая улыбка.

— Я родитель богатый — три сына и дочь! Я в семье нахожу большое счастье!

Приезд Степана Георгиевича, некоторые планы, с ним конфиденциально обсужденные, толкают Нариманова на поступок ему несвойственный. Пользуясь своим положением главы правления народного университета, он своей властью, без баллотировки назначает Шаумяна ответственным, или, иначе, ученым секретарем. Последствий этого назначения не замедлят сказаться.

Программы, что посылаются градоначальнику, дабы соблаговолил дать разрешение на чтение лекций, приобретают удивительное свойство: они как бы делятся на две части. Зримую: «История русской литературы. Лирика Пушкина и Лермонтова. Творчество Грибоедова. Произведения Гоголя…» Скрытую: «Характеристика русского общества. Дворянство, помещики, чиновничество, рабочие, крестьяне. Современное положение классов и развитие борьбы. Чего должно ожидать…»

На мусульманском отделении слушателей — а их без малого пятьсот — знакомят с творчеством опального татарского поэта Габдуллы Тукая. По общепринятому правилу лектор Нариман Нариманов начинает с рассказа о жизни поэта. Четырех лет в деревушке Кырлай Габдулла остался сиротой. Выращен на великодушных и добрых руках народа. Совсем юным обратился к своим сверстникам:

По вершинам, по долинам зашумят потоки вод,
Грянут битвы за свободу, сотрясая небосвод.
Пусть народ наш твердо верит всей измученной душой:
Заблестят кинжалы скоро, близок день борьбы святой.

И как наша общая клятва, заключает лектор, звучит ответ Габдуллы Тукая черносотенцам, тем, кто с трибуны Государственной думы подло предложил мусульманам переселиться в Турцию: «Не уйдем! Здесь родились мы, здесь росли, вот здесь мы встретим смертный час, вот с этой русскою землей сама судьба связала нас».

Все делается для просвещения народных масс. Иначе университет не оправдывал бы своего назначения. Ведь в параграфе втором заблаговременно утвержденного устава народного университета сказано ясно: «Имея задачей оказывать возможно большее содействие просвещению народных масс».

В 1912 году для большего «просвещения народных масс» в

стенах университета пишется, на гектографе множится Воззвание — доходчивое разъяснение обстановки в стране и совет, за кого подавать голоса на выборах в IV Государственную думу. На экземпляре, что почта доставит 27 октября в Петербург, в редакцию «Правды», мелкими, хорошо выписанными буквами — характерным почерком Степана Шаумяна — приписка: «Просьба передать Вл. Ил-чу (Ленину).».

В конверте и небольшая корреспонденция:

«Выборы в Думу доказали с несомненностью, что население значительно полевело… Среди рабочих сохраняется влияние социал-демократов… По второй городской общей курии прошел выборщиком… доктор Нариманов, несмотря на то, что кандидатура его была выставлена в самую последнюю минуту…»

С интервалом всего в несколько недель астраханское население получает еще одну возможность наглядно выказать свое отношение к доктору Нариманову, к большевику Нариманову. Тут уж свидетельство вполне официальное — послание городского головы, доставленное лично господином околоточным надзирателем. «Милостивый государь Нариман-бек! Избирательным собранием 5 участка г. Астрахани Вы избраны Гласным Городской Думы на 4-летний срок с сего января 1913 года. О чем с искренним удовольствием Вас уведомляю».

С особым смыслом или, наоборот, случайно Астраханская городская дума помещена под одну крышу с полицейским управлением…

12

То, что в апрельские вечера 1975 года рассказала в Баку племянница Наримана Нариманова — Ильтифат. Порою в комнату вкатывал на трехколесном велосипеде внучонок Ильтифат, тихонько заглядывала внучка. На столе лежали несколько снимков, бережно извлеченных из фамильной шкатулки с инкрустациями.

— Иногда мы с дядей Нариманом фотографировались у хозяйки нашего дома в Астрахани Климашевской. Дядя заменял нам отца и мать. Старался доставить как можно больше радостей. Зимой катал на санках, летом в лодке по Волге. Удил с нами рыбу. Приучал заботиться о птицах.

Потом заболел брат Исмаил, он был учеником гимназии. Дядя Нариман дежурил у его постели, сам ухаживал за ним. Скоротечную чахотку остановить тогда нельзя было. Исмаил в шестнадцатилетнем возрасте умер. Дядя хлопотал о перевозе тела покойного в Тифлис или в Баку, но на это разрешения не получил, и брата похоронили в Астрахани на татарском кладбище. Смерть, похороны, на которые вызвали всех наших родственников, сильно подействовали на дядю. Долгое время друзья не оставляли его одного…

После отбытия ссылки поехали мы опять на пароходе в Баку. Даже на реке было ужасно жарко. В Баку нечем было дышать. Несколько месяцев все жили у тети Сакины на Верхне-Нагорной улице, пока дядя не снял квартиру в доме Бабаева на втором этаже, напротив мужской гимназии. Теперь в этом доме 1-е почтовое отделение. На новую квартиру перебрались всей семьей: дядя Нариман, дядя Ризван, тетя Сакина и все дети. Старшая моя сестра Асья уже была учительницей русско-азербайджанской школы.

Мы с сестрой Ханум ходили в ту школу. Чтобы нам легче было учиться, дядя советовал между собой говорить по-русски, уроки учить вслух, тогда лучше усваивается. Поэтому, когда задали учить гимн, мы принялись распевать его в полный голос. Дядя вошел к нам в комнату, недовольный, велел прекратить пение. «Лучше читайте стихи нашего Сабира или прекрасные басни Крылова. Куда полезнее!»

Я удивилась, как можно пойти с неприготовленными уроками.

— Сказать в школе, что ты не велел учить? Против моего ожидания похвалы я не получила.

— Нет, девочка, тебе говорить ничего не надо… Раз задали —

учи, но постарайся, чтобы я не слышал!

Когда мне исполнилось двенадцать лет, дядя Нариман подарил мне Собрание сочинений Гоголя, как сейчас помню, в голубом переплете. Вскоре спросил, читаю ли я. Призналась, что не очень нравится. Он огорчился. «Я Гоголя старался на наш язык перевести!.. Повзрослеешь — поймешь, какой это писатель!» Вторая подаренная им книга — стихи Лермонтова. До сих пор люблю их, перечитываю…

В Баку дядя почему-то долго не мог работать доктором. Лишь на следующее лето устроился в лечебницу Черного города[40], крупного рабочего района. Он часто велел готовить дома обед для больных, покупал для них фрукты — сам относил в больницу. Рано утром и вечером, почти ночью, принимал больных дома. Иногда с рецептом давал денег на лекарство, говоря, что наш народ на лекарство не потратится, скорее пойдет к молле. Дома он с больными вел беседы, чтобы не ходили к моллам, знахарям, объяснял, что чадра способствует заболеванию глаз трахомой.

Были и такие больные, которые засиживались долго, допоздна. Им в кабинет подавали чай. Позже я узнала, что это ближайшие дядины товарищи по «Гуммет» — Азизбеков, Эфендиев, Сардаров, Кадырли. После их ухода дядя возвращался к себе в кабинет и до глубокой ночи что-то писал.

Когда мы очень просили, дядя Нариман уступал, интересно рассказывал о своей жизни. Как он ходил по домам, агитировал, распространял бесплатные билеты в театр. Принимали обычно не очень хорошо, а иногда ругали и показывали на дверь. Был случай на спектакле у кого-то на квартире, где присутствовали наши родственники, знакомые. В напряженный момент объяснения героя в любви — его играл дядя Нариман — бабушка Халима-ханум подняла скандал. «Не хочу, чтобы мой Нариман женился на артистке! Я нашла ему невесту из порядочной семьи!..» Общими силами еле-еле убедили ее, что это всего только представление, игра… Нариман-бек очень любил театр, всегда с удовольствием выступал.

Я ни у кого не спрашивала, так не принято, бабушка Халима-ханум в самом деле присмотрела невесту или крикнула те слова в большом волнении за сына… Женился дядя Нариман много позже, после ссылки. Думаю, что это по нашей вине — племянниц и племянников. Все ждал, покуда мы подрастаем, станем на ноги. Он родился в 1870-м, женился на Гюльсум Алиевой в девятьсот тринадцатом году. Гюльсум имела домашнее образование, хорошо владела русским языком. Жили они с дядей очень дружно, он был мягким человеком. Когда Гюльсум пришла к нам в дом, он снял с нее чадру.

Помню, как мы отправились в Шемаху на летние каникулы. Дядя Нариман задержался в Баку, мы считал дни до его приезда. Наконец он приехал. Сельчане узнали. Со всех сторон в дом потянулись больные, доставляли парализованных, безнадежных. Гюльсум-ханум взмолилась: «Доктор, ты приехал отдыхать, я скажу, что ты не принимаешь». Он строго возразил: «Я рад, счастлив, что народ обращается ко мне — врачу, а не бредет по привычке к моллам-знахарям. Клятва врача — всегда и везде оказывать помощь. Запомни, пожалуйста!»

Где бы дядя Нариман ни жил, вокруг него всегда было много людей. Я думаю, всех профессий и национальностей. Еще больше народу с ним переписывалось. Письма с яркими красивыми марками доставляли из Персии и Турции, Бухары, из разных индийских городов. Приезжали гости из Тифлиса, Одессы, Шуши, Нахичевани, Елизаветполя, из Астрахани, Казани.

Почти каждую пятницу собирались близкие друзья: поэт Абдулла Шаик, драматург Наджафбек Везиров — один из основателей азербайджанского театра, художник Азимзаде (его очень хвалили за карикатуры в знаменитом журнале «Молла Насреддин»), однокурсники Нариман-бека по Горийской семинарии Ганизаде и Махмудбеков, великолепный Меджнун[41] — певец Гусейн Кули Сарабский, врач Ахундов, режиссер Боурь, впервые поставивший на русской сцене «Надир-шаха». Кто еще? Драматический актер, театральный художник, режиссер — человек разносторонней деятельности Гусейнбала Араблинский (их род из Ленкорани, настоящая фамилия Халафов), сын великого Мирзы Фатали Ахундова — Шарифзаде, его товарищ по сцене Самед Мансур. Читали стихи, маленькие рассказы, разыгрывали сценки из новых пьес. В конце вечера обязательно пел Сарабский. Дядя восхищался его голосом.

Гюльсум-ханум раскидывала свежую белоснежную скатерть, расставляла вазочки с вареньем и янтарным медом, разливала душистый чай в грушевидные стаканчики. Мы с сестрой непрерывно подбрасывали в самовар угли…

13

Дней в запасе у Нариманова оказались немного — от пятницы до среды.

С утра в пятницу, 23 мая, доктор Нариманов начинает первый прием больных в только учрежденной «временной лечебнице» Черного города. «Черным, — объясняет бакинский старожил, талантливый прозаик Александр Ширванзаде, — это предместье называется потому, что здесь все черно, начиная с построек и улиц и кончая, людьми и животными. Достаточно побыть здесь два часа, чтобы копоть, вылетающая из заводских труб, покрыла вас с ног до головы»… В среду, 28-го, с рассветом долгие гудки низких густых тонов — призывные, властные — возвещают:

— Забастовка, забастовка!

Майская девятьсот четырнадцатого года. Общебакинская. Политическая. «Долой самодержавие! Да здравствует социализм, да здравствует демократическая республика!»

От пятницы до среды… Доктору Нариманову за это время надо оглядеться на новом месте, подыскать помощников, подготовить ко всяким неожиданностям лечебницу — три узкие темноватые комнаты с безнадежно отсыревшим потолком и вздыбленными половицами.

Как бы события ни обернулись, народ с промыслов, с перегонных заводов помощь должен, получать бесперебойно. Больные, да и не только больные. Лучшего прикрытия для подпольщиков не придумать. Следователь из жандармов обязан внести в протокол допроса подозреваемого: «Приходил за помощью к врачу. Не было сил дольше терпеть, мучиться… Надеялся, ученый человек какое ни есть лекарство приспособит к моим болячкам…»

К тому же в бакинской действительности прегрешение против правды самое малое. Болезней у добытчиков нефти, у умельцев, извлекающих из нее в ядовитом дыме и зловонном паре перегонных заводов бензин, керосин, смазочные масла, хоть отбавляй. Медико-санитарное бюро городской управы поместит в свои статистические таблицы: «Врач Нариман-бек Нариманов за полгода больных принял 11 765. Хирургическую помощь оказал в 2441 случае. Рецептов выписал 9418».

Бывают случаи, когда накопленных знаний и богатого астраханского опыта доктору недостаточно. Он охотно обращается тогда со своими сомнениями к коллегам, собирает консилиум авторитетов несомненных, с кем не один год сотрудничает в Исполнительном бюро «Гуммет» в бакинской

организации большевиков. Советуется с Мешади Азизбековым, Мир Башир Касумовым, Бала Ами Дадашевым, Александром Стопани. С отбывшими ссылку Филиппом Махарадзе, Степаном Шаумяном. Степан Георгиевич подоспел донельзя вовремя, с первым пароходом по весенней навигации четырнадцатого года.

Результат усилий бакинских большевиков заметен всей России. По закону цепной реакции начальник бакинского губернского жандармского управления ошарашивает наместника Кавказа генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова: на промыслах основы сотрясаются. А наместник в смятении шлет всеподданнейший доклад прямиком в Царское Село:

«В фирмах Нобеля, Ротшильда, Монташева, Лианозова, «Европейской нефтяной корпорации» прекратили работу не менее 50 тысяч… Настоящая промысловая забастовка обязана своим возникновением и течением работе уполномоченных, руководимых Бакинским комитетом РСДРП. Руководящая роль в местной социал-демократической организации перешла к большевикам. Противоборствующие течения меньшевиков и так называемых ликвидаторов утратили свое значение… В числе требований, предъявленных Совету съезда нефтепромышленников: 8-часовой рабочий день, коллективный договор, обязательное празднование 1-го мая, свобода печати, признание промыслово-заводских комиссий и профессиональных союзов, передача в их руки руководства культурно-просветительными учреждениями, а также больницами и амбулаториями, создание школ для рабочих на родных языках, строительство рабочих поселков…

…Татары, отправленные в Балаханы и Черный город под конвоем нижних чинов гренадерского Тифлисского полка, не приступая к работе, разбежались… На участках господ Гукасова и Асадуллаева женщины забросали камнями казаков и конную полицию… Из порта продолжают таинственно исчезать продовольственные грузы…»

Николай отправляет товарища министра внутренних дел — шефа отдельного корпуса жандармов генерала Джунковского в Баку с чрезвычайными полномочиями!

Джунковский захватывает с собой отряд особо вышколенных филеров, двадцать семь пехотных рот, шесть сотен казаков. Катят эшелоны, преодолевают леса, степи, горы. Покуда доберутся до раскаленных берегов Каспия, в Питере другой генерал — столичный полицеймейстер 3 июля в обед расстреливает митинг на дворе Путиловского завода. Падают мертвыми кузнецы, литейщики, токари, клепальщики, подручные. Все в полный голос призывали: «Поможем Баку! Откроем сбор средств для бастующих

нефтяников!» Назавтра по всей Выборгской стороне стачка солидарности. В первый день — 90 тысяч, к концу недели — 200 тысяч участников.

— И мы с вами, братья и сестры наши! — обнадеживают Москва, Харьков, Пермь, Екатеринослав, Рига, Тифлис, Сормово, Ростов, Николаев, Батум.

На последней перед Баку железнодорожной станции Баладжары Джунковскому доставляют «Воззвание» забастовочного комитета:

«Рабочий народ! Татары, персы, армяне, русские, грузины! Сомкните теснее ряды разноязычной армии мазутных работников! Плечо к плечу! На вас с надеждой направлены взоры всей трудовой России. Вам она шлет свои приветствия!»

Достаточно перелистать номера «Правды» за эти июльские дни. «Битва между трудом и капиталом на Апшеронском полуострове стала в центре общественного внимания России…» «Баку представляет величественную картину братски спаянных пролетариев всех национальностей».

Да и раньше — до забастовки — всероссийская газета большевиков удовлетворенно писала:

«За последние годы культурный уровень пролетариата Кавказа значительно повысился, классовая солидарность окрепла, пролетарская идеология проникла в самые отсталые слои рабочего класса. Лучшим примером этого может служить Баку.

…Нефтепромышленники не приняли во внимание, что и среди мусульманских рабочих идея пролетарской солидарности взяла уже верх над идеями национальной и религиозной обособленности. Промышленники и власти пытались при помощи вопросов веры и национальности РАЗДЕЛИТЬ рабочих. Рабочие ответили, что для них выше вопросов национальности и т. п. стоят ИНТЕРЕСЫ ОБЩЕГО ПРОЛЕТАРСКОГО ДЕЛА, в котором нет ни христианина, ни мусульманина, ни эллина, ни иудея, а есть лишь товарищи по общей борьбе».

Привились, значит, окрепли, в рост ударились саженцы, что много лет культивируют, закаляют большевики-бакинцы, «Гуммет». Весомое доказательство политической зрелости их самих, правильности проложенного ими курса.

В разгар сражения не раскрывают стратегических замыслов, тем более не называют имен тех, кто втайне готовит победу, кому в первом по прибытии приказе генерал-каратель гарантирует приговоры «особого присутствия военного суда». Открыть, обнародовать имена — то забота поколений, счастливо пользующихся плодами победы. Тогда нефтяные промыслы на земной тверди и на зыбких просторах Каспийского моря, рабочие

поселки, промышленные комбинаты, школы, институты, театры, колхозы и многие районы в сельской местности и столицах республик получат имена Нариманова, Шаумяна, Джапаридзе, Азизбекова, 26 бакинских комиссаров.

Пока в июле четырнадцатого за счастье тех будущих поколений, за единственно справедливое, во всех отношениях достойное государственное устройство бьется рабочий Баку. Горячий воздух обжигает. Расплавленный асфальт, как пластырь, липнет к ногам. Изнемогает природа. Люди держатся. Под пулями. В тисках голода.

Город, промыслы, весь Апшеронский полуостров объявлен на военном положении. «Дела подстрекателей и нарушителей спокойствия подлежат ускоренному судоговорению при закрытых дверях в Особом присутствии военного суда». Права у генерала Джунковского чрезвычайные, а стратегия обычная — жандармская. Пули и голод. Голод и пули! Он объявляет, что «за время забастовки никто из ее участников не получит ни копейки». Конфискует все деньги, присланные из других городов в пользу женщин и детей. Приказывает закрыть лавки, в которых семьи рабочих обыкновенно находили кредит. Запрещает домовладельцам сдавать углы всем, кто выброшен полицией из промышленных казарм и бараков. Неугодных людей — тысячи и тысячи — хватают, заталкивают в товарные вагоны, вывозят кого к персидской границе, кого «к месту постоянного жительства» — за Ростов, за Воронеж.

Пехотных рот и казачьих, сотен, всего воинского гарнизона не хватает. Не обойтись без подсобной силы. Из казенных арсеналов ящиками выдается оружие наемным бандам профессиональных убийц — кочи. Армейскими карабинами, маузерами, цинками с патронами наделяются армянские националисты — дашнакцаканы, духовные братья российских эсеров. Формирования дашнакцаканов, в обиходе просто дашнаков, преданно несут охрану владений «своих» армянских воротил — Монташева, Гукасова, иже с ними.

При всех ощутимых потерях, арестах, убийствах рабочих вожаков конца забастовки не видно. Карьеру шефа жандармов спасает вовремя ниспосланная всевышним мировая война. Баку сразу оказывается ближним тылом огромного Кавказского фронта, протянувшегося от Южного (Персидского) Азербайджана до побережья Черного моря. Девять с лишним тысяч промысловых рабочих, продолжающих бастовать, объявлены мобилизованными. После рукопашных схваток и многочисленных жертв с обеих сторон угнаны на позиции…

Вестей теперь долго не будет. Лишь на исходе октября

окольным путем доходят в Баку тезисы Ленина «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне». Первоначальный текст, переписанный от руки в Петербургском комитете — большевики наименования своего столичного комитета, но сути партийного центра для всей России, не меняют.

Тут же тонкая ниточка связи обрывается. Шестого ноября вопреки парламентским основам полицией забраны члены Государственной думы — большевики. Уготовлено им вечное поселение в Туруханском крае. Одновременно в Питере на Финляндском вокзале схвачен Алеша Джапаридзе, делегат от Баку и Тифлиса так и не открывшейся конференции партийных работников. В последующие годы…

Собственная оценка Наримана Нариманова: «До империалистической войны я был ярым социал-демократом, занимал левое крыло. Отношение к этой войне со стороны социал-демократов вызвало у меня сомнения и колебания. Я стал перед вопросом, что же дальше, где выход?

Призыв коммунистической партии к беспощадной борьбе со старым миром подсказал этот выход, и… вместе с «Гуммет» перешел в коммунистическую партию».

Не было бы слишком буквально понято слово «перешел». Оно сказано в феврале девятьсот двадцать пятого года на вечере в Мраморном зале Второго Дома Советов в Москве. По случаю тридцатилетия его общественно-политической и литературной деятельности.

Юбилей и дата достаточно круглые. Естественное желание оглянуться, оттенить самое дорогое. Верность знамени, идеям в разгул жесточайшей реакции, в угар шовинизма, темных страстей, омрачавших жизнь пестрого многоязычного прифронтового Кавказа. И чтобы ни у кого не мелькнула мысль даже о малом сходстве с эсдеками-меньшевиками, прибившимися к верноподданным «патриотам», Нариманов произносит категорическое «вместе с «Гуммет» перешел в коммунистическую партию».

Благо в его памяти цепко держится живой рассказ земляка — писателя Давида Сулиашвили, возвратившегося из эмиграции в Россию в одном вагоне, в одном купе с Лениным:

«Поезд прорезал ночную тьму. В нашем купе царили покой и тишина, нарушаемая лишь шелестом перелистываемых газет.

— Ах, каналья! Ах, изменник! — восклицал Ленин, подчеркивая карандашом газетные строчки.

Я улыбался, догадываясь, что эти эпитеты относятся либо к оппортунисту Чхеидзе, либо к его единомышленнику Церетели.

— Изменники, прихвостни! — возмущался Владимир

Ильич. — Нет, «социал-демократ» стало настолько опошленным словом, что нам надо от него отказаться. Стыдно называться социал-демократами. Мы должны называться коммунистами и партия наша — коммунистической.

Это Ленин говорил, уже обращаясь к присутствующим в купе».

И в марте восемнадцатого года, на экстренном VII съезде большевики берут навечно старое название партии, провозглашенное Марксом и Энгельсом в «Манифесте». Название крылатое, зовущее, несравненно более точное. Цель борьбы, заветная вершина — коммунизм!

А сейчас стоит вернуться назад в Баку. Туда осенними днями 1915 года по одному, по два добираются как умеют большевики — делегаты кавказских губерний. Для обсуждения наболевшего: война, будущее государственное и национальное устройство, отношения между Нациями, испокон населяющими край. Заседания проходят на промыслах, в местах слишком рискованных для Филеров — чуть что, их бросят в яму с сырой нефтью. Но имени не спросят…

Но окончании конференции возникает забота — дать решениям наибольшую огласку.

По счастью, несколькими неделями раньше в деревушке Корюнапат в глубоком и прохладном погребе бакинцам удается собрать типографские машины, установить кассы со шрифтами. Для первой пробы сил тиражом в 20 тысяч экземпляров множат антивоенное воззвание Петербургского комитета «Товарищи рабочие и солдаты!». За обнадеживающей пробой следует главный заказ. Резолюции совещания, в сущности краевой партийной конференции.

Если передать их суть вкратце:

…Всенародной задачей в настоящее время является борьба за свержение монархии и замена ее демократической республикой… Нужно призывать рабочих и широкие массы населения Кавказа не поддаваться провокациям националистических партий и помнить, что только в единении демократий всех национальностей залог победы и освобождения. Наоборот, дальнейшее усиление национальной вражды неизбежно превратит Кавказ в арену кровавых столкновений.

…Наиболее распространенным заблуждением сейчас является требование национально-культурной автономии… Такое размежевание по национальностям полностью противоречит экономическому развитию народов. Свои классовые интересы пролетарии всех национальностей должны отстаивать сообща.

Как водится, помимо желанных авторам читателей, находятся

и полностью враждебные. Они гневно требуют немедленного возмездия. Сенатор Белецкий, новый шеф департамента полиции, прочитав доставленные агентурой «Резолюции», тут же делится с помощником наместника Кавказа по особому отделу князем Орловым:

«Представленные на совещании, имевшем место в г. Баку, организации проводят взгляды их лидера Ленина-Ульянова, сводящиеся к пропаганде среди населения идей о необходимости поражения России, прекращения войны, для облегчения тем самым возможности скорейшего устройства революции и установления республиканского образа правления… В отношении сторонников этого течения, известных под именем «пораженцев», осмелюсь рекомендовать самые крайние меры пресечения и добиваться приговоров в ускоренном судопроизводстве» Что ж, сенатор, князь — они из другого враждебного лагеря. Но вот на инсинуации, доносы, разбой идут меньшевики, социал-демократы. Проведав, что бакинцы перевезли подпольную типографию на новое, сравнительно безопасное место, меньшевики решают захватить ее силой, передать как свидетельство своей благонадежности полиции. Потерпев поражение в рукопашной схватке с защитниками типографии, сжигают тысячи экземпляров «Резолюций». В довершение в своей газете «Танамедрови азри» — «Современная мысль» (чего уж стесняться!) измышляют:

«Имеются и единичные противники идеи культурной автономии, в том числе и группа ленинцев, которой принадлежит документ, объявленный, мы надеемся, по недоразумению плодом объединенного мышления кавказских социал-демократов. Вот именно эта незначительнейшая и лишенная влияния группа осудила категорически культурную автономию».

Не выдерживают даже националисты крайнего толка, в младшие компаньоны к которым набиваются меньшевики. Уличают их в речах и прессе:

«Однако мы должны заявить балагурам из «Танамедрови азри», что не так уж незначительны те люди, которым они хотят испортить репутацию. Мы имеем дело с документом, в составлении которого принимали участие русские, татары, армяне и грузины. Этой группе принадлежит гегемония в таком крупном промышленном центре, каковым является район Баку, она располагает большой силой в Тифлисе и других местах».

В феврале следующего девятьсот шестнадцатого года «Резолюции» и кавказские газеты попадают к Ленину. Возникают привычные по многолетним обязанностям редактора «Искры», «Пролетария», теперь «Социал-демократа»[42] хлопоты. Заказать

кавказцам, живущим в Женеве, переводы, подготовить текст, выкроить для него место в ближайшем номере. При том, что отклонений от плана газеты Владимир Ильич ох как не любит!

Двадцать девятого февраля — год високосный — необходимые строки напечатаны:

«Эта перебранка двух национал-«социалистических» лагерей между собой показывает только одно, что та «незначительная» организация интернационалистов-большевиков, которой так недовольны оба лагеря, хорошо и успешно защищает знамя революционного марксизма на Кавказе и в нынешние тяжелые дни».

Покуда почта оборачивается между Баку и Швейцарией, преодолевает препятствия, поставленные войной и цензурой, доктор Нариман Нариманов все больше увлекается «приемом на дому». Город переполнен беженцами, забит воинскими частями, продукты доставляются от случая к случаю, деревня разорена бесконечными реквизициями для фронта, цены все скачут вверх. Четырнадцатого-шестнадцатого февраля 1917 года несколько тысяч женщин принялись громить магазины, склады. К ним присоединились солдаты из «команд выздоравливающих» после ранений. На местный гарнизон надежды у властей не было, пришлось вызывать воинскую силу из соседнего Дагестана. В столкновениях около семидесяти человек было зарублено, убито…

Число пациентов, желающих получить помощь у доктора на дому, растет. Особенно после повальных обысков и арестов, последовавших вслед за посланием сенатора Белецкого помощнику наместника Кавказа. Тем, кто остается на свободе, считаться не приходится, по плечам ли тяжесть. Ну, доктор с виду сложения плотного, должен вытянуть. Он и тянет. Нариман-бек то неотложно требуется подпольщикам с промыслов, то своим «гумметистам», то приезжим из Тифлиса, Елизаветполя, Шуши, Нахичевани, Порт-Петровска.

Дом домом, а еще неограниченный прием в Балаханской «временной лечебнице» (третий год все «временная»!). По какому бы поводу ни возникала забастовка, в требованиях непременный пункт — сохранить этот единственный медицинский островок среди моря нефтяных «качалок»… Нариманов несет и обязанности доверенного врача страхового общества «Россия». Должность выборная, такая, что успевай только мотаться по рабочим казармам и пристройкам для семейных, коробочкам из досок и фанеры, больше похожих на собачьи конуры.

Перечень занятий долгий, но далеко не полный. Помимо того, что так или иначе связано с врачеванием: Нариманов — в

Народном доме — член правления, в просветительном обществе — распорядитель-секретарь, в товариществе кооператоров «Канаэт» — «Экономия» — председатель.

Первое, с чего Нариманов начинает на новом для себя — кооперативном поприще, — собрания в промысловых районах пайщиков-рабочих: разъясняет на азербайджанском, русском, армянском языках причины бедствий, разрухи, разоблачает именитых виновников надвинувшейся катастрофы и полную неспособность правительства что-нибудь улучшить. В дополнение к лекциям раздают печатанный в типографии на азербайджанском листок — издание «Кооперативного союза».

«Ближайшая цель, — заключают эксперты из бакинского охранного отделения, — в том, что революционный элемент стремится создать в кооперативных организациях социал-демократическую подкладку и путем разрешаемых кооперативных собраний воспитывать народную массу и тем облегчить себе совершенно легальное насаждение революционных идей. В означенном направлении местные революционные деятели — «пораженцы» стараются осуществлять свою работу».

В означенном направлении… В пяти номерах газеты «Ачыг сёз» — «Открытое слово» печатается рассказ Нариманова «История одной деревни». То, о чем он повествует, можно наблюдать в любой населенной азербайджанцами деревне, в Бакинской, Елизаветпольской, Тифлисской губерниях. Всюду слышен тот же стон. «Видно, аллах создал нас в один час с горем…» Доведенные до полного разорения податями, вдвое-втрое возросшими за войну, «патриотическими пожертвованиями», «долей моллы», крестьяне в полной кабале у благодетеля бека-помещика. Имя его в рассказе просто Аму-Дядя. Чертами характера, ухватками, сладкоречивым лицемерием он удивительно напоминает достославного Гаджи Зейнал Абдин Тагиева.

Хлеб, семена, взятые «до урожая», деньги, выпрошенные под проценты, крестьянам вернуть нечем. И в свой час капкан срабатывает. Каждому врозь ни за что тиски не разжать. Только если навалиться всем миром таких же вечных должников! «Одну овцу и шальной ветер сбросит с тропы в пропасть, перед отарой и буря бессильна».

И еще одно произведение о жизни крестьян. «Каждое воскресенье глухие, слепые, хромые, калеки, чахоточные, малярики, лица, страдающие желудочными заболеваниями, бездетные женщины и женщины, не имевшие сыновей, вдовы и вдовцы на арбах, фаэтонах, просто пешком направлялись по

проторенной дороге к Пиру. Одни везут барана, другие ягненка, одни тащат курицу, другие петуха, кто захватил с собой золотое кольцо, а кто зеркало в серебряной оправе, один несет свечу, другой подсвечник… Кто деньги везет, кто кошелек…»

«Пир» — «Святое место» — это и название повести Нариманова, по теме отдаленно напоминающей «Лурд» Золя.

К святому месту — полоске земли с одиноким ореховым деревом в постоянном ожидании чуда устремляется вся округа. Когда-то здесь молла Джафаркули будто бы по велению свыше пытался обесчестить молодую родственницу Гюльбадам. Женщина отбивалась, звала на помощь, потеряв сознание, упала. Увидев бегущего на крик чабана, молла не растерялся. Он поставил рядом с распростертой на земле Гюльбадам горящую свечу и начал молиться. На вопросы чабана он ничего не отвечал и заговорил, лишь окончив молитву.

«Поклонись, брат, поклонись! Это Пир. Мы шли по дороге и заметили, что тут горит свеча. Поравнялись и слышим, дерево говорит человеческим языком. Несчастная женщина не выдержала и упала без чувств».

Потрясенный чабан опускается на колени, целует землю. Гюльбадам приходит в себя, молла приказывает ей: «Поклянись Кораном, что будешь хранить тайну до самой смерти! Я сказал чабану, что это место Пир…»

На следующий день Джафаркули оповещает правоверных о ниспослании им святого места. Дальнейшее попечение о Пире он берет на себя, за все — приношения верующих. В разгар эпидемии холеры болезнь не пощадила и моллу. Его маленький сын много слышал от отца о чудесах Пира, и он принес больному землю Пира, смешав ее с водой. Молла отказался пить это лекарство. «Отец посмотрел на сына и отвернулся. Джафаркули было не до шуток. Он умирал… Язык почти не слушался его, а тут еще сын с дурацкой землей. Хотелось сказать мальчику: «Зови скорее врача… врача… От земли какой толк…»

Джафаркули похоронили под ореховым деревом. Его жена и сын заботятся ныне о святом месте. Посильную лепту в утверждении славы Пира вносит и молла соседней деревни.

Среди тех, кто робко уповает на великодушие божества, муж до сих пор остающейся в тени Гюльбадам. Пятидесятилетний «мешади[43] Аллахверан ничего не знал, кроме страха. Он боялся солдата, городового… Он боялся законов, созданных человеком. Он боялся законов, посланных аллахом». Трепещет он и перед могуществом Пира. Задабривает приношениями, на свой счет обносит святое место новой высокой стеной.

Как-то Аллахверан увидел сон: они с женой оставили за

стеной Пира своего немого уродца-сына. Стена рухнула, и мальчик сам прибежал домой — он выздоровел. Откладывать, конечно, нельзя! Тем более не стоит слушать, что говорит женщина о каком-то приехавшем в город враче…

Семья отправилась к Пиру. «Паломников собралось уже много… Хромые, калеки, слепые ползли к ореховому дереву со словами: «О люди, дайте нам приблизиться к Пиру».

Мешади Аллахверан объявил о своем намерении оставить сына в Пире до утра следующего дня. Эта весть еще больше воодушевила присутствующих. «Слава тебе, аллах!» — слышалось со всех сторон.

Внезапно сверкнула молния, загремел гром… Подойдя к жене, мешади Аллахверан взял из ее рук ребенка. Гюльбадам отдала Джаби, не проронив ни слова. И в этот момент Джаби как-то по-особенному взглянул на нее.

Во взгляде ребенка была какая-то тайна, какая-то непонятная магическая сила… Гюльбадам, со вчерашнего дня проявлявшая несвойственную ей покорность, превратилась в разъяренную львицу. Ее глаза блестели, тело била крупная дрожь.

— Я не жду спасения моему ребенку, — громко произнесла она, — от места, которое ненавижу.

Все остолбенели.

— Отрекись от своих слов! — раздались возгласы. — О аллах, пощади нас! Эта женщина сошла с ума!

— Нет, я не сошла с ума. Зато все вы по моей вине стали сумасшедшими…»

Гюльбадам решается, рассказывает людям историю святого места.

Последние минуты. Нету больше Пира моллы Джафаркули. Под раскидистыми ветвями орехового дерева — святое место Женщины. Матери по имени Гюльбадам. В тишине ее крик: «Отдайте моего ребенка!»

От глубины веков азербайджанская литература не знала такой женщины. Никто до Нариманова не пытался создать образ прозревшей, распрямившейся мусульманки, Перечеркнувшей перед толпой паломников-фанатиков свою клятву Кораном. Поступок, за который в умах правоверных ни прощения, ни пощады быть не может. Позже появятся Гюльбахар, Париджахан, Севиль, Алмас, также отвергающие догмы ислама, чадру, бесправие. Но это потом. Годы спустя. А сейчас, в девятьсот шестнадцатом, есть только Гюльбадам неукротимого Нариманова.

Редкая неделя обходится без того, чтобы на Кубинке, 13, в губернском жандармском управлении знатоки в голубых мундирах не укладывали в досье доктора Нариман-бека

Нариманова новые сведения. Характера неблагоприятного. В разных городах Кавказского наместничества в театрах с шумным успехом проходят представления его пьесы «Бахадур и Сона». На протяжении всего спектакля герои рассуждают о пользе мирных отношений между национальностями, о свободном устройстве жизни, о любви мусульманина и армянки, якобы погубленной некими злыми силами. Угадывается даже не очень завуалированный расчет автора: заставить людей восстать против законов, по которым живет общество, засыпать то, что прозрачно названо «пропастью».

Другая пьеса. Название чего стоит — «Казнь»! На титуле обозначено: «Перевод Н. Нариманова с 4-го издания сочинений артиста императорских театров Ге». Ну, ну… Некое лицо произносит: «Все мы присутствуем при отвратительной казни, где убивают, хоронят самое святое — живую человеческую душу…» Единственного сострадательного молодого человека его власть имущие родственники упекают в сумасшедший дом ради того, чтобы завладеть миллионным наследством. Место действия — неуказанный город. Фамилии действующих лиц — русские. Один тип — не то француз, не то испанец. Пустое, не поможет. Публика поймет, что ей на осмеяние выставлены картинки из жизни бакинских промышленников, уездных ханов. Станут называть подлинные имена столпов общества. Всплывут с трудом приглушенные скандалы… Доктор тонко рассчитал.

Нариманов находится в гуще бакинской жизни. Он все замечает, ничего не упустит. Уже вмешался, выступил в пользу сочинителя пьесы «Мертвецы» Мамедкулизаде, издателя тифлисского журнала-пересмешника «Молла Насреддин». Благонамеренная часть мусульман — нефтепромышленники, владельцы пароходов, подрядчики военного ведомства, духовенство — требует лицедейство запретить, автора привлечь за богохульство и поношение господних слуг. Ведь во всеуслышание заявляет Мамедкулизаде, имея в виду главного героя своей пьесы Шейха Насруллу: «В Европе лица, ведущие разгульный образ жизни, получают в обществе клеймо «развратника», а у нас, т. е. среди отсталых фанатичных людей, они именуются «шейхами». Наши шейхи, не довольствуясь, так сказать, домашней женой, заводят еще нескольких в каждой деревне. Они «кандидаты в рай»… Непременным условием паломничества в Хорасан — вступление в «сийге» — временный, на срок брак, скрепленный шариатом».

Что же угодно по поводу пьесы напечатать доктору? Вот дословный перевод его заявления в газете «Ачыг сёз» за номером 173: «Драма «Мертвецы», написанная с исключительно большим

мастерством, содержание которой взято из жизни и идея революционна, сыграет огромную роль в жизни мусульман. Она очистит мозги от ржавчины, воскресит усопшие души».

Вслед за тем Нариманов обращается к бакинскому градоначальнику, к полковнику Мартынову с просьбой разрешить издание под его собственной редакцией журнала «Фикир». В переводе «Мысль». Сразу возникает недоумение: «Какая мысль, чья? Для какой такой надобности?»

Тут без свидетельства о политической благонадежности просителя не обойтись. А в досье Нариманова уличающих документов все прибавляется. Приходится ему отказать. Городу Баку журнал «Мысль» не требуется.

Полковнику дописать бы только короткое слово — пока. На исходе-то январь семнадцатого года…

14

Аудиенция между завтраком и обедом в субботу, 4 марта 1917 года. Наместник Кавказа великий князь Николай Николаевич — тифлисцы между собой называют его «большой дядя» или «сразу два Николая» — принимает почтенных лидеров меньшевиков Ноя Жордания и Николая Рамишвили. Дядя теперь уже бывшего царя сообщает, что он назначен Временным правительством верховным главнокомандующим. Но задержится с отъездом в столицу на несколько дней, покуда не будет улажен вопрос о власти на Кавказе.

После беседы Николай Николаевич по телеграфу извещает губернаторов бакинского, елизаветпольского, кутаисского о благородном намерении всех патриотических сил, включая социал-демократов приличного толка, и впредь наблюдать за порядком среди населения.

В субботу на следующей неделе великий князь в сопровождении генералов Янушкевича и Орлова, правителя канцелярии Истомина усаживается в литерный поезд. До бурлящего Петрограда пять суток езды. В покинутый им тифлисский дворец — правление его длилось всего один год — суматошно въезжает ОЗАКОМ. Это не фамилия. Сокращенное название учреждения. Полностью — Особый закавказский комитет, облеченный Временным правительством «всеми правами наместника». Персонально: три кадета — Б. Харламов, М. Пападжанян, М. Джафаров, грузинский социал-федералист князь К. Абашидзе и младший компаньон меньшевик А. Чхенкели, тут же вызвавшийся ведать «делами внутреннего управления», то бишь полицейскими занятиями.

По столь же высокодемократическому принципу над Баку благополучно продолжает начальствовать полковник Мартынов. Почтенные фирмы — «Совет съезда нефтепромышленников», «Совет торгово-промышленного союза», «Общество заводчиков, фабрикантов и владельцев технических мастерских», «Общество шахтовладельцев», «Союз подрядчиков по бурению» быстро находят общие идеалы с армянскими дашнакцаканами, мусульманскими националистами, городской думой, продовольственным комитетом. Сообща учреждают «Исполнительный комитет общественных организаций». Весьма революционный орган управления, с ходу провозгласивший: «Все истинно патриотические элементы нашего свободного общества с гневом отвергают злостные слухи о введении 8-часового рабочего дня на промыслах, механических и перегонных заводах. Наша

святая обязанность предпринять новые усилия во имя победы…»

Только жизнь сурового многоликого города невозможно затиснуть в привычные властям рамки. Не интересуясь согласием градоначальника, у Соленого озера в Балаханах гремит пятнадцатитысячный митинг. Медь оркестров. И людские сокрушающие потоки заливают кварталы Николаевской и Великокняжеской улиц, так недавно запретных для «лиц в пачкающей и дурно пахнущей одежде», для всей мазутной братии.

В «Исмаилие»[44], лучшем из бакинских особняков, заседает экстренная конференция «Гуммет». «Принимая во внимание психологию мусульманских масс и еще то, что «Гуммет» имеет свою историю, организацию сохранить как неотъемлемую часть Российской социал-демократической рабочей партии большевиков. Написать на своем знамени: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»… Председателем Временного комитета избрать доктора Нариман-бека Нариманова. (Принимается всеми голосами.)».

Противоречия, отчаянные столкновения даже в самом Совете рабочих депутатов. Вечером 6 марта в зале Армянского человеколюбивого общества Совет объявляет себя «действительным и единственным выразителем воли и мнений всего бакинского пролетариата в целом». Небольшой перерыв перед выборами председателя Совета. Нарастает гул, слышатся нетерпеливые крики в разных концах зала. Соперничающих партий, обособленных национальных групп в Совете вполне достаточно. Все так. Но… голосование, в сущности, ни к чему… Кандидатура председателя одна. Не успевшего к этому времени вернуться из второй ссылки Степана Шаумяна. Позже маленький, местного значения Керенский — Сако Саакян с отчаянием скажет на I Всероссийском съезде Советов в Петрограде: «С другой кандидатурой нельзя было идти к рабочим!..»

Но фракция большевиков в Совете самая малочисленная. Одна шестая часть депутатов. Не сразу заметишь их за спинами эсеров — вроде бы главной партии. Свою организацию эсеры восстановили прошлой осенью, когда едва избежавших виселицы бакинских «пораженцев» — большевиков по этапу гнали в Сибирь. Навербовали крестьянских парней, спасающихся на промыслах от призыва в армию. Балаханскую рать без особой провинности на фронт не гонят, работают-де «на оборону отечества».

Реальной власти у председателя Совета в следующие недели — никакой. Попытка взять в свои руки хотя бы одну из городских типографий приводит к тому, что «демократический» пристав привычно составляет на него протокол и без особых церемоний

выставляет за дверь.

Пожаловавший в Баку американский консул на Кавказе Ф. Смит телеграфирует государственному секретарю Лансингу:

«Без нашей активной помощи, совета и участия во внутренних делах страны трудно допустить или надеяться на восстановление порядка… Власть может перейти к большевикам. Это будет величайшим несчастьем… Поручите уполномочить меня… получить десять миллионов долларов для финансовой помощи… Я полагаю, что смогу обеспечить разоружение войск, возвращающихся с турецкого фронта, которые целиком являются большевистскими».

Миллионы долларов, не меньшее количество фунтов стерлингов, в придачу увесистые тюки с бумажными николаевскими рублями — все доставит из Персии в салон-вагоне капитан британской разведывательной службы Эдвард Ноэль. Попозже, под треск ружейных залпов, грохот орудий. Сейчас, в апреле семнадцатого года, мистер Смит, его английский коллега Рональд Мак-Донелл — он почти что бакинский старожил, на Каспии с девятисотых годов, работал на крупного и удачливого дельца Лесли Уркварта, выполнял какие-то поручения барона Оппенгеймера, в благодарность получил пост консула и втайне чин майора… Оба почтенных дипломата — гости съезда мусульман Кавказа. С благосклонной улыбкой на устах внимают темпераментным речам. Об этом съезде рассказал Гамид Султанов — подручный слесаря на Балаханских промыслах, он с 1907 года член РСДРП, один из руководителей «Гуммет»:

«Крупные нефтепромышленники, ханы, беки, торговцы, деревенские богатеи хором требовали образования самостоятельного мусульманского государства, причем программа их захватывала Кавказ, Крым, отчасти Поволжье.

Насиб-бек Усуббеков со слезами на глазах показывал аудитории этнографическую карту с большими зелеными пятнами и разъяснял, что зеленые пятна — это территории, населенные мусульманами. С пеной у рта он говорил, что мусульмане хотят отделиться от России, и приглашал всех сгруппироваться под зеленое знамя (цвет этот стал цветом мусавата[45]). В это время Нариманов вошел на трибуну, обратился к съезду: «Спасение для трудящихся мусульман собраться вокруг Красного большевистского стяга. Кроме пролетарской революции и ее знамени, никакое зеленое пятно никого не спасет!» После этих слов на съезде воцарился невообразимый шум…

Наша небольшая группа большевиков-гуммистов потребовала обсудить положение рабочих. Вскочил Насиб-бек с

той же картой в руках. Во все горло закричал: «Сначала нужно решить вопросы нации, а потом в своем государстве, у себя дома, можно будет заняться и рабочими!» Гумметисты в виде протеста покинули съезд».

В те же весенние дни ради наглядной демонстрации «национального единства» «высокочтимого доктора Нариман-бека» пригласили на заседание комитета помощи мусульманам, пострадавшим от военных действий в Карсской области. Заседание имело «быть в доме Муртуз-бека Мухтарова». Величественном, трехэтажном, весьма смахивающем на неприступный средневековый замок. Сам Муртуз-бек так же необычен в бакинском нефтепромышленном мирке. Худощав, легок в движениях, доступен, обязательно здоровается за руку с любым рабочим. Благо и собственные руки в мозолях, со следами до конца не отмытого машинного масла. Он и при нынешнем миллионном состоянии каждое утро с удовольствием работает в домашней мастерской. Совершенствует изобретенные им скоростные бурильные станки. От них пошло все богатство бывшего бурового мастера.

Гостеприимный хозяин покорнейше просит всех прибывших на заседание комитета подняться на второй этаж. Там парадные комнаты, украшенные дорогими картинами русских и зарубежных мастеров, прекрасными табризскими коврами. Мебель отделана перламутром, обита атласом.

Дамы-патронессы с живейшим интересом рассматривают доктора Нариманова в черепаховые лорнеты. Нефтяные, рыбные, пароходные воротилы, негоцианты, подрядчики свидетельствуют ему свое почтение, сетуют на то, что до сих пор как-то не удавалось лично познакомиться. Отзывчивый, предельно деликатный Нариманов, со своей стороны, делает все для того, чтобы о нем получали наиболее полное представление. Как только разгорается спор о размерах пожертвований, просит выслушать его резон.

— Все равно, какие бы вы суммы ни ассигновали, эти деньги пойдут, главным образом, не тем, которые действительно пострадали от войны и действительно нуждаются в помощи, а достанутся элементам, близким вашему классу… Пока рабочие и крестьяне не возьмут власть в свои руки и сами будут оказывать помощь, надеяться трудящимся не на что. Их страдания не прекратятся, не уменьшатся.

Нариманов отодвигает тяжелое кресло. Отвешивает низкий поклон.

— Позвольте покинуть почтенный комитет!..

Как бы для равновесия после изнурительных столкновений на

мусульманском съезде, на «смотринах» в особняке Мухтарова жизнь посылает ему встречу с иными людьми. В Баку приезжают Миха Цхакая и Филипп Махарадзе. Товарищи по жесточайшей борьбе. В те дни на Кавказе это много больше, чем родственники по крови. Отцы и дети, родные братья, далеко не всегда оказываются по одну сторону баррикад. По наследству передаются имения, сословная спесь, предрассудки, но не революционные идеи…

Старейшина кавказских большевиков Цхакая тоже земляк-тифлисец. А видеться им раньше не приходилось. Правда, Нариманов много наслышан о Михе от того же Махарадзе, от Шаумяна, Джапаридзе.

Из их рассказов особенно запомнилось, что Миху, внешности совсем не богатырской, часто сравнивают с могучим дубом, окруженным буйной порослью зеленых дубков. В конце прошлого столетия, в начале нынешнего подле Цхакая оперились, уверенно расправили крылья Ладо Кецховели, Александр Цулукидзе, Ной Буачидзе, Серго Орджоникидзе, Камо…

Молодежь он притягивает к себе точно магнит, становясь все более опасным в глазах властей. Духовных и светских. Первосвященник Грузии — экзарх лично позаботился, чтобы Миха, исключенный с «волчьим билетом» из духовной семинарии, был выслан по крайней мере на пять лет из пределов Кавказа. Воспитания ради пусть победствует, поголодает на чужбине, авось станет верноподданным. Пенза… Екатеринослав. Новый арест. Одиночки, карцеры в тюрьмах Екатеринослава[46], Харькова, Москвы. Полная изоляция, усиленная охрана. Но на воле он оказывается как раз вовремя. В апреле девятьсот пятого года ему открывать в Лондоне III съезд РСДРП.

По законам строгой конспирации Цхакая представлен делегатам под фамилиями Барсова и Леонова. Совместный с Лениным доклад о крестьянском движении. На следующих заседаниях — специальная «РЕЗОЛЮЦИЯ БАРСОВА И ЛЕНИНА» о положении в Польше и на Кавказе…

Снова Лондон, снова партийный съезд. Трудный, бурный V съезд РСДРП в мае девятьсот седьмого. Каждый день острые схватки между сторонниками Ленина и меньшевиками, «болотом главного водяного Троцкого», бундовцами и прочими представителями национальных групп и фракций. «То сей, то оный набок гнется». Вместе с другими большевиками Цхакая провозглашает: «Мы патриоты партии, мы любим свою партию, и мы не дадим дискредитировать ее усталым интеллигентам».

Идут самые мрачные годы реакции, жесточайших репрессий. После скитаний по многим местам Михаил Григорьевич

нелегально обосновывается в Тифлисе. Заболевает. Врачи не слишком обнадеживают: «Крайнее нервное истощение. Потеря сил. Ничто не исключено… Увы, все мы смертны!..» Узнал Владимир Ильич. Добыл надежный паспорт на имя таммерфорсского художника Гуго Антона Рикканена, денег на дорогу. Настоял, чтобы Цхакая уехал за границу. Побыстрее!

Крохотная комната в Женеве станет пристанищем Цхакая на месяцы, на годы. Верх благополучия — возможность пообедать в «каружке», эмигрантской столовой на улице Каруж…

В Россию, в Петроград, они возвращаются вместе. Ленин и его друг Цхакая. В понедельник, 3 апреля 1917 года. В одиннадцать часов десять минут вечера. Месяц с небольшим назад.

Противоречивые новости из Питера продолжают будоражить. Категорически опровергнутые, тут же с новой силой воскресают. На днях в книжном киоске у Парапета старшая продавщица Раиса удружила постоянному клиенту доктору Нариман-беку несколько выпусков центральной «Рабочей газеты» меньшевиков. Сей официоз без церемоний, напрямик заявляет:

«Знаменитые ленинские «тезисы» перестали быть продуктом личного творчества Ленина, товаром, привезенным из-за границы, диковинкой, которую оглядывают с любопытством, но к которой нельзя относиться серьезно. Сто сорок[47] делегатов большевистской конференции, почти как один человек, приняли резолюции, которые в развернутом виде излагали основные мысли тех же «тезисов»… Как бы там ни было теперь, после конференции, революционно настроенные массы имеют не только вождя, но и организацию… Настоятельной является серьезная борьба с ленинизмом во всех его проявлениях».

Тем с большим пристрастием бакинцы — их человек десять-двенадцать самых доверенных — требуют в поздние майские сумерки от Михи Цхакая «подробного рассказа».

— …Наконец позади остался Стокгольм, — вспоминает Миха. — Утром последнего дня пути все оставили свои тесные купе, где ты сидишь как заключенный в клетке. Заполнили коридор. Начали уславливаться, что станем делать, говорить в случае, если Временное правительство вздумает нас арестовать. Потом принялись атаковать Владимира Ильича вопросами. Наш Давид Сулиашвили спросил: «Если Грузия потребует автономии, как должны будем вести себя мы, грузинские большевики, поддерживать это требование или нет?» — «Конечно; поддерживать, как же иначе? — ответил Ленин, удивленно глядя на Давида. — Если Грузия и отделится вначале, то после нашей победы обязательно присоединится к России!»

— Да, это твердая позиция Владимира Ильича, —

неожиданно вмешивается Махарадзе. — До вас, вероятно, еще не дошло. На Апрельской конференции мы с Феликсом Дзержинским высказались в том духе, что требование права на самоопределение, на самостоятельное государство, в сущности, поддержка буржуазному национализму, сепаратизму. Ленин все это категорически отмел. Для него абсолютная истина — признание за всеми народами, входящими в состав России, права на свободное отделение, на создание своего независимого государства. При том, что уход той или иной нации непозволительно смешивать с целесообразностью отделения именно в данный момент. Это партия рабочего класса «должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы…»[48]. В программе большевиков широкая областная автономия, отмена надзора сверху, отмена обязательного общегосударственного языка, определение границ самоуправляющихся и автономных областей самим местным населением.

«…для усиления интернационализма, — говорил возражавший нам Ленин, — не надо повторять одних и тех же слов, а надо в России налегать на свободу отделения угнетенных наций, а в Польше подчеркивать свободу соединения»[49].

— Не представляю ничего более честного! — восклицает Нариманов, до того весь вечер сосредоточенно молчавший. — Мы обязаны подписаться двумя руками… — И в продолжение собственных мыслей: — Непременный бой сладкоречивым проповедникам культурно-национальной автономии, слегка замаскированному опаснейшему врагу. Мы с вами всякий день получаем убедительные ответы, ради чего воздвигаются глухие национальные перегородки между тружениками, даже живущими в одной местности, работающими на одном промысле, на одном заводе. Старики говорят: «Одинокого теленка и заяц в степи зарежет». А нам иметь дело воистину с хищным зверьем! С мусульманским, с армянским, иже с ним национализмом…

15

Свершения, неудачи, утраты, приобретения — все случится в это долгое лето. Будто тропы в горах, что от развилины круто разбегаются в разные стороны. И к озаренным солнцем вершинам, и к сумрачным ущельям…

…«В медико-санитарное Бюро при городской управе

Ввиду настоятельной просьбы Тифлисского Совета Рабочих и солдатских депутатов о приглашении доктора Н.-бека Нариманова в Тифлис для чтения ряда лекций на мусульманском языке, имеем честь просить разрешить д-ру десятидневный отпуск, начиная с 22 сего мая.

Председатель Исполкома Баксовета (подпись)

Секретарь (подпись)

№ 1033. 17.5. 1917 г.».

Первый митинг в Шах-Абасской мечети. В святом этом месте ни много ни мало — четыре десятилетия назад молла уведомил правоверных, что житель Нагорного квартала Кербалай Наджаф Нариманов свершил непоправимое. Отказался отдать на обучение в моллахану своего сына Наримана. Своими руками приготовил себе место в аду. Шесть страшных наказаний успеют — настигнут его еще на этом свете…

В мечеть послушать Наримана Нариманова вчера сумела пробиться обидно малая часть толпы. Пришлось без лишних сомнений назначить новую встречу с доктором на мусульманском кладбище. Репортер «Кавказского слова» известил, не скрывая своего неудовольствия:

«Узнав, что будет выступать неосмотрительно выписанный из Баку Н. Нариманов, сюда собралось до 5 тысяч мастеровых и крестьян ближайших селений. Обжигающие солнечные лучи не помеха. Доктор угощает своих возбужденных почитателей полуторачасовой речью. Слушают с открытыми ртами, криками выражают свой восторг. Между тем г. Нариманов утверждает, что демократическое правительство России по своей сути антинародное. Не менее враждебны его отзывы о «социал-оборонцах» и «социал-шовинистах». Эти бранные в его устах клички он употребляет по отношению социалистов, склонных защищать отечество.

Время от времени наэлектризованное сборище рьяно скандирует: «Долой правительство! Долой войну!.. Вся власть Советам! В единении народов — будущее Кавказа!!»

Лекции доктора Нариманова продлятся в Тифлисе всю неделю».

…Британский консул в Баку Рональд Мак-Донелл заносит в дневник: «Солдаты Кавказской армии охвачены беспокойством, как бы другие, более расторопные, не разделили до их возвращения всю землю лендлордов».

— Хотите получить землю? — вопрошает на митингах главный бакинский знаток крестьянских нужд эсер Звоницкий. — Тридцать семь десятин с полной гарантией, как только наша партия эсеров придет к власти!» Запись в эсеры сразу после собрания… Помните, тридцать семь десятин каждому!

Улов Звоницкого совсем не плох. В конце мая после слияния Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов у эсеров две трети голосов. Плюс пятьдесят шесть меньшевиков. Еще в придачу дашнакцаканы, обязательные союзники власть имущих. Большевиков всего двадцать пять. Сбывается мечта Сако Саакяна. Председательский колокольчик в его руках.

Такое же примерно соотношение сил и на I Всероссийском съезде Советов в Петрограде. Приходится на одного большевика больше пяти эсеров и меньшевиков-оборонцев. Сидят большевики сзади тесной группой.

Министр почт и телеграфа коалиционного правительства красноречивый, лощеный Ираклий Церетели привычно философствует: коалиция или анархия! В России нет политической партии, которая одна согласилась бы взять в свои руки полноту государственной власти… Нет партии, которая говорила бы: «Уйдите, мы займем ваше место!»

В то же мгновение из притихшего зала уверенный голос:

— Есть такая партия!

Ленин еще раз повторяет, направляясь к трибуне:

— Я отвечаю: «Есть!» Партия большевиков каждую минуту готова взять власть целиком!

Еще вполне возможна мирная борьба партий внутри Советов, мирное развитие революции. Усилий на то большевики не жалеют. В ночь с 9 на 10 июня на экстренном заседании Центрального Комитета Ленин убеждает: коли признаем власть Советов, то нельзя не подчиниться постановлению съезда. Постановлению, навязанному «партиями свободы» — меньшевиками и эсерами: три дня в Петрограде не должно быть никаких массовых выступлений — митингов, шествий. Лидеры большевиков объезжают заводы, фабрики, военные казармы. Разъясняют, почему необходимо отказаться от демонстрации, назначенной было на десятое число. Ни один завод, ни один полк на улицу не выходит.

— Теперь, — втолковывает тот же Ираклий Церетели

президиуму затянувшегося съезда, — следует назначить свою демонстрацию. Предпочтительнее всего на восемнадцатое июня.

В этот воскресный день по приказу коалиционного правительства русские армии должны перейти в наступление, заранее обреченное генералами на провал. Обязанность народного шествия засвидетельствовать одобрение действий правительства, бьющую через край радость по поводу новых бессмысленных жертв. Их окажется не менее 60 тысяч…

Выборгская сторона… Нарвская застава… Невская застава. Колпино… Отовсюду, от всех окраин, пригородов, к Дворцовой площади «мерная поступь рабочих и солдатских батальонов, — описывает «Правда». — Около полумиллиона демонстрантов».

В историю входит почти что классический пример, когда отравленное оружие тут же с силой бумеранга обращается против тех, кто к нему прибег. Пенять не на кого… Сэр Джордж, всесильный посол Великобритании в России Бьюкенен, советует: «Розовых и красноватых болтунов побоку. Генерал Корнилов гораздо более сильный человек, чем Керенский. Все мои симпатии на стороне Корнилова».

…То же в воскресенье. 25 июня.

На балаханских промыслах общебакинская конференция большевиков. Прибывает делегация оборонцев и социал-шовинистов во главе с бывшим депутатом Государственной думы Исидором Рамишвили. Худощавый, с пышной белой бородой, с хорошо поставленным голосом, он еще с девятьсот пятого года претендует на роль библейского пророка.

— Товарищи, братья! Не уходите от нас, давайте оставаться вместе, в одних рядах марксистов. Если вы уйдете, то еще больше полевеете, я боюсь сказать, станете ближе к анархистам. А меньшевики, я бы предпочел название «младшие братья», еще больше поправеют, будут ближе к правым партиям. Если мы сегодня разойдемся, то никогда больше не сойдемся. Призываю вас, товарищи, братья, восстановить единство наших рядов!

В поддержку не раздается ни одного голоса. Слишком уж к нелепому, противоестественному сожительству зовет несостоявшийся пророк. Наутро воззвание: «Ко всем членам партии! Начался новый период. Партия рабочего класса имеет против себя по ту сторону баррикад не только буржуазию, помещиков, националистов, но и их прямых союзников — эсеров и меньшевиков. Ни тени поддержки оборонцам!»

…В возобновленном изданием «Бакинском рабочем» статья от редакции: «Как не нужно бороться с национализмом».

«Совет рабочих и военных депутатов есть учреждение интернациональное. Как таковое, оно должно бороться с

национализмом. Но не с национализмом мусульманским, русским, армянским, грузинским и т. д., а с национализмом вообще, точнее с национализмом во всех его проявлениях. Выделить же какой-либо из этих национализмов (в случаях, что мы имеем в виду — мусульманский) и нападать только на него, как это делают «Известия» Совета, значит самому, возможно и бессознательно, стать на националистическую точку зрения…»

Горячий, неукротимый Алеша Джапаридзе считает, что надо действовать резче, прямее. На ближайшем же заседании Совета, предчувствуя недоброе, Сако Саакян, прежде чем дать слово Алеше, будто невзначай роняет: «Вспомните, мы вместе с вами томились в одной камере!..»

Напоминание не трогает Алешу «Совет безнадежно плетется в хвосте масс. Большинство депутатов — вчерашний, нет, позавчерашний день Баку. Как можно скорее их надо заменить новыми, главным образом, мусульманами, которых следует вводить во все Комиссии…»

…В дощатой пристройке к типографии «Туран» некоего Мансури на Спасской улице с рассвета правят корректуру редакторы газеты «Гуммет»: Нариман Нариманов, Султан Меджид Эфендиев и недавно вернувшийся в родные края студент-медик Харьковского университета Таги Абас оглы Шахбази. Все взволнованы до предела. Шутка — первый номер. Легальный. Четырехполосный!

В первом номере, как принято, программное заявление редакции о ее политических стремлениях. Но, несколько отступив от обычного, назвали имя автора — доктор Нариман-бек.

«Газета «Гуммет», отстаивающая права рабочих и всех трудящихся, считает своим долгом указать правильный путь мусульманам России в этот революционный период. Путь наш хоть и очень тернист, но возвышенные цели придают нам силы на этом пути.

Мы говорим: равноправие, серьезный прогресс и духовное обновление возможно только при республиканском образе правления. Вся власть должна быть в руках трудящихся. Управлять должны свободно избранные Советы…

Братья мусульмане, рабочие, труженики и интеллигенты, из тех, в ком пробудилась совесть! Если вы хотите счастья своему народу, становитесь под знамена социал-демократической организации «Гуммет». Тем самым вы покончите с вопросом о мусульмано-армяно-русских отношениях, который теперь затуманивает разум людей, наносит большой ущерб делу свободы.

«Гуммет», будучи частью Российской социал-

демократической партии, написала на своем знамени известные слова Маркса и Энгельса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Поэтому «Гуммет» всеми силами старается и будет стараться… создать такой общественный строй, при котором не будет богатых и бедняков, господ и рабов, при котором все будут равноправными тружениками-братьями…»

У Нариманова, помимо передовой, в номер идут еще начальные главы фундаментального исследования о французской революции. У Эфендиева — памфлет: «Почему не хотят мира». У Шахбази — критическая публицистика под нейтральным заглавием «Городские дела. О восьмичасовом рабочем дне».

Первые экземпляры не очень хорошо приправлены на машине, колонки слегка скошены, краска марает пальцы, попахивает керосином — все это настроения не портит. Уверенность полная — сегодня прекрасный день. У «Гуммет» своя газета! С тем редакторы прощаются на Николаевской улице у дома Нариманова.

Тот же понедельник 3 июля. Петроград. Пять тысяч солдат 1-го пулеметного полка вышли на улицу. К ним присоединились колонны почти всех заводов и воинских частей. Призывают к немедленному свержению Временного правительства… Петроград бурлит, клокочет. Доходит до точки кипения…

Около полуночи ЦК и Военная организация РСДРП (б) решают, что большевики исполнят свой безусловный долг, примут участие в демонстрации, с тем чтобы придать ей мирный и организованный характер.

Усилия ленинцев предотвратить расстрел демонстрации тщетны. Четвертого июля на углу Невского и Садовой, на Литейном проспекте гремят залпы. Казаки и юнкера бесповоротно кончают с мирным развитием русской революции.

Снова в подполье уходит Ленин. Командующий войсками Петроградского округа генерал «дикой дивизии» и будущий владелец кофейных плантаций в Африке Половцев не постесняется, напишет: «Офицер, отправляющийся в Териоки с надеждой поймать Ленина, меня спрашивает, желаю ли я получить этого господина в цельном виде или в разобранном… Отвечаю с улыбкой, что арестованные очень часто делают попытки к побегу».

…В пятом номере «Гуммет» большими, броскими буквами:

«ПИСЬМО ЦК РСДРП (б)

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Пользуемся оказией, чтобы сообщить вам важнейшие события из Питера вообще, о нашей партии, в частности.

…Открыто выступила организованная контрреволюция.

Против нее не велось борьбы Центральным Исполнительным Комитетом. Все свои удары последний направил на наши организации.

Теперь положение таково: мы временно без газеты. Надеемся все же на днях наладить таковую. Настроение в Питере бодрое. Растерянности нет. Организация не разбита. На частичных перевыборах продолжает одерживать верх. Выиграно несколько мест у Путилова, на Франко-Русск. — все 7 человек (было только 2 большевика) наши и т. д.

Съезд не откладываем. Соберется 25-го».

Сразу отправляются в путь-дорогу Алеша Джапаридзе и организатор балаханских нефтепромышленных рабочих, член «Гуммет» с 1906 года Ага Баба Юсифзаде — бакинские делегаты на VI съезде партии. Сколько суток им понадобится, можно только гадать. Поезда ходят как удастся. Пассажирам тоже не просто пройти через «заградиловки», выяснения личности.

Нетерпеливый, постоянно куда-то спешащий Джапаридзе сейчас сама сдержанность и невозмутимость. Старается ради Юсифзаде, крайне смущенного своим избранием, самой поездкой в еще незнакомую Россию.

При всех задержках, пересадках бакинцы все же успевают к началу, поскольку съезд открывается на сутки позже назначенного. Двадцать шестого числа в доме 37-в по Большому Сампсониевскому проспекту. На Выборгской стороне самой надежной. Делегаты представляют 40 тысяч членов партии, втрое больше, чем во время всероссийской Апрельской конференции. «Много знакомых лиц, — с удовольствием сообщает землякам Джапаридзе, — царское самодержавие не раз собирало нас со всех концов в тюрьмах и ссылках… Приветствия, расспросы, оживленный обмен мнений…»

Вся благонамеренная столичная пресса наперебой кричит о чудовищной дерзости большевиков, взывает к возмездию. Временное правительство не медлит. Особое постановление предоставляет «законную» возможность министру внутренних дел и военному министру отправить съезд в тюрьму. Задержка за небольшим. «Сыщики сбились с ног, — сетует «Вечерняя биржевка», всегда славившаяся своей близостью к полиции и охранке. — Увы! Они не в состоянии найти место, где заседает большевистский съезд». «…Ульянов, именующий себя Лениным, всегда был чрезвычайно умелым конспиратором…» — вторит меньшевистский «День».

Приходится полностью переходить на нелегальное положение. Дважды съезд меняет адрес. Теперь уже в Нарвском районе. Под охраной красногвардейских круглосуточных пикетов

обсуждаются судьбы революции. О явке Ленина на суд… О политическом положении… Новой программе… Союзах молодежи…

Третьего августа заседание посвящено «Гуммет».

Юсифзаде, постепенно обретая спокойствие:

— «Гуммет» первый раз появляется на партийном съезде, и потому я позволю себе в кратких словах познакомить вас, товарищи, с нашей организацией и ее историей.

«Гуммет» ведет работу главным образом среди кавказских мусульман, но старается распространить свое влияние за пределы Кавказа, как это было, например, во время персидской революции. Наша организация помогала и литературой, и агитаторами, и добровольцами…

У нас, помимо общих врагов, имеются и свои — темные силы мусульман. С ними нам приходится вести отчаянную борьбу… во всех районах Баку и в уездах — в Шемахе, в Кубе и в других местах. Вокруг «Гуммет» сплотились группы преданных интеллигентов, выделяются сознательные рабочие-мусульмане, которые уже ведут самостоятельную работу. Но должен признаться, что сил мало, а поле деятельности громадное и ответственное. Недавно был запрос из Закаспийского края на агитаторов, на литературу на нашем языке. Поэтому я обращаюсь к вам, товарищи, и говорю: необходима поддержка!

Виктор Ногин на правах старого бакинца оглашает резолюцию: ЦК оказывать «Гуммет» материальную и всякую другую помощь. От имени съезда послать «свой товарищеский привет и поздравление. Первое участие «Гуммет» в работе Общероссийского съезда партии вселяет уверенность в том, что передовые рабочие-мусульмане составляют одну семью со веем пролетариатом России, что они под одним знаменем будут бороться за переход власти в руки рабочего класса».

…В газетах почти одновременно опубликованы два суждения об участи Петрограда, да и всей революции.

Последний председатель Государственной думы, лидер кадетов, дородный екатеринославский помещик Родзянко в газете «Утро России» размышляет: «Я думаю, бог с ним, с Петроградом! Опасаются, что с приходом немцев в Питере погибнут центральные учреждения (то есть Советы и т. д.). На это я возражаю, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли…»

Доктор Нариманов, по терминологии Родзянко «инородец», выступает на страницах «Гуммет»: «В предыдущем номере мы немного занялись «пророчеством»… писали в передовой статье:

«Итак, выходит, что немного спустя какой-нибудь генерал

двинет свои войска на Петроград, и, свергнув новое правительство, восстановит старый строй». Эта статья вышла из печати 28 августа в 5 часов вечера. Через два часа было получено сообщение о том, что генерал Корнилов во главе нескольких воинских частей двинулся на Петроград… Зачем? Чтобы погасить надежды всей родины, всех ее наций.

Потоками льется человеческая кровь, в городах и селах население гибнет от голода, младенцы кричат, когда матери дают им грудь, ибо у матерей или не хватает молока, или же оно потеряло свой природный вкус. Этих младенцев может постигнуть более страшное будущее. Мы терпим все это лишь для того, чтобы не погас очаг надежды, чтобы не лишиться своей свободы.

…Говорят, что Корнилов арестован. Но можем ли мы, довольствуясь этим, продолжать заниматься болтовней и играть в прятки? Можем ли снова убаюкивать народ лишь тем, что «социалист» Церетели обменялся рукопожатием с заводчиком Бубликовым на глазах всего контрреволюционного сборища?

Кто же теперь предатель?

Большевики, которые все это предвидели заранее и призывали народ, не поддаваясь на провокации, копить силы, или же те субъекты, которые подбодряли и обнадеживали генерала Корнилова на Государственном совещании в Москве?

Довольно слов! Путь, который мы избрали и по которому мы идем, нельзя запятнать ни с точки зрения науки, ни с точки зрения требований жизни. Светлые убеждения будут жить вечно и укореняться в сознании людей. Они послужат делу укрепления единства наций…»

…Уходит долгое кавказское лето. Хотя и в сентябре на Апшероне еще жарко. Для приезжих даже слишком. Министр труда Временного правительства Гвоздев, прибывший с требованием прекратить всеобщую забастовку[50], почувствовал себя настолько разморенным, что не смог покинуть свой салон-вагон. Не подошел климат и председателю краевого Совета — кавказского предпарламента — Евгению Гегечкори. Атмосфера так насыщена грозой, что отнюдь не мягкотелые нефтепромышленники и владельцы наливного флота поспешили принять все условия бастующих — коллективный договор, право приема и увольнения рабочих…

Для первых чисел октября результат, похоже, достаточный. Центральный Комитет большевиков публикует: «Приветствуем революционный пролетариат города Баку, в открытом бою победивший организованный капитал». И в «Рабочем пути», выходящем в Петрограде вместо запрещенной «Правды», призыв:

«Учитесь у бакинцев!»

Для «Гуммет» то и другое переводит Нариманов.

16

В почтово-телеграфной конторе заметно разгневанный человек берет синий бланк депеши. Быстро нанизывает слова: «Тифлис Кавказский рабочий точка Я не давал согласия меньшевикам выставлять мою кандидатуру Учредительное собрание точка Уполномочиваю Комитет действовать по своему усмотрению точка Доктор *Нариман Нариманов».*

Крайняя необходимость немедля вывести на чистую воду респектабельных плутов, поднаторевших в политике. Стратегов из меньшевистского избирательного центра. Девятого октября в Тифлисе проходит конференция меньшевистских организаций края. Функционеры дружно стонут: «Наши предвыборные собрания не посещают, лекции не слушают, масса теряет интерес к нам… Мы все топчемся на одном месте…» Чтобы как-то с того места сдвинуться, ощутимо подогреть интерес к себе, в списки кандидатов, выдвигаемых в Учредительное собрание, экстренно вносятся фамилии нескольких общественных деятелей, несомненно пользующихся доверием кавказцев. Из бакинцев — доктор Нариманов. Пока он там узнает, пришлет протест — время уйдет, а срок регистрации списков 17 октября, остается всего ничего.

Медвежью услугу блудливым «стратегам» оказывает тифлисская газета «Кавказское слово». Изображает слишком шумную радость. «Пренеприятнейший сюрприз большевикам! Высокоуважаемому лидеру татар Кавказа доктору Нариман-беку Нариманову угодно баллотироваться по списку социал-демократов меньшевиков! Благоразумие берет верх! Лица, близко знающие доктора, дают о нем отзывы как о человеке долга…»

Потому и спешит доктор Нариманов на телеграф, отправляет депешу в редакцию «Кавказского рабочего» — большевистской газеты[51]. Комитет, о котором он упоминает, Кавказский крайком РСДРП (б), охотно действует по своему усмотрению. В Учредительное собрание Нариманов избирается по списку большевиков Кавказа. От партии, единственно возможной при его образе мыслей, принципах, человеколюбии — всей его натуре. Вне этой партии он просто не был бы Нариманом Наримановым.

Выборы те — 19 ноября. Стало быть, после Октябрьской революции. Только календарь у Кавказа свой, особый. Как и место в истории. Даже в городах-побратимах Баку и Тифлисе при всей общности конечной судьбы события долгие месяцы, годы будут развиваться по-разному. На долю Баку выпадут испытания не в меру драматические, кровавые — далеко не всем посильные.

Тринадцатого октября уходит в отставку эсеро-меньшевистский Исполком Бакинского Совета. Пятнадцатого Совет совместно с представителями промыслово-заводских комиссий, полковых, корабельных и ротных комитетов выражает полное недоверие «правительству, идущему против народа, правительству, затягивающему войну… Необходимо отобрать власть у врагов народа и передать ее в руки самого народа в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Это решение принято за сутки до призыва ЦК большевиков «к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания», к поддержке создаваемого для этого Военно-революционного центра.

Двадцатого числа конференция промыслово-заводских комиссий Балахан, района, где большей частью рабочие-мусульмане и преобладает влияние «Гуммет», заявляет:

«Мы требуем, чтобы власть перешла в руки Советов, а всех царских ставленников устранить.

Мы требуем контроля над производством и промышленностью и распределением предметов первой необходимости. Промышленников, злоумышленно закрывающих предприятие, немедленно арестовывать.

Мы требуем немедленно сформировать Красную гвардию из рабочих.

Причем за проведение в жизнь всех указанных требований мы будем бороться и отстаивать до последней капли крови».

А в Петрограде уже началось.

Вечер двадцать четвертого октября девятьсот семнадцатого года. Рубиновый отблеск пылающих костров, яркие лучи граненых зеркал прожекторов высветливают наведенные на город стволы полевых пушек, пулеметов с аккуратно заправленными лентами, двуколки со снарядами и походные кухни у колоннады Смольнинского института благородных девиц. Вооруженный народ приготовился.

«Нельзя ждать!! Можно потерять все!! — торопит Ленин членов Центрального Комитета партии… — …Решать дело сегодня, непременно вечером или ночью.

…народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой…»[52]

Всю ночь самокатчики доставляют на третий этаж Смольного, в комнату с эмалированной дощечкой «Классная дама» — резиденция, самая подходящая для Военно-революционного комитета, — сообщения о победном шествии восстания. Занята центральная телефонная станция… Городской почтамт… Электростанция… Балтийский и Николаевский вокзалы… Здание

градоначальника… Поставлен караул у Государственного банка…

Двадцать пятое. Два часа тридцать пять минут пополудни. Огромный беломраморный актовый зал Смольного. Чрезвычайное заседание Петроградского Совета. В предельной тишине, будто люди даже перестали дышать, Владимир Ильич, внешне совершенно спокойный, обычным голосом произносит бессмертные слова:

«Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась»[53].

Вести из восставшего Питера доходят до Баку на исходе следующего дня. Поспешно собирается Временный Исполком Совета совместно с представителями политических партий, профессиональных союзов, воинских частей, моряков. Тут же уполномоченные мусульманского и армянского национальных советов, городской думы.

Двухчасовую речь на тему «большевики — явление временное и крайне грубое» произносит вконец разгневанный Сако Саакян. Ему вторит не менее испытанный ревнитель демократии Айолло, репортер газеты «Баку», состоящей на иждивении Совета съезда нефтепромышленников. В последние недели, став лидером меньшевиков, Айолло щеголяет в визитке с огромным красным бантом… Общими тяжкими хлопотами эсеры, меньшевики, дашнакцаканы, националисты крайнего толка, «беспартийные» поклонники твердой генеральской руки сколачивают «Революционный комитет общественной безопасности».

Наутро быстроногие мальчишки-газетчики разносят по притихшему Баку: «Пагром-резня!!! Спасательный комитет! Пакупай комитет!..» «Спасательный» от резни, затеянной большевиками, обнадеживают доброжелатели…

Сами большевики сурово оценивают сложившееся в городе положение. Бакинский комитет партии обращается «Ко всем рабочим нефтепромыслового района»:

«Товарищи!

27 октября ваши представители в Совете отвергли предложение заявить, что в решающей схватке, происходящей ныне в Петрограде, поддержка Баку на стороне революционных борцов… Заседавшие на расширенном Совете ваши представители поддались еще раз словесным обманам соглашателей, они дали себя заговорить краснобаям-оборонцам, дали себя запутать прочитанными лживыми телеграммами. Почему социалисты-революционеры дней 10 тому назад шли в блоке с большевиками, а теперь вновь оказались с умирающей партией меньшевиков и с партией «Дашнакцутюн», которую они

же, эсеры, называют несоциалистической?

Товарищи! Очнитесь! Подумайте, куда заводят вас ваши вожди-оборонцы!

Пересмотрите решение, принятое вашими представителями и скажите, согласны ли вы быть в лагере контрреволюции, куда вас загнали фактически. Мы переживаем время, когда нельзя колебаться, нельзя топтаться на месте. Петроградские рабочие и солдаты говорят вам: кто не с нами, тот против нас. Или революция, или контрреволюция. Или власть буржуазии, или власть Советов. Выбирайте одно из двух!

…Мы требуем пересмотреть принятое 27 октября позорное постановление! Бакинские рабочие не могут быть изменниками революции!..»

Всей борьбой идей многократно подтверждено: правда, пусть самая горькая, но полная правда — неодолимое оружие. В субботу, 28-го, Воззвание Бакинского комитета читают на всех промыслах, на всех заводах и кораблях. С утра в воскресенье — митинг на площади Свободы. От имени собравшихся матрос Николаев заявляет: «Немедленная передача власти в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Настоящее наше требование немедленно сообщить Петроградскому геройскому Совету!»

И бесконечное — уже при вечерних огнях — шествие. Промысловый люд, матросы, солдаты, заводские и фабричные колонны. Тысячи. Десятки тысяч. Идут, идут, Кто путается на пути, того сметают, отбрасывают.

По хитросплетению событий в это самое воскресенье мятежные казаки генерала Краснова под колокольный звон вступили в Царское Село. Керенский ехал впереди на белом коне. В отличном настроении он продиктовал радиограмму, оповещая мир и главным образом историю:

«Всем, всем!

Большевизм распадается, изолирован и как организованная сила уже не существует!»

Через какие-нибудь шестьдесят часов «министр — председатель Временного правительства и Верховный главнокомандующий всеми вооруженными силами» — слабонервный присяжный поверенный Керенский, напрочь позабыв, что он как-никак… мужчина, сбежит в женском платье. Сам он предпочтет в многотомных мемуарах выражение более дипломатичное: «нелепо переодевшись»…

Тем быстротечным временем:

…«Декларация прав народов России». Что отстаивал Ленин на Апрельской конференции, обретает силу государственного закона.

«1) Равенство и суверенность народов России.

2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».

…К гражданам Баку обращаются вновь избранный председателем Совета член ЦК партии большевиков Шаумян и товарищ председателя эсер-интернационалист Овсянников:

«…Комитет оборонческих и соглашательских партий меньшевиков, эсеров и дашнакцаканов покинул ряды рабочих и солдат и увел с собою около одной четверти состава Совета на заседании 2 ноября (из 450 человек с ними ушло около 120).

Оставшиеся левые социалисты-революционеры и большевики вместе с представителями гарнизона избрали новый Исполнительный комитет, который сконструировался и приступил к деятельности.

Целью Исполнительного комитета является прежде всего поддержка нового Революционного правительства, борьба с разрухой и спекуляцией в городе Баку и водворение достойного порядка в нашем городе.

…Все желающие блага народа и скорейшего водворения мира и порядка в истерзанной и измученной стране должны немедленно и решительно стать на сторону нового правительства, правительства Народных Комиссаров во главе с Лениным.

Да здравствует революционный пролетариат и гарнизон Петрограда!»

…Редактор «Гуммет» делится с читателями:

«В сегодняшний день русская революция открывает новую, величайшую и прекрасную страницу всемирной истории. Мы все можем утверждать, что страница эта раскрылась в нашем присутствии.

Сегодня пролетарии… протягивают друг другу руки, закладывая фундамент прочного мира. Сегодня ясно, что социализм не является несбыточной мечтой. Сегодня разрушается очаг надежды капиталистов и помещиков. Сегодня высоко поднимается большевистское знамя. Началась великая революция!

Нариман-бек Нариманов».

Через годы у Владимира Маяковского появится строка в поэме: «…первым с Востока на октябрьской баррикаде встал

Азербайджан»!

Если строго держаться фактов — насущного хлеба истории, — то «с Востока на октябрьской баррикаде» стоит покуда лишь Баку. Суровый ветеран. Чья сила — нефть и чья слабость — нефть. «Если нефть — королева, то Баку — ее трон». («Нир ист» — английский экономический журнал для избранных.)

Поначалу много надежд на то, что два взаимно дополняющих центра Кавказского края — экономический, промышленный — Баку и политический, административный, военный — Тифлис — в революции будут рядом. У Тифлиса даже при этом преимущество весьма весомое. Главный арсенал русско-турецкого фронта и огромный гарнизон. Тридцать шесть воинских частей, затем семьдесят четыре отдают себя в распоряжение революционного правительства. Силу имеют только приказы Делегатского собрания — по существу военной секции большевиков.

Очень скоро выясняется полная возможность с помощью революционно настроенной[54] русской армии взять власть, решить исход борьбы в пользу Советов во всем большущем крае, избежать многих трагических событий, колоссальных жертв. Печальный парадокс. Большинство в партийном центре Кавказа — крайкоме — всячески стремится избежать вооруженной борьбы, всего, что с ней связано. Преобладают иллюзии о возможности мирного бескровного развития событий, джентльменских соглашений. Оборачивается это братоубийственными войнами, погромами, чудовищным разгулом национализма, кошмарами иностранных интервенций — английской, турецкой, немецкой, снова английской…

Среди «Советов постороннего» у Ленина есть и такой: «Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, *«моральный перевес»*[55]. В Тифлисе в ноябре семнадцатого все обстоит иначе. Одиннадцатого краевой комитет принимает требование меньшевиков «распустить» Делегатское собрание. Четырнадцатого под наблюдением американского консула Смита, английского и французского военных агентов при штабе фронта и «нейтрального» генерала Пржевальского меньшевики, мусаватисты и дашнакцаканы формируют Закавказский комиссариат. Нечто вроде «независимого» правительства во главе с Евгением Гегечкори, вторым после Жордания лидером меньшевиков. Двадцатого националистическая «народная гвардия» с молчаливого согласия крайкома захватывает арсенал.

С двадцать второго в Тифлисе введено военное положение.

Налеты на редакции и типографии большевиков. Аресты, расстрелы «при попытке к бегству». Совсем как во времена наместника. Со многими предосторожностями собирается крайком. Считает для себя совершенно обязательным честно признать: в обстановке более чем сложной, стремительно меняющейся, допускаются ошибки. Тактика не оправдала себя. Часты расхождения во мнениях. Необходим совет Ленина. Крайком решает направить в Петроград Камо. Вслед за ним едет отличный конспиратор, также побывавший во многих переделках, Котэ Цинцадзе.

О беседе с Владимиром Ильичей Цинцадзе вспоминает:

«Когда я коснулся арсенала и указал на овладение им меньшевиками, Ленин остановил меня и переспросил: «Значит, арсенал уступили меньшевикам?» Я хотел указать на причины, объяснить, почему это так вышло, и продолжал. Но он вновь прервал меня и вторично спросил: «Арсенал-то все же сдали меньшевикам?» Ленину из этого факта стала ясна вся глубина ошибки крайкома».

Еще непоправимее оказалась потеря самой Кавказской армии. При том, что солдатский съезд, тринадцать дней бурно работавший в Тифлисе, со стрельбой и «натуральным хватанием за грудки», по сочному определению одного из участников, высказался за «Центральное правительство Ленина», за разгон Закавказского комиссариата. Полумиллионное войско стихийно хлынуло с фронта. Уплотнилось в теплушках и товарных вагонах. «Домой! В Россию!» К несказанной радости самозванного комиссариата, намеренно пустившего в оборот: «Армия пришлый, чужеродный элемент».

На разъезде «трехсотая верста» выходные стрелки предупредительно установлены так, что солдатские эшелоны проходят стороной от Тифлиса. На перегонах, загодя отчеркнутых на карте консула Смита, «безответственные националистические элементы» — так будет сказано в сообщении «правительственной канцелярии» — совершают нападения, чинят разбой и убийство. Надо понимать, миллионы, затребованные Смитом, государственным департаментом переведены своевременно.

Летят под откосы эшелоны. В обгоревших обломках трупы солдат. Три года война их щадила в лабиринте гор, где с малыми перерывами снег над головой, снег и лед под ногами, тысячи остреньких гвоздиков-льдинок вонзаются в лицо, и каждый неверный шаг увлекает в пропасть. Война, но не американский консул Смит, не его британский коллега полковник Пайк…

Так что на октябрьской баррикаде Баку долгое время действует на свой страх и риск далеко-далеко от основных сил

большевиков. Наподобие армии, сражающейся в плотном окружении. За спиной «свой», кавказский союз мусаватистов, ощутимо подбадриваемых турецкими дивизиями, дашнакцаканов, грузинских меньшевиков, правых эсеров, просто монархистов. Впереди на севере захлестнутые контрреволюцией горы Дагестана, Чечни, Ингушетии, долины Терека, просторы Кубани и Дона.

Крайности питают друг друга. Безудержные националисты энергично содействуют шовинистам-русофилам. На совместной конференции ревнителей самодержавной неделимой империи и «независимых» национальных сатрапий в Екатеринодаре[56] грузинский генерал Мазанашвили рапортует:

«Офицеры все время двигаются из Тифлиса к вам, и по дороге я им всячески помогаю. Это может засвидетельствовать и генерал Ляхов… Согласно вашей просьбе я созвал офицеров, находящихся в Сочи, Гаграх, Сухуме, и пригласил их идти в ряды ваших войск».

Угодно продолжить Евгению Гегечкори, приказавшему воздвигнуть на одной из площадей Тифлиса, между мусульманскими и армянскими кварталами, виселицу — символ власти Закавказского комиссариата:

«По вопросу об отношении к большевикам могу заявить, что борьба с большевиками в наших пределах беспощадна. Мы всеми имеющимися у нас средствами подавляем большевизм, и я думаю, что в этом отношении мы дали ряд доказательств, которые говорят за себя…»

В самом Баку большевикам противостоят новые и новые вариации «спасательного комитета», враждебно настроенная городская дума, мусульманский и армянский национальные советы с собственными воинскими силами. И полфунта хлеба в удачные дни промысловым и заводским рабочим. Привоза никакого…

В новогоднем номере «Гуммет» Нариманов обращается к читателям:

«Мусульмане, любящие свою веру, отечество, землю своих предков! Мусульмане, сознающие свои права и желающие защищать их! Отцы и матери, заботящиеся о будущем своих детей, желающие им счастья! Перед лицом той большой опасности, которая сегодня угрожает революции и Кавказу, мы говорим: ваша единственная надежда в оказании всемерной помощи новому правительству. Во всех отношениях путь вашего спасения — в программе Ленина. Будучи направлена против тысячи помещиков и капиталистов на Кавказе, эта программа избавляет от гнета 4-5-миллионный мусульманский народ».

И сейчас он не может молчать. Он публикует «Открытое

письмо социалистам Закавказского комиссариата»:

Нариманову присуща предельная откровенность.

«…Партийная газета «Гуммет», редактируемая мною, Неоднократно в передовицах клеймила вашу преступную деятельность, в особенности в последнее время в связи с кровавыми событиями в районе Елизаветполя. Да не только в газете, но и на лекциях своих я резко, вполне убежденно осуждаю вашу политику… Я не сегодняшний и не вчерашний большевик, сторонник объединения трудящихся масс всех народностей на Кавказе и всюду требующий народовластия.

…Мне, 25 лет работавшему на общественно-литературно-политической ниве, лелеющему одну заветную мечту — уничтожение всех препятствий к объединению наций и человечества, — казалось, что это светлое будущее уже пришло, уже настало время, когда я могу гордо поднять голову среди тех своих единоверцев, которые называли меня пустым мечтателем, и сказать: нет, это была не праздная мечта, а действительность; это та действительность, о которой я писал, к которой я готовил мысль моих читателей.

Но могу ли я это сделать теперь, когда Закавказский комиссариат вашими руками своей безумной политикой довел до кровавых столкновений русских солдат с мусульманами, мусульман с армянами, а завтра, быть может, и с грузинами?..

Я хорошо помню, в бытность мою в Тифлисе, вы при мне до Октябрьского переворота резко осуждали шовинистическую политику ОЗАКОМа. Но когда вы объявили себя вершителями судеб Кавказа, то сами в худшей форме, чем кадеты, сделались виновниками резни народов, постарались создать национальные войны. Вы предали весь Кавказ огню, вы создали ад, огненные языки которого пылают там и сям.

…Вы злы, вы полны мести; вы ненавидите тактику большевиков, и это заставляет вас делать наперекор, не разбираясь в том, какие плоды вам даст ваше поведение. Вы уже сошли с пути социализма, вы совершенно забыли классовую борьбу… Вы взамен разогнанного большевиками Учредительного собрания созвали сейм, хотя прекрасно знали, с кем вы будете сидеть в Белом зале и решать судьбу кавказских рабочих и крестьян… Если в вас сохранилось нечто от социалистов, то в душе уже чувствуете угрызение совести, сидя вместе с беками и ханами, с шовинистами-националистами. Вы уже убили себя объявлением пресловутого сейма в таком составе.

Правы были большевики, когда говорили, что состав Учредительного собрания не может считаться выразителем дум и стремлений демократии. Правы и мы, сказав: сидящие ныне в

сейме мусульмане не есть представители мусульманской демократии.

За последнее время ваши товарищи — ханы, беки, националисты, с кем вы вместе рассуждаете о «благе Кавказа», десятками тысяч теряют голоса мусульман не только в городах, но и в деревнях, где наш голос всеми средствами заглушался.

В разгаре великой русской революции искусственное поддержание вами националистической политики в Закавказье способствует резкой дифференциации массы. Этому можно радоваться, но, с другой стороны, нельзя радоваться тем зловещим окопам, которые роются сейчас в Елизаветполе и в других городах. И когда эти окопы зальются кровью, я вам поставлю вопрос: до каких пор вы, «социалисты», душа «Кавказского правительства», будете купаться в крови несознательных мусульман и армян?

Это скажет вам человек, который положил лучшие годы своей жизни на борьбу за объединение кавказских народов. Это скажет вам человек, который дни и ночи только и думал о том, как засыпать все эти окопы омерзительной и кровавой армяно-мусульманской резни и сделать раз навсегда невозможным повторение подобных зверств».

Девятнадцатого марта письмо напечатано в «Известиях» Бакинского Совета. Двадцать седьмого — в газете «Гуммет». Тридцатого вдоль всей Николаевской улицы поспешно отрывают окопы. Из тупичков Ичери Шехер — старого города-крепости — и от морских причалов доносятся выстрелы. Возбужденные толпы стекаются к мечетям.

Нариман Нариманов делает последнюю попытку предотвратить кровавые события и приглашает собраться у него на квартире в два часа пополудни руководителей большевиков — чрезвычайного комиссара Кавказа Степана Шаумяна, председателя Бакинского Совета Алешу Джапаридзе и того, кто плетет сети заговора, лидера и главного демагога «Мусавата» Мамеда Эмина Расулзаде. Когда-то в прошлом он был социал-демократом. Отклонить призыв, не явиться на переговоры Расулзаде не рискует. Было бы слишком очевидное подтверждение того, что ставка националистов — мятеж. Братоубийственная война ради захвата власти.

Консул Мак-Донелл заносит в дневник: «Мы нетерпеливо ждем взрыва перегретого Бакинского котла. Вот-вот…»

17

В воскресенье 30-го, потом еще в понедельник, во вторник 20 тысяч бакинцев насмерть схватываются на перекопанных вдоль и поперек горбатых улицах, в узких лазах между постройками, на дворах, заваленных кроватями, сундуками, буфетами, всяким домашним скарбом. Трупы на мостовых, на лестничных клетках, в подвалах, густо заселенных беднотой. Повсюду трупы — более трех тысяч убитых, истерзанных, заколотых.

От Комитета революционной обороны, экстренно созданного Бакинским Советом для защиты от взаимного истребления ни в чем не повинных людей:

«…Националисты из партии «Мусават» и идущие за ними контрреволюционные элементы открыли уже военные действия. Советская власть в Баку в опасности. Мы призываем всех товарищей и всех граждан быть готовыми до последней капли крови биться под знаменем Совета!

Мы призываем мусульман и армян, рабочих и демократические элементы всех национальностей не поддаваться провокациям и в настоящий решительный момент открыто, бесстрашно, с оружием в руках встать под красное знамя!

Мы дадим достойный отпор. Мы будем вместе с тем разоблачать этих врагов революции в том, что они являются прежде всего врагами мусульманских трудящихся масс.

Долой националистов и контрреволюционеров!

Да здравствует революционная Советская власть!»

Очевидцы рисуют картину трагических бакинских событий марта восемнадцатого.

Племянница Нариманова Ильтифат:

«Зазвонил телефон. Подошла Гюльсум-ханум и тут же позвала дядю, сказав: «Доктор, тебя Шаумян зовет».

Повесив трубку, дядя Нариман обратился к жене, попросил ее разрезать большую простыню надвое. Сообща соорудили белый флаг добрых намерений. Захватив его, доктор ушел.

Без него явились неизвестные люди с обыском. Другой наш дядя — Ризван не разрешил обыскивать квартиру, тогда его увели. Гюльсум-ханум позвонила в Совет, чтобы узнать, где доктор Нариман, и объяснила, что нам грозит опасность, дом сильно обстреливают. Через небольшое время постучался старший сын Шаумяна — Сурен. С ним красногвардейцы. Они смогли переправить нас на квартиру Шаумяна на старой Биржевой улице, сейчас она имени композитора Гаджибекова. В том районе было много спокойнее. Там мы жили несколько дней

— все вместе — семья Шаумяна, Азизбекова, Нариманова. Еще другие люди, искавшие спасения…»

Слово Надежде Колесниковой, на Апшероне ее привыкли называть «учительница Ольга». В Баку она с 1906 года, со времени дерзкого побега из зала суда в Москве. Преподаватель литературы, секретарь «Комитета помощи беженцам и жертвам войны без различия национальностей». По совпадению, далеко не случайному, работник еще одного не менее патриотического комитета. Нелегального Бакинского комитета большевиков. Партийный организатор, пропагандист, соредактор «Бакинского рабочего».

«Мне поручили держать связь с районными штабами и с начальниками отдельных отрядов красногвардейцев. Это были давно знакомые мне рабочие: Г. Мазуров из Черного города, И. Боков и И. Вацек с Биби-Эйбата, И. Ульянов, М. Мамедъяров, Б. Сардаров из Балахан, а также гумметисты М. Исрафилбеков, Г. Султанов и другие. Они сообщали о положении дел на отдельных участках, если нужно было, требовали подкрепления людьми, оружием или патронами.

У нас неплохо была поставлена разведка в тылу у противника: целью разведки было узнать настроение той бедноты, которую мусаватисты обманом завлекли в свои сети, и разъяснить ей сущность событий. Весьма важную роль в этой трудной работе сыграли рабочие — члены «Гуммет». Вот когда особенно ярко проявилось значение этой большевистской организации!

Сведения были очень характерны: в массе городского населения, взявшегося за оружие по подстрекательству мусаватистов, не было единодушия и спайки. Торговцы в хозяева ремесленных мастерских настроены шовинистически; они верили, что отделение от России и соединение с единоверцами-турками принесет им выгоду. Обманутая беднота плохо понимала, за что она должна бороться и умирать. Ею руководил вековой страх перед богачами и моллами.

Что касается Армянского национального комитета, то он постоянно играл двурушническую роль: сначала своими вооруженными силами он намеревался действовать совместно с мусаватистами[57], преследуя свои цели. Столкнувшись с сопротивлением армян-рабочих, которые стояли за Советскую власть, дашнаки уже после начала мятежа заявили о своем «нейтралитете». Увидев же, что победа склоняется на нашу сторону, они лицемерно выразили готовность поддержать Бакинский Совет.

Комитет революционной обороны имел в своем

распоряжении красногвардейцев, немного пехоты, артиллерию, три или четыре гидросамолета. Первые залпы артиллерии вызвали растерянность у главарей мятежа. Они заявили о своем желании вступить в переговоры. С нашей стороны немедленно была направлена мирная делегация. В нее входили: гумметист Рза Нагиев, рабочий Денежкин и доктор Атабекян. Когда парламентеры, неся в руках белый флаг, приблизились к позициям мусаватистов, по ним открыли огонь, все трое были убиты.

Конечно, ни о каких переговорах дальше не могло быть и речи. Комитет обороны, в его составе Шаумян, Джапаридзе, Нариманов и несколько военных товарищей, предъявил мятежникам ультиматум: безоговорочно признать власть Бакинского Совета, вывести «Дикую дивизию» из города, национальным отрядам сдать оружие. Ультиматум был принят…»

Сообщение газеты «Бакинский рабочий»:

«В Раманах и Балаханах, где большинство рабочих — мусульмане и где существуют сильные и влиятельные интернационалистические организации, удалось совершенно предотвратить кровопролитие. В Раманах рабочие-мусульмане и поденщики из окрестных селений оставались на своих местах; а в Балаханском промысловом районе сельчане имеют своих представителей даже в штабе Красной гвардии».

Чрезвычайный комиссар Кавказа Степан Шаумян, выступая на встрече с правлением «Гуммет» и руководством азербайджанцев — левых эсеров (в Баку они называют себя партией «Экенчи» — «Пахарь»): «….положение отягчает наступление на Баку войск богатейшего помещика Дагестана имама[58] Неджмеддина Гоцинского. В полдень 7 апреля его конные и пешие отряды, полк «Дикой дивизии» сосредоточились верстах в пятнадцати от Баку, около станции Хурдалан. Вместе с этим мы стараемся всеми силами, чтобы Советская власть показала свою справедливость. В ближайшее время мусульмане это увидят и почувствуют.

Для более тесной связи мусульманских трудовых масс с советскими органами, для реального улучшения условий жизни мусульманской бедноты учреждено Бюро мусульманских социалистических партий под председательством доктора Нариманова. Комиссаром по охране мусульманской части города назначен Мешади Азизбеков.

Будьте уверены, что на права признавших Советскую власть мусульман никто не посмеет посягнуть. Для защиты мусульман Советская власть имеет силы».

И в заключение запись «для себя» Гамида Султанова: «Наша ошибка заключается лишь в том, что не рассчитались

окончательно, не обезоружили ни мусульманскую, ни армянскую воинствующую буржуазию. В этом нас можно винить. Но беда заключается в том, что нас было очень мало. Нам удалось взять власть в свои руки не благодаря превосходству в силах, а нашей смелостью и упорством».

18

Кажется, что ради Первого мая хлопотливые солнечные лучи раньше обычного тронули ледяные вершины Базардюзю и Шахдага на Большом Кавказе, сделали их розовыми, живыми; скользнули ниже к альпийским лугам, проникли в тесные реликтовые заросли каспийского лотоса, железного дерева, каштанолистного дуба; заиграли на студеных водах голубых и бирюзовых озер, некогда в короткие минуты сотворенных землетрясениями. И, уже приблизившись к пестро расцвеченным долинам, к садам в белой, розовой, желтой, лиловой кипени лепестков, заботливо озарили многие сотни рисунков — изображения людей, животных, различных сцен охоты, — высеченных на скалах Гобустана пятнадцать тысяч лет назад.

Вместе с работягой солнцем в распахнутые окна неповторимого города у морского простора врывается медь оркестров. Музыка и песня. Праздник.

Гюльсум-ханум снимает ей одной заметные пушинки со светлого в полоску парадного костюма Нариманова. Внезапно узкими ладошками чуть отталкивает его, должно быть, чтобы лучше видеть глаза:

— Доктор, тебе хорошо, да?

В ответ добрая улыбка.

Прошлой ночью его о том же спросил, едва ли сомневаясь в ответе, Шаумян. Вдвоем они ждали, покуда из типографии доставят оттиски их первого правительственного заявления — Декларации Совета Народных Комиссаров Бакинской Коммуны. Хотелось позволить себе размягчить душу, представить, что все трудное, плохое позади.

И впрямь…

…Воинство имама Гоцинского от стен Баку отброшено далеко в теснины Дагестана. Освобождены Куба, Дербент, Порт-Петровск. Открывается доступ к хлебородным районам Северного Кавказа. Самая реальная возможность облегчить участь терпеливо голодающих бакинцев.

…На южном направлении у города Ленкорани разбита конница полковника графа Остен-Сакена. Сдались головорезы ханши Талышинской.

…Остановлены наступавшие вдоль Закавказской железной дороги, объединенные отряды мусаватистов и грузинских меньшевиков под командованием отряженного из Тифлиса с самыми высокими полномочиями генерал-майора князя Магалова. Взята станция Аджикабул в четырех часах езды от Баку.

Уезды Шемахинский и Геокчайский вновь обретают свободу.

…Взыскана контрибуция с нефтепромышленных и торговых фирм, с пароходных компаний и владельцев рыбных промыслов — 50 миллионов рублей на нужды обороны и для неотложной помощи бедноте, пострадавшей во время уличных боев. Национализирован Русский для внешней торговли банк. За ним девять других помельче.

…Распущены национальные советы, городская дума, закрыто управление градоначальства, приостановлено издание пяти наиболее злостных газет. Отвергнуто домогательство дашнакцаканов и правых эсеров разделить с ними власть. Двадцать пятого апреля вечером радиограмма:

«ВСЕМ СОВЕТАМ КАВКАЗА И РОССИИ!

Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов Бакинского района, выразивший полное доверие Комитету Революционной обороны, находит необходимым, ввиду затяжного характера войны, заменить этот боевой временный политический орган более постоянным и представительным… Правительственная власть со времени сего уведомления принадлежит Коллегии Комиссаров в составе нижепоименованных лиц…»

Заботами секретаря Коллегии, члена Кавказского краевого комитета большевиков Николая Кузнецова список «нижепоименованных лиц» отпечатан на трех равногосударственных языках Бакинской Коммуны. Листки всех цветов — уж какая нашлась бумага — озаглавлены

«НАШИ НАРОДНЫЕ КОМИССАРЫ:

Товарищи Степан Шаумян, Нариман Нариманов, Алеша Джапаридзе, Надежда Колесникова, Иван Фиолетов, Григорий Корганов, Арташес Каринян…»[59]

Доходчиво обозначено, кто есть кто в архиделикатных сплетениях бакинской действительности. Фиолетов, Корганов, Каринян менее известны, о них стоит рассказать пообстоятельнее.

«Иван Фиолетов, из первых организаторов союза нефтепромышленных рабочих, в последнее время его председатель. На промыслы в Балаханах привезен отцом-сезонником из деревни Тугулуково Борисоглебского уезда Тамбовской губернии…»

Прошел, следовательно, все круги балаханского ада. С девятьсот четвертого года, со знаменитой политической забастовки, в «черных списках». Четыре или пять раз его арестовывали — в Баку, Грозном, на острове Челекен, снова в Баку. Ссылали на Дальний Север и в забытые богом и людьми стойбища якутов. Результат одинаковый. Чуть-чуть осмотрится,

поднакопит продуктов, если посчастливится, раздобудет подходящий «вид на жительство», ну и в обратный путь, всего желательнее на Апшерон.

Как-то Фиолетов дольше обычного отсутствовал в Баку, потом виновато оправдывался: «Надумал сдать экстерном за гимназию. Готовился». «Главные предметы сдал на «4» и «5». А на экзамене по закону божьему непоправимо провалился. Первый над собой посмеивался: «Господь бог наказал за грехи тяжкие…»

Весною шестнадцатого года, когда самые влиятельные бакинские большевики оказались в тюрьме на Баиловском мысу, Иван Фиолетов впервые жаловался на судьбу: «Все за решеткой, я один на воле. Совсем не по-товарищески». Единственно, на что согласился, — не ночевать в Белом городе. На промыслах, на виду у рабочих, в ту пору беспокоиться почти не приходилось. Филеры знали: за своего Ивана Тимофеевича промысловый люд спуску не даст. Чуть что, швырнут в яму с сырой нефтью…

Со временем о Фиолетове — душе-человеке — скажет Серго Орджоникидзе: «Рабочий вождь, гордость бакинского пролетариата!»

Возвращаясь к Коллегии Комиссаров…

«Григорий Корганов, председатель Военно-революционного комитета Кавказско-турецкого фронта, руководитель боевых операций марта — апреля».

Гимназия в грузинском городе Кутаисе, та самая, где учился Владимир Маяковский. Первые неприятности с жандармским управлением. Доверительная рекомендация отцу — военному чиновнику: «Позаботьтесь, чтобы юноша выбыл в неизвестном направлении».

Тифлис… Баку. Здесь все сложится наилучшим образом. Хотя, на взгляд Григория, в кругу революционеров силы его оценивают недостаточно справедливо. Новички всегда нетерпеливы. Они рвутся на штурм вершин, а наставники придирчиво долго тренируют в долинах и в легкодоступных горах… Поддержка от Алеши Джапаридзе. По его совету в девятьсот шестом году ученик второй мужской гимназии Корганов принят в РСДРП (большевиков). Судьба надежно определена. Что будет подтверждено, когда жизнь их вторично сведет.

Летом шестнадцатого года в бойком торговом городе Трапезунде — ближние тылы Кавказской армии. По всяким надобностям с позиций наезжают офицеры, из соседнего Батума — провиантские чиновники, негоцианты, дамы. На извилистых, узких улицах, на набережной толчея. Высмотреть нужного человека, тем более если абсолютно не подозреваешь, как он

выглядит, — задача чрезмерная даже для артиллерийского наблюдателя поручика Григория Корганова. А вчера нарочный все твердил: «Я ему вопрос: «Какие приметы прикажете назвать?» Человек отвечает: «Он сам обязан меня узнать!»

В конце набережной, где самозабвенно шумит базар и влажный зной густо пропитан стойкими ароматами горячего кебаба, шипящих на жаровнях овечьих курдюков, томящегося в медных котлах плова, Корганов чувствует необходимость перед дальнейшими поисками собраться с мыслями за чашечкой кофе. Вслед за офицером к кофейне направляется деятель Красного Креста господин… Не ошибиться бы!.. Алеше Джапаридзе так часто приходится менять фамилии… Да, сейчас после удачного побега из енисейской ссылки он — Баратов. За ним репутация человека общительного, приятного, видимо не стесненного в средствах.

Входит, осматривается. Свободного столика не видно. Приходится у кого-нибудь попросить разрешения присесть.

— Дозвольте, господин офицер!..

Бурный восторг, расспросы, планы — все потом в задней каморке портняжной мастерской, где с одинаковой охотой весело и живо изготовят что потребуется — военную форму, цивильное платье, турецкие шальвары. Господина Баратова предприятие.

Теперь им вместе предстоит заботиться, чтобы нелегальные большевистские организации на самом отдаленном и оторванном от промышленных центров России Кавказском фронте отвоевали, по определению Ленина, вооруженные массы рабочих и крестьян…[60] Подготовили их к грядущей революции.

После Октября солдатский съезд изберет Корганова председателем Военно-революционного комитета фронта. Он побывает в Петрограде на III Всероссийском съезде Советов. Отправится к Владимиру Ильичу. Тот с полным сочувствием отнесется к стремлению Григория вновь заняться историей, филологией; осведомится, какие труды уже написаны, что задумано. И поторопит с возвращением в Баку. Кавказу необходимо архисрочно формировать свою Красную Армию. Времени отпущено всего ничего…

Еще на разноцветных тех листках Николая Кузнецова:

«Арташес Каринян, сотрудник «Правды», член редколлегии «Известий Бакинского Совета».

Тогда насквозь промокшей осенью девятьсот седьмого года до журналистики далеко. Пожимая согнутую в локте руку Ленина, рекомендуется, как все другие с ним пришедшие на конспиративную дачу ЦК большевиков в Териоках: «Студент Петербургского университета…»

Вторжение шумной компании молодых кавказцев, похоже, нисколько не удивляет Владимира Ильича. Он усаживает их на диван, на плетеные стулья, пододвигает поближе доставшуюся ему табуретку:

— Нуте-ка, признавайтесь, кто такие, с чем пожаловали к старику?

Сразу в несколько голосов объясняют:

— Мы — делегация… Отправлены в Териоки кавказскими студентами-марксистами. У нас — вопросы, уйма вопросов…

Трех часов как не бывало. Может, и в самом деле это совсем немного — три часа — для такого разговора. А до следующего — война, революция, подполье в Питере, Баку… Теперь он комиссар Коммуны, отвечающий за соблюдение законности.

И в солнечное утро праздничного дня — Первого мая девятьсот восемнадцатого правительственное заявление Коммуны. Большевики говорят о ближайших задачах, отвечают на вопрос масс, что заменит порушенные ими устои. Ответ неправильный потом не зачеркнешь, не надпишешь сверху чернилами красными: «Исправленному верить!» Ошибка самая малая немедля обернется политическими осложнениями, новыми жертвами. Снова даст себя слышать националистическая струнка.

«Бакинский Совет после победы, одержанной в недавние мартовские дни… является единственным правительственным органом, на котором лежит обязанность заботиться о городе и всей губернии с ее миллионным крестьянским населением… Земли в губернии до сих пор находятся в руках беков и ханов. Необходимы решительные шаги для передачи всех помещичьих земель крестьянству. Необходимо создание крестьянских Советов…

Необходимо приложить героические усилия для облегчения продовольственной нужды города и губернии. Обязательна борьба с безудержной спекуляцией, что должно будет привести постепенно к ограничению и, быть может, к полному уничтожению частной торговли. Необходимы меры по борьбе с безработицей путем, в частности, организации общественных работ по должному устройству жизни в городе.

В области народного просвещения — создание в первую очередь трудовой, пролетарской, интернациональной школы с обязательным и бесплатным обучением; устройство для масс Народных университетов… Неотложно также облегчение жилищной нужды рабочих и городской бедноты, путем вселения их в обширные и часто пустующие дома имущих, имея в виду постепенную национализацию домовладений.

…Для утверждения Советской власти во всем Закавказье и в

Дагестанской области неизбежно продолжать победоносно начатую гражданскую войну, а для этого прежде всего необходимо иметь сильную Красную Армию. Работа по созданию такой армии ведется, нужно, чтобы она продолжалась со всей энергией и дальше.

…Требуйте от своего Совета Народных Комиссаров, от каждого из нас неустанной работы, критикуйте каждый наш шаг, смещайте тех, кто окажется недостойным и негодным на высоком посту!

Широкие массы рабочих и их выборные представители впервые начинают учиться трудному и сложному делу управления государством и устроения хозяйственной жизни страны. Нужно осознание общей ответственности и общая дружная работа во имя великих идеалов, провозглашенных Октябрьской рабоче-крестьянской революцией.

В надежде на широкую поддержку рабочих масс и на их живую творческую самодеятельность Бакинский Совет Народных Комиссаров приступает к своей работе».

Совет Комиссаров каждому определил круг забот и ответственности. Нариманову — дела городские. Дай бог мало-мальски управиться с тем, что осталось в наследство от управы, от градоначальства и что каждый час добавляется. Воды и той острейшая нехватка. Она, как хлеб, привозная, издалека…

Все близко касается Нариманова: от вопросов большой политики до будничных повседневных дел…

Положение Закавказья особенно волнует.

«Дорогой товарищ Ленин!

С развитием южного фронта тесно связан вопрос о Закавказье, на который, вероятно, вы обратите особенное внимание.

Ввиду этого следовало бы выслушать представителей партии «Гуммет».

Один из активных и видных работников этой партии д-р Исрафилбеков[61] находится сейчас в Москве. Ему поручено сделать Вам подробный доклад.

Я надеюсь, что тов. Исрафилбеков обо всем подробно доложит Вам…»

Караваны с нефтью для налаживания жизни в России. «От нефти, отправляемой из Баку, зависит участь Российской республики Советов! Без топлива, без бакинского мазута, без бакинских смазочных масел нельзя пустить в ход московских и иваново-вознесенских фабрик, питерских и поволжских заводов, нельзя снабдить ситцами, гвоздями, сельскохозяйственными

орудиями деревни, нельзя перебросить хлеб из урожайной местности в голодную, невозможно работать железным дорогам, нельзя вовремя и с надлежащей скоростью передвигать революционную Красную Армию, нельзя защитить нашу Коммуну».

Денежные знаки. В типографиях Баку экстренно печатаются кредитные билеты пяти различных достоинств. На каждой купюре подпись: «Н. Нариманов».

Устройство сирот. Коттеджи высшего персонала фирмы Нобеля, также нобелевский сад в Черном городе «отчуждаются в пользу приюта для бедствующих детей». На открытие он приходит с игрушками и книжками-сказками, что не покладая рук собирали во всех знакомых домах Гюльсум-ханум и обе племянницы.

Разрешение недавнему миллионеру Юсуфу Ага оглы Дадашеву нести солдатскую службу в полку красной пехоты. При том, что лица, многие годы пребывающие под одной крышей с Юсуфом Ага, не исключая любящего мужа его дочери, всячески предупреждают Чека об опаснейших замыслах, не раз, не два замеченного в посещениях мечети и беседах с моллой Дадашева.

Борьба отнюдь не межнациональная! Дадашев, властями на то никак не побуждаемый, отказался от огромного богатства, в мартовских боях всем, чем мог, помогал Комитету революционной обороны. Потом раздобыл винтовку — потребовал отправить его на фронт. В глазах мусаватистов сей «брат по крови» — личность вдвойне опасная. Мусульманин из самых правоверных, известный на Апшероне блюститель обрядов — защитник Коммуны, солдат революции. Приговор ему вынесен. Как только представится возможность, Дадашева лишат жизни, тело изуверски порежут. Аллаху-акбар! Велик аллах!..

Назначение Нариманова в правительство Бакинской Коммуны произвело большое впечатление на мусульман. «Я помню, — говорит Арташес Каринян, ныне здравствующий ученый и писатель, — что Нариманов в этот период получил даже приветствие от мусульман Индии. Это было не случайным, ибо он уже тогда являлся одной из крупнейших фигур революционного движения на Востоке».

Коммуна может выстоять, окрепнуть, единственно если сумеет привлечь к себе, направить в свое русло крестьянство — преобладающую часть населения даже в Бакинской губернии — миллион душ. На небольшом расстоянии от нефтяных промыслов и заводов — деревни, деревни!

Население, самое многочисленное по обе стороны Кавказского хребта, в то же время и самое подъяремное, наиболее

замордованное «отцами своей нации» — помещиками, ханами, духовенством. Почти не ощутившее добрых плодов Октября. Мелкое земледельческое производство, средневековая эксплуатация, невежество, да ко всему разобщенность, жестокое недоверие к крестьянину-горемыке любой другой национальности.

Минувшей зимой кое-какие искры, занесенные земляками-рабочими, отходниками, разгорелись было в селениях мусульманских провинций между Баку и Тифлисом. Нечто близко похожее на бунты российских креповых. Пускали «красного петуха», рушили поместья, Расправлялись с господами, с домочадцами.

Когда бунтарям-мстителям пытались объяснить, что вовсе не следует убивать ханов и беков, их жен и детей — достаточно отнять у них власть и земли, следовал по-своему справедливый, ходом событий вполне подтвержденный ответ: «Если их оставить в живых, они призовут турецкое войско, возвратят себе отнятые нами земли, а нас окончательно погубят».

Раньше чем на поля вышли пахари, турецкие силы хлынули в глубь Закавказья. Захватили Эрзерум, Ардаган, Каре, Батум, Озургеты. Через горные проходы обрушились на Шушу, взяли Акстафу и Казах, нацелились на Тифлис. Генералы Нури-паша и Назим-бей облюбовали древнее пристанище поэтов и мыслителей Гянджу под постой «Кавказской армии ислама». Временно-де — до взятия Баку.

Если пользоваться терминами дипломатическими, то, идя навстречу пожеланиям дружеских государств Турции и Германии, Закавказский сейм 22 апреля объявил край «независимой» — понимай, от Советской России — «Федеративной республикой».

Дальше и того бесчестнее. Месяц и пять дней спустя «Федеративная республика» раскроена на три таких же «независимых» национальных сатрапии. Грузия отдана меньшевикам под надзором Германии. «Представители грузинской республики обратились с просьбой о покровительстве. Они давали нам средство независимо от Турции добраться до кавказского сырья и приобрести влияние на эксплуатацию железной дороги, идущей через Тифлис… Основным вопросом было, как нам попасть в Баку. Нефть мы могли получить только в Баку!» — объяснял генерал Людендорф, правая рука кайзера Вильгельма.

Армения — дашнакцаканам, приглянувшимся Америке. Мандат на управление открыто США потребуют на Парижской мирной конференции.

Азербайджанские земли до их полного присоединения к

Оттоманской империи отданы ее радетелям из наиболее рьяных. Мусаватистам, да и тем по выбору. Как только «правительство» и «национальный совет», впрок сформированные «Мусаватом» в Тифлисе, явятся в Гянджу Нури-паша признает их несоответствующими высоким видам — распустит. Новые будут набраны по потребности.

Право, есть от чего швырнуть свой монокль командующему английскими силами, нацеленными на Апшерон, генералу Денстервилю. Чего, по оценке Киплинга, «твердый как ствол британец никогда раньше себе не разрешал». Положение вещей в Закавказье, считает старый служака, «уже давно безнадежно. Они должны продолжать убивать друг друга, пока не придут в изнеможение, а тогда мы, может быть, и сумеем навести там порядок… Наш план основывался на господстве в Каспийском море, а так как этого мы могли достигнуть лишь оккупацией Баку, то необходимо идти на все. Любой риск оправдывается безусловно… Я поддерживаю дружеские отношения с партией социал-революционеров, и они знают, что могут рассчитывать на нас, если захватят власть в свои руки. Первым их актом должно быть приглашение англичан».

Сказано вполне ясно и определенно. Или-или…

Баку — остров среди мутного моря закавказской действительности.

В понедельник, 26 мая, Нариман Нариманов открывает крестьянский съезд в Баку:

— В сей исторический день возложена на меня трудная, но благодарная задача, задача облегчить путь к созданию того органа, без которого ныне власть не может быть жизнеспособной.

Я говорю о союзе с крестьянством, о Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Я надеюсь, что этот съезд даст нам возможность укрепить местную власть — единственную в Закавказье власть, которая прокладывает путь к той светлой поре, когда не будет мусульманина, армянина, русского, когда, встретившись, все без различия национальности и религии будут товарищами и братьями.

Он же делает доклад «О власти». Съезд шлет телеграмму Ленину: «…В переживаемый тяжелый момент борьбы за Советскую власть в Закавказье мы, крестьянские делегаты, влившись в Бакинский Совет рабочих и солдатских депутатов и сплотившись с ними, закрепили крепкими узами братский союз крестьян и рабочих, умножили ряды смелых борцов…»

На такое значительное событие откликается «Правда»:

«МУСУЛЬМАНСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО ПРОБУЖДАЕТСЯ

Знаменательное явление. Мусульманское крестьянство становится на самостоятельный путь борьбы против своих эксплуататоров. Рушится под ударами жизни традиционная идеология «священного единства нации». Просачивается сквозь толщу темной, веками угнетаемой мусульманской крестьянской массы идея интернациональной классовой борьбы».

Съезд работает до субботы. До той субботы продержится и Нариманов. Какой ценой, знает он один, больной и врач одновременно. Годами он самый старший из всех комиссаров Коммуны. Недавно ему исполнилось сорок восемь лет. Уже сорок восемь!

Десятого июня в газете «Гуммет» успокаивающее по замыслу сообщение: «Наш уважаемый товарищ Нариман Нариманов… из больницы доставлен в свою квартиру и, как нам известно, скоро будет отправлен в Астрахань».

На пристань общества «Кавказ и Меркурий» его доставляют на носилках. Боли в сердце почти не отпускают. Непосильная тяжесть давит на голову, зажимает ее в тиски. Отнялись ноги.

Плохо. Угрожающе плохо! Приходится с настояниями Нариманова «Я обязан оставаться в Баку… Я еще могу быть полезен…» не посчитаться. Его голос впервые за многие годы намеренно не услышат. Все заботы берет на себя Шаумян. Убеждает Нариманова, хлопочет, сносится с Москвой…

Время прощаться. С кем на месяцы, с кем навсегда. Осенью, едва Нариманов чуть станет поправляться, обрушатся на него вести одна другой страшнее, мучительнее.

Пала Коммуна!..

Захлестнувшие Баку орды «оттоманской Кавказской армии» зверствами превосходят завоевателей времен средневековья. Вырезают население, грабят, жгут. Астраханью принято радио: «На Чемберекенде уже находятся турки, так что уже ходят по домам, устраивают разбой, а в Черном городе горят резервуары. Если посмотрели бы, что сейчас делается, это ужасно». В астраханской же газете «Коммунист» 17 сентября: «По приказанию Нури-паши на телеграфных столбах повешены 62 большевика». Что пять лет спустя журнал давненько ютящихся на задворках Константинополя мусаватистов «Ени Кавкасия» — «Новый Кавказ» пресерьезно назовет «великими днями тюркизма».

Пароход «Севан», отряженный Астраханским Совдепом за комиссарами Коммуны, вернулся без них…

Что со Степаном, Мешади, Алешей, Иваном, Мир-Гасаном?.. С друзьями, бесконечно дорогими Нариманову? Случалось, спорили, в чем-то временами расходились — так в том и сила

подлинной дружбы, что дает она право высказать всю правду до конца, как бы сурова, тяжела она ни была. И человек есть человек, каждый имеет свой характер.

Последняя правительственная депеша комиссаров в Москву, по слухам, дошедшим до все еще болевшего Нариманова, будто гласила: «Совнарком не мог быть ни в числе тех, кто сдавался на милость турецких пашей, ни в числе тех, кто за приход англичан». После того ничего обнадеживающего об их участи. Позже станет известна нота Чичерина посланнику Нидерландов Удендику. Она тревоги еще добавит: «При эвакуации Баку англичане[62] увели с собой членов бывшего Советского Бакинского Правительства Шаумяна, Джапаридзе, главнокомандующего Петрова и других. Решительно протестуем. Требуем их репатриации одновременно с репатриацией Литвинова. Надеемся на Ваше посредничество».

На документе дата: «19 сентября». Четверг. Последний день их жизни. В ночь на пятницу временщики из красноводских и асхабадских эсеров, крадучись, уведут их в бурые зыбучие пески Закаспия. «Убийство происходило разными средствами», — укажут впоследствии медицинские эксперты.

В ночь на 20 сентября. На перегоне между станциями Ахча-Куйма и Перевальная. На 207-й версте, между столбами 116 и 117. Под присмотром строжайшим помощника командующего британскими силами в Закаспии капитана Реджинальда Тиг-Джонса и главы Закаспийского правительства эсера Фунтикова.

До Нариманова правда дойдет лишь в следующем, для него особо значительном, девятьсот девятнадцатом году. До того слухи… Всплески надежды…

19

В правительстве Фатали Хан-Хойского, едва оправившегося от ухода из Баку турок (по условиям перемирия с Антантой) и теперь состоящего под рукой английского генерала Томсона, снова переполох. Трагикомический. Не хуже того, что описан Гоголем в «Ревизоре».

Из сверхсекретных и в такой же степени надежных источников военному министру стало известно, что «большевик Нариманов, прибыв в Баку, имел там свидание с членами парламента партии «Гуммет»[63], а главное, с Саниевым и Караевым, затем выехал в Шушинский и Казахский уезды для пропаганды большевизма среди населения, а также, по мере возможности, среди войск».

Министр удостоверил: «Благодаря такой пропаганде, исходящей от указанного Нариманова, приток новобранцев в настоящее время сильно сократился и вовсе может прекратиться».

По обстоятельствам столь чрезвычайным правительство воззвало к генерал-губернаторам Шуши и Гянджи: «К Вам тайно направился известный большевик Нариман Наджаф оглы Нариманов для поднятия восстания против правительства, агитации и пропаганды. Строжайше предписывается означенного Нариманова незамедлительно обнаружить, арестовать и представить для суда. Ответственность за предписываемое возлагается лично на Вас».

В начале вторых суток поступила телеграмма из Гянджи. Она значительно расширяла масштабы опасности. «Образовалась большая шайка под предводительством Кербалая Алескера и Рустама. Положение серьезное. Необходима воинская сила. Прошу экстренно командировать в Гянджу батальон пехоты, взвод артиллерии, сотню конницы».

На этом фоне донесение из Шуши сильно проигрывало. Хотя именно там были предприняты весьма серьезные усилия! Раздобыты и размножены фотографии Нариманова анфас и в профиль в количестве, достаточном для всех чинов полиции и тайных осведомителей. Сии достойные лица самым срочным порядком разъехались по губернии. Через неделю-другую наиболее расторопные напали на след приезжего из Баку. Его звали Нариман. Он, несомненно, собирал крестьян, разжигал недовольство. Пустячная загвоздка лишь в том, что фамилия человека Абдуллаев и ни малейшего сходства с Наримановым…

Нехорошо, конечно. Вместо того чтобы поспособствовать правительственным хлопотам, дать себя «незамедлительно…

арестовать и представить для суда», Нариманов в горячие дни розысков безотлучно находится в Астрахани.

Квартира его все больше походит на сборный пункт. Постоянно многолюдно, разноязычно. Кто оттуда — из краев временно плененных, отторгнутых от России. Кто по пути туда. Подпольщики, организаторы партизанской борьбы. Также те, кто на рыбницах, баркасах, «туркменках» доставляют на советский берег бензин, смазочные масла, а в обратный рейс на тех же началах — за неудачу расплачиваясь жизнью — уходят с оружием, газетами, литературой. С его, Нариманова, статьями для нелегальных изданий.

В будущем один из приезжих, Михаил Руманов-Асхабадский, опишет в «Правде» (22 марта 1925 года):

«По поручению Наркоминдела я, как член чрезвычайной дипломатической миссии в Персии, и глава миссии, позднее погибший на своем посту, Иван Коломийцев имели в 1919 году с Наримановым продолжительную беседу по поводу предстоящей нашей работы.

Нариманов был тяжело болен. Принял он нас, лежа в постели. Приветливо улыбался. И многое рассказал он нам нового, чего не знали мы о загадочном Востоке.

В 15 верстах от города шел бой с белыми. Под гул орудийных выстрелов мы около 3-х часов излагали Нариманову предстоящий план работы нашей миссии, которая должна была обосноваться впредь до признания нас Тегераном вблизи границы. Внимательно слушал нас Нариманов, не пропуская ни одной детали и внося те или другие поправки. С особым напряжением вслушивался он в декларацию, что мы везли от имени правительства РСФСР. Декларацию, в которой Советская Россия добровольно полностью отказывалась от прошлых привилегий, объявляла недействительными, утратившими всякую силу все навязанные Персии договоры и соглашения, в каком бы то ни было отношении ограничивающие права персидского народа на свободное и независимое существование.

К концу чтения этой декларации Нариманов привстал с кровати и взволнованно произнес:

— Правильно! Восток это поймет! Такие декреты новой России станут могучим стимулом в национально-освободительном движении всех стран.

Много спустя, когда уже сложились определенные отношения с Персией, наказы Нариманова сохраняли для нас огромную ценность. Тогда мы в полной мере поняли, почему Наркоминдел, посылая нас, советовал обратиться за инструкциями, действительно полезными, к Нариманову».

Болезнь, принудившая его летом 1918-го покинуть Баку, отступала медленно. Возвращалась, давала вспышки. В какие-то недели пришлось почти что заново учиться стоять, ходить… Сам доктор Нариманов разговоров о недугах, на него навалившихся, никогда не поддерживал. Так что…

В самые лучшие дни его жизни — нет счастья большего, чем вернуться освободителем в родные сердцу края, — он скажет бакинцам, плотно заполнившим площадь Свободы:

— Мы, коммунисты, находясь в России, все время думали об Азербайджане, каждую минуту заботились о нем. Если наше тело находилось в России, наша душа была в Азербайджане.

Мы твердо знали, что Азербайджан не может существовать без России, что Азербайджан должен иметь связь с Россией. Мы твердо знали и то, что турецкие, английские и другие захватчики приходят в Азербайджан ради своих интересов, и как ветер уходят, что они временны, а вечное счастье Азербайджанской республики связано с Россией.

В Центре, непосредственно у товарища Ленина, мы несколько раз обсуждали вопрос об Азербайджанской республике, о ее независимости.

Когда впервые?

Разговор Дадаша Буниатзаде с Владимиром Ильичей произошел во время или сразу после закрытия Первого съезда коммунистов-мусульман в Москве. Съезд работал четвертого — пятого и с восьмого до двенадцатого ноября восемнадцатого года.

Буниатзаде записал:

«Я сообщил Ленину, что в нашей среде существуют два течения: первое — при освобождении Баку и Азербайджана нужно создать самостоятельную Социалистическую Советскую Республику, второе — никакой республики не надо, и необходимо разделить Азербайджан на губернии и присоединить к РСФСР.

Ильич по этому поводу прямо сказал, что первое мнение о создании самостоятельной республики — правильно, а второе — является колонизаторством и даже глупостью».

В том же ноябре рекомендации касательно будущего Баку, всего Закавказья подала лондонская «Таймс»: «Необходима сильная рука, чтобы управлять, так как сами собой закавказские народы жить не могут. Никаких признаков административных способностей у этих народов нет и неотложно учредить контроль европейской державы, которая имела бы в своих руках управление пошлинами, акцизами, банками и т. д.».

«Национальному правительству» Хан-Хойского в привычной — оттого не менее противоестественной — компании с дашнакцаканами и черносотенцами из «Единой России», с

примкнувшими кадетами, эсерами, меньшевиками надлежит встречать на бакинских пристанях общих своих управителей. Строптивых чиновников наскоро испеченного английского генерал-губернаторства.

Валят валом английские солдаты, полицейские, судьи, надсмотрщики за добычей нефти, рыбы, за судоходством, движением поездов, за печатными машинами в казначействе. Вскорости на городских площадях «туземцев» для вразумления примутся пороть розгами. Слишком неподатливых вешать.

Единственно, что несколько облегчит положение новых оккупантов — стараниями предыдущих цивилизаторов — турок полностью перечеркнуты все возбуждающие умы начинания Коммуны. Нефтяная промышленность, торговый флот, особняки, земли, захваченные крестьянами, возвращены прежним владельцам. Так же, как насиженные места и благосклонность — верноподданным служакам николаевских времен.

Швартуются корабли. Высаживаются благодетели. Момент кульминационный. Под медь оркестров и тщательно отрепетированные стихийные взрывы восторга на причале возникает сам генерал Томсон. Негаданно… Нарушая грубо церемонию, что-то принимается нашептывать генералу прибывший в свите командир казачьего отряда Бичерахов. Личность преуспевающая. Прошлым летом, хитро прикинувшись союзником Коммуны, он основательно поспособствовал ее падению. Накануне турецкого Штурма втихомолку снял с позиций своих пластунов и всадников, свои броневики — полностью оголил фронт на большом протяжении…

Приготовленная согласно требованиям службы улыбка мигом стерта с лица Томсона. Подчеркнуто сухо, двумя-тремя ничего не говорящими официальными фразами отвечает на витиеватые приветствия. Затем не хуже сержанта на плацу чеканит команду: «Опустить!.. Убрать!!» Перст указующий нацелен на флаг «азербайджанского государства», поднятый в конце пристани по распоряжению министра внутренних дел Бехбуда Ага Джевашнира. За самовольство он будет смещен.

Дабы яркость встречи не потускнела, в правительственной газете «Азербайджан» 18 ноября помещено:

«К населению г. Баку!

Во вчерашнем номере нашей газеты появилось на том же месте, где печатается сие разъяснение, сообщение о том, что европейские правительства признали независимость Азербайджанской республики. Это сообщение неправильно, ибо такого признания не было».

То-то и оно, что ни признания, ни снисходительности. Одни

строгости, попреки. При том, что нефть Апшерона, порты Каспия в особой цене. Или как раз потому.

Некоторые надежды на будущее подает заметно постаревший, но еще достаточно шумливый Али-бек Агаев. Тот, кто с начала века постоянно грозился «разнести, пригвоздить к позорному столбу» Нариманова. Теперь идеолог пантюркизма, пренебрежительно махнув рукой на повалившуюся Оттоманскую империю, объявляет, что открыл возможность свершить истинное чудо. «Мы, как нация, должны докричать о себе до ушей культурных европейских народов…» А поскольку «культурные европейские…» не станут слишком напрягать слух, «докричать о себе» надобно в Париже, снарядив чрезвычайную на такой случай делегацию. Али-бек и сам готов в ней участвовать.

Неизбежное в подобных деликатных обстоятельствах соперничество между государственными мужами. Проводы достойных, благополучное их прибытие в Константинополь. А дальше… Французский консул в Константинополе, смешливый месье, любезно обещает непременно затребовать просителей, ежели его правительство разрешит им следовать в Париж.

Переписка всегда требует времени. В данном случае — трех месяцев. В Баку генерал Томсон успевает перетасовать карты. Массовое увольнение министров. Набор новых. Хан-Хойский отправлен в министерство иностранных дел. В кресло премьера определен Насиб-бек Усуббеков. Не сказать добрый, но давний знакомый Нариманова и медицинскому факультету, кавказскому землячеству в Одессе, по бурным их схваткам на мусульманском съезде.

Усуббекову и адресовано письмо главы чрезвычайной делегации, все-таки добравшейся до Парижа. Али-Мардан-бек Топчибашев отписывает, что ужасно тесно в приемных на берегах Сены. Конкуренция злейшая. «Мы видим, что народы, более нас известные, сорганизованные и даже жившие самостоятельно, ищут себе не только союзников, но и покровителей, протекторов, мандатариев и стремятся в этом отношении ориентироваться на ту или другую сильную державу. Ориентация всегда оставалась в своей силе и значении, как важный очередной жизненный вопрос».

Гибкий, не хуже игрушки из гуттаперчи, многоопытный «редактор-издатель» Топчибашев грубых слов никогда не употребляет. Любой гнили подберет привлекательную красочную обертку. Пишет «ориентация», подразумевает «торгашеская сделка». Когда дело касается власти и собственности, мигом побоку все медоточивые разглагольствования о служении нации, о ее независимости. Национальное достоинство, национальное

богатство, самое существование национальной государственности — все пойдет с молотка. Турции, Англии. Попутно Франции с Америкой. В ближайшие месяцы еще Италии. Только бы уцелеть, сохраниться в наимладших компаньонах. Можно и просто в обслуге…

А уже грядет неизбежное. Все более политически прозревают бакинские рабочие. Эсеро-меньшевистские «Известия Стачкома» перепуганно взывают:

«На последней рабочей конференции один из ораторов обмолвился, что надо послать водный транспорт за большевиками, причем его наградили аплодисментами. Почему бы это? Почему аплодировали тому, что несколько месяцев назад встретили бы шиканьем и свистками? Да очень просто. Наши иностранцы-гувернеры делают все от них зависящее, чтобы оправдать положение, высказанное большевиками относительно их. И как бы по существу ни были неприемлемы остальные положения большевизма, но справедливость их суждения о роли и задачах «союзников» возвращает к ним симпатии некоторой части рабочих масс. Знатные иностранцы явились к нам, чтобы заарестовать анархо-большевизм, а на деле занижаются совсем другим… Признаться бы им, этим лучшим агитаторам за дело большевизма, сказать прямо, чью работу они делают — дело демократии, дело анархии или дело мировой реакции?.. Мы это знаем, но пусть это не будет секретом и для других».

Таким же «лучшим агитатором за дело большевизма» оказывается «Мусават» — самая сильная из буржуазно-националистических партий Закавказья в восемнадцатом-девятнадцатом годах. Вся государственная деятельность мусаватистов, все устройство жизни в их «самостоятельной республике» неизбежно способствуют тому, чтобы спала пелена национального дурмана и при трезвом размышлении взяли верх непреходящие классовые интересы трудового люда.

На первых порах сила «Мусавата», его привлекательность в глазах азербайджанского населения, политически незрелого, отравленного религиозными предрассудками, доходящими до фанатизма, в клятвенном обещании создать свое национальное независимое государство. На зеленом знамени начертано: «Религия и нация!» Народу, до предела замордованному — при царизме, при Временном правительстве, при Закавказском сейме, твердят: «Крестьяне, помещики, заводчики — те же люди, те же мусульмане, те же турки. Между ними нет вражды. В своем Азербайджане они станут жить в любви и братстве, одной нацией».

Любовь и братство… В родном селении Маштагах под Баку

схвачен Мамед Мамедъяров, балаханский бурильщик. Единственная вина — принадлежность к «Гуммет». С 1902 года член РСДРП. До того участие в революционных кружках, в первомайской демонстрации. Случались аресты, жандармские ночные допросы, тюрьмы — по горло хватало издевательств. Но такого ада наяву, таких зверств, как в «своей республике»…

«Ничего не спрашивая, мне сразу всыпали 75 ударов палками. Содрали всю мою одежду, взамен бросили лохмотья. Снова били в каком-то подземелье, заменявшем тюрьму… На третью ночь привели 16 товарищей — большевиков, но они оставались недолго. Через несколько часов за ними пришел конвой, и спустя небольшое время послышались выстрелы. Всех 16 расстреляли. Сердце мое обливалось кровью за них, о себе ничего не думал.

В следующие пять дней беспощадно били палкам, топтали ногами, стараясь попасть каблуками в лицо…

Едва живого отвезли в Гянджу. Там нам, 18 человекам, утвердительно ответившим на вопрос: «Ты большевик?» — руки заломили за спину, связали и на длинной веревке принялись водить по городу напоказ и осмеяние. Все виды оскорбления были проделаны над нами. Потом каждый день подвергали экзекуции. Это обязательно предшествовало раздаче хлеба. Полфунта хлеба составляло всю пищу заключенного в день.

Многие из моих товарищей не могли вынести истязаний, умерли. Здесь умер дорогой друг, не покидавший меня за все время нашей прошлой борьбы, — Султан Алиев. Он буквально истек кровью. Умерли от голода и избиений Низам Сатар оглы, Гаджи Али Мамед оглы, Фарамаз Гамзали оглы и Ага Верди. Как выдержал я и остался в живых — не знаю».

Особый случай, садизм одного, двух… какого-то числа тюремщиков? Если бы!

В отчетах о парламентских словопрениях, в изложении речей на II съезде партии «Мусават» мелькает:

«…Мы всюду в Азербайджане являемся свидетелями бесчеловечного обращения беков с крестьянами… Над жителями царствует всесокрушающая дубина, которая по тонкости изобретений и применений намного превосходит дубину Николая Кровавого. Существует всеобщая порка без различия национальности, пола и возраста. В этом полиция проявляет свой истинный интернационализм и демократизм… В Джеванширском, Джебраильском уездах и на Мугани беки силой заставили крестьян платить подати на три года вперед… Крестьяне, не будучи в состоянии выносить и терпеть бесчинства местных властей, спасаясь от пыток, бегут в Баку…»

Из огня да в полымя. Допущенные на съезд «Мусавата»

нефтепромышленные рабочие заявляют, что «обречены на полное вымирание. Труд рабочих еще больше эксплуатируется господами… Среди рабочих свирепствуют разные заболевания. Для них даже закрываются больницы николаевских времен…»

Также заимствованное из официальных правительственных документов:

Инспектор народных школ адресует министру просвещения:

«Едва ли не со дня вступления Азербайджанского правительства в Баку я всем министрам народного просвещения, всем управляющим отделами говорю, что начальная школа развалилась, что большинство школ существуют только на бумаге…»[64]

Встревоженный министр немедля обращается к коллеге. К министру… путей сообщения:

«Состояние нашей школы не поддается описанию… Школа гибнет, ее надо спасти. Одно из важных условий успешности нашего дела — это иметь в распоряжении министра народного просвещения отдельный автомобиль».

Школа, язык отцов, развитие нации — что более тесно связано? Естественно, лидер «Мусавата» Хан-Хойский вразумляет членов парламентской комиссии:

«Нечего дурака валять! Вы кричите о национализации учреждений среди рабочих и крестьян, а для чего она нам? Для нас она не нужна. Мы, большинство тюркской интеллигенции, не знаем своего языка. И если вы бросите эту идею в массу и проведете ее, то нам здесь не место».

Запоздалое подтверждение того, насколько оправдана тревога, не покидающая Нариманова с первых его учительских лет. В семьях мусульманских богачей, феодалов-помещиков, высших чиновников типа Хан-Хойского «сыновей напичкают всякой всячиной, выучат болтать по-французски, но своего родного языка они знать так и не будут, да и не захотят его знать!».

Поощряя национальный сверхэгоизм, «Мусават» оставляет за порогом, под фактическим запретом, язык нации. Свергнет народ «Мусават», отберет власть — азербайджанский язык станет государственным. С первых дней Советской Республики. По декрету председателя Ревкома Наримана Нариманова.

Только, покуда мираж забот «Мусавата» о «всеобщем благоденствии нации» поблекнет, мало-помалу исчезнет, не избегнуть жертв, страданий сотен тысяч людей. Сразу, в девятьсот восемнадцатом году, Коммуна под корень не подрубила сил, развитых националистами. На чашу весов всей тяжестью легло:

…Не был достаточно закреплен союз бакинских рабочих с

крестьянством азербайджанских провинций. Даже в ближайших окрестностях Баку беднота не дождалась передачи обещанных ей помещичьих земель.

…В горячке и крайностях гражданской войны, интервенции, блокады, вынужденных политических союзов не всегда удавалось считаться с религиозными воззрениями, житейскими традициями.

Над всем над этим трудно размышляет Нариманов. В тишине бессонных астраханских ночей не раз вспоминается поговорка: «задним умом человек крепок». К тому же порой исправлять труднее, чем предвидеть. В политике, на крутых ее поворотах особенно губительна инерция, догма, когда все, что невозможно затиснуть в обветшалую, прохудившуюся форму, объявляется как бы несуществующим. В закавказской реальности это упрямое несогласие «старичков» — определение Сергея Кирова — из краевого комитета партии считаться с тем, что немало месяцев назад фактически образованы три национальных государства.

Звать вспять к затверженной идее областной автономии, как настаивает крайком, невозможно. Не пойдет за большевиками рабочая масса, не склонится на их сторону крестьянство, не поспособствует им интеллигенция, ежели распространится слух: «Советская власть намерена после своей победы отменить наши национальные республики! Опять вернуться к губерниям…»

Дадаш Буниатзаде, вернувшись из Москвы в Астрахань, передает Нариманову слова Ленина: создание самостоятельной республики — правильно. Возврат к губерниям, присоединение к РСФСР — колонизаторство и даже глупость.

Первое побуждение Нариманова после разговора с Буниатзаде — самому отправиться в центр, добиться встречи с Лениным. Выложить без оглядки все, что выстрадано, обдумано. Дальше действовать с его одобрения…

В Москву Нариманов поедет. Через несколько месяцев. По вызову ЦК. И письмо со своим планом отправит в Москву не раньше конца марта девятнадцатого года.

Не потому, конечно, что приутихла душевная боль. Другое, совсем другое. В национальных вопросах — тысячу раз осторожность и внимание, осторожность и строгость — лишь потом решение. Тем более что всякое действие Коммунистической партии, Советской власти по государственному устройству Кавказа гулко откликается на мусульманском Востоке. И Нариманову приходится, как бы ни было тяжко, сдерживать нетерпение. Каждую строку, каждый параграф своего обращения в Москву несчетно перепроверять. Наедине с собой и в острых спорах со сгруппировавшимися

вокруг него бакинцами.

Ну а тем временем события на Кавказе, на театре войны, с каждым днем поднимают значение Астрахани. Падет этот истерзанный город, упрямо вклинившийся между двух важнейших фронтов — Восточного и Южного — сомкнутся основные антисоветские силы. Флот англичан из Каспийского моря поднимется по Волге на север. Оборвутся мало-мальски доступные связи с Баку.

Напряженней становится обстановка в Астрахани — прибавляется обязанностей у Нариманова. В Комиссариате по делам мусульман Закавказья он — председатель. В губернском исполкоме — заведующий отделом просвещения. В мусульманской секции губернской организации большевиков — член комитета, руководитель группы по связи с ЦК партии. И «агитатор-пропагандист губкома» на собраниях и митингах выходцев из Персии, кавказских горцев, киргизов, калмыков. Также он отвечает за политическое воспитание турок — постоянных жителей Астрахани и бывших военнопленных, выступает докладчиком на их съезде «О текущем моменте и влиянии Октябрьской революции на трудящиеся массы восточных народов вообще, а Турции в особенности».

Ему еще предоставлена трибуна в городских мечетях. Оливковая ветвь протянута духовенством после достопамятного собрания молл 20 декабря. Собрание состоялось в разгар волнений, забушевавших вслед за оглашением закона об отделении церкви от государства, школы от церкви. Провокаторы изо всех сил убеждали: «В пятницу чекисты закроют все до единой мечети, сожгут кораны. Правоверные, подымайтесь на защиту благочестия!» Необходимо было предпринять нечто решительное — фронт рядом. С согласия губкома партии Нариманов приглашает молл пожаловать в главную Черную мечеть. Неприкосновенность, полная свобода высказать свои претензии, требования к властям гарантируются его словом. Отказать доктору Нариман-беку — определенно навлечь на себя недовольство мусульманского населения. Придется идти. Нариманов благодарит собравшихся и негромким, обычным своим голосом начинает разговор:

— Что значит отделить церковь от государства. Да это просто значит освободить веру от влияния государства, чтобы духовенство могло без давления со стороны проповедовать то учение, которое ему угодно. Подчинить церковь государству — это значит заставить священника, молл за деньги, за золото, за чины и должности говорить то, что нужно государству, а не то, чего требует чистое учение: вера непродаваемая, неподкупная.

Вера должна быть свободная, вера — дело честное, это есть чувство святое для каждого человека.

Чувство нельзя продавать, попирать, насильно навязывать. А вы хорошо помните деятельность так называемых миссионеров Ильинских, которые за деньги, за чины распространяли среди вас христианство. А наш знаменитый муфтий Султанов, глава духовенства мусульман в России, который за деньги Николая, бывшего царя Российского государства, ездил в Мекку агентом тайных служб, годами занимался шпионажем. Вот чтобы не было таких безобразий, чтобы религия, вера, святое чувство отдельного лица, народа в целом не подвергались гонению, осквернению, оскорблениям, необходимо пресечь корень зла. А корень именно в том, что государства дворян, беков, ханов, помещиков, желая сохранить власть за собой и пользуясь темнотой, простодушием народа, превращают религию, точнее, служителей религиозного учения, в орудие борьбы со своими врагами — рабочими и крестьянами…

Два с лишним года спустя о беседе в Черной мечети вспоминает наркоминдел Чичерин. Он просит ЦК РКП (б) обратиться к партийным организациям республик и областей с мусульманским населением: порекомендовать им соблюдать такт и осторожность во всем, что связано с антирелигиозной пропагандой, не ущемлять чувства верующих. Нарком пишет:

«В свое время тов. Нариманов давал очень ценные указания агитаторам на Востоке именно по этому вопросу. Его речь к моллам о разделении церкви и государства есть образец тактичного, подхода к мусульманской публике».

Письмо попадает к Ленину. Он составляет ответ:

«31 марта 1921

т. Чичерин!

Я вполне согласен с Вами. Составьте или поручите составить *проект* такого циркуляра (нельзя ли включить в него всю речь Нариманова или хотя бы рекомендацию ее — это хуже, чем все).

Внесите в Цека.

Это необходимо.[65]

20

Написано на листах узко нарезанной плотной оберточной бумаги, бесценной собственности армейской газеты «Красный воин»: «Протокол заседания ответственных кавказских коммунистов-мусульман в г. Астрахани 28–29 марта 1919 года.

Присутствовали (следуют фамилии)…

Вначале говорил товарищ Дадаш Буниатзаде о событиях на Кавказе.

Приняв во внимание… что с открытием навигации начнется продвижение Красной Армии и Красного Флота на Кавказе как с суши, так и с моря, заседание… постановило: 1) Возобновить усиленную подготовительную работу мусульманской организации коммунистов (большевиков) «Гуммет». 2) Отправить в центр одного деятельного товарища для установления более близкой связи с центром и освещения перед ним настоящего и прошлого положения дел на Кавказе.

Собрание приступило к выборам бюро «Гуммет» в составе 5 человек. Единогласным голосованием персонально избраны Н. Нариманов, Д. Буниатзаде, Г. Мусабеков, С. Эфендиев, А. Терегулов.

Второй день заседания. Товарищу доктору Нариманову для его доклада было предоставлено 2 часа.

После всестороннего ознакомления присутствующих с предполагаемым планом будущей работы на Кавказе лидера коммунистической организации (большевиков) «Гуммет» товарища Нариманова, который главным образом обращает внимание на конечную цель… было принято решение: 1) Вступая в пределы Кавказа, все силы мы должны направить к организации мусульманского пролетариата на местах, дабы власть от временных комитетов можно было передавать полномочным Советам депутатов. 2) Ввиду того, что среди широкой мусульманской массы не было духовной революции, для успешного проведения в жизнь декретов относительно свободы совести, отделения церкви от государства и школы от церкви, надо подходить к населению осторожно, не затрагивая религиозных чувств, особенностей психологии. Отправить с первым десантом возможно больше агитаторов и организаторов…»

В дни следующие…

Нариманов уверенно заявляет: «Да, настала пора нам приступить вновь к делу, водрузить на высоких Кавказских горах свое Красное знамя и приняться за закладку там основ

коммунизма…

После взятия Петровска мы должны объявить Дагестанскую Советскую Республику, а по взятии Баку — Азербайджанскую… Мы будем ждать помощи от русских товарищей…»

Советский Дагестан! Советский Азербайджан! Впервые во всеуслышание провозглашено — большевики Кавказа зовут на восстание во имя независимых национальных советских республик. С тем чтобы штормовые ветры перемен унесли прочь клочья националистического тумана, очистили политическую атмосферу. Чтобы «Гуммет» выбила почву из-под ног «Мусавата».

Когда все это станет достоянием истории, можно будет прочесть в книге воспоминаний Анастаса Микояна, что он поздней осенью девятнадцатого года, добравшись до Москвы, «имел встречи с Наримановым и другими активными работниками «Гуммет», которые тоже были в то время здесь. Их я информировал обстоятельно о положении дел и задачах, стоящих в Азербайджане. Особенно подробно аргументировал выработанную у нас в Баку точку зрения…» Тут и выясняется, что «Гуммет» и Бакинский нелегальный комитет большевиков, воссозданный после гибели Коммуны, одинаково ратуют за независимое государство трудящихся — Советский Азербайджан, за единую Коммунистическую партию Азербайджана. В чем и добиваются поддержки ЦК, Ленина.

Оторванные войной, блокадой от Москвы, от Астрахани, руководители революционного подполья на Апшероне не знали, что еще ранней весной Нариманов, к голосу которого Кавказ, Восток, прислушивается особенно чутко, всенародно заявил и не раз к тому возвращался: «По взятии Баку мы объявим Советский Азербайджан!» Обязательно добавляя: «Мы будем ждать помощи русских товарищей».

Правительство Советской России никогда не признало вероломного отторжения Закавказья. «Только что получили сообщение, — телеграфировал 14 апреля 1918 года в Тифлис наркоминдел Чичерин, — что Закавказский сейм постановлением от 23 февраля принял отделение Закавказья от России и создание самостоятельного государства. Мы со всей энергией настаиваем на недопустимости молчания об этом вопросе и скрывания этого факта как от масс, так и от того государства, в состав которого Закавказье входило и от которого будто бы желает отделиться. Такое молчание противоречит не только всем принципам демократизма, но и всем международным правилам и нормам цивилизованных народов. Рабоче-крестьянское правительство слагает с себя всякую ответственность за ваше поведение вообще,

а в особенности за те гибельные последствия, которые оно несет всем трудящимся массам в Закавказье».

Даже в таких условиях Ленин не может допустить отступления от основ национальной политики партии, ничего такого, что было бы истолковано как покушение на неограниченную возможность народов — больших и малых — по собственному усмотрению выбирать то или иное государственное устройство. Этой весной на VIII Всероссийском съезде коммунистов Владимир Ильич категорически отмел предложение Бухарина и Пятакова выбросить из Программы партии пункт о праве наций на самоопределение. Ильича слова: «…нет вещи хуже, чем недоверие нации»[66].

Полностью исключается и другая крайность — безразличие к судьбе тех, кто уже сделал окончательный выбор и свою волю готов защищать ценой жизни. Не в русских традициях и понятиях о чести бросать слабого на произвол. За словами Нариманова «мы будем ждать помощи от русских товарищей» кроется уверенность — армия Октябрьской революции защитит. Не допустит, чтобы оккупационные английские войска — в одном Баку 15 тысяч солдат, броневики, танки и канонерки у берегов — уничтожили повстанцев.

Во многом надежды Нариманова связаны с островком свободы на Мугани — крайнем юге Азербайджана. С Ленкоранской Советской Республикой. Существует она считанные дни. В конце апреля вооруженные крестьяне из мусульманских и русских селений, городская ленкоранская беднота, взяли в свои руки власть, избрали Ревком. Дальше «чрезвычайный рабоче-крестьянский интернациональный съезд» азербайджанцев, русских, грузин, армян, немцев, Тысяча делегатов и столько же гостей. В близкой к большевикам бакинской газете «Молот» разъяснено вполне вразумительно:

«Муганская Советская Республика, как действительно интернациональная рабоче-крестьянская власть, свободна от всякого национализма — русского, мусульманского, прочего — и потому добивается установления советского строя во всем Азербайджане и считает себя составной частью только будущего Рабоче-крестьянского Советского Азербайджана».

По диспозиции Реввоенсовета 11-й Отдельной армии Ленкорань, благоприятно расположенная на берегу Каспийского моря, в нужные дни должна стать базой для высадки десанта советских войск. Отсюда, с Муганского плацдарма, предполагалось начать наступательные операции в направлении Баку и Петровска в защиту восстания.

Помочь Мугани не удастся. Слишком грозная опасность

нависает над самой Российской республикой. Главное командование войск Антанты — Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки, Италии — считает момент весьма подходящим для того, чтобы миллион с лишним солдат и офицеров, по-современному обученных и вооруженных, «предприняли общее наступление, начатое со всех границ России и направленное концентрически к самому сердцу большевизма — к Москве». Одновременно на шести фронтах протяженностью 8 тысяч километров!

На первоначальные расходы 250 миллионов долларов великодушно ассигнует правительство США. Великобритания, со своей стороны… «Мы привезли, — сообщает английский генерал Нокс, в поезде которого еще в минувшем году из-за рубежа доставлен в Омск адмирал Колчак, — сотни тысяч винтовок, сотни миллионов патронов, сотни орудий и тысячи пулеметов, несколько сот тысяч комплектов обмундирования и снаряжения и так далее. Каждый патрон, выстреленный русским солдатом в большевиков на протяжении года, сделан на Британских Островах…»

Весеннее наступление Колчака вынуждает перебросить значительную часть революционных войск на восток. Пополнение южного фронта почти прекращается. Противник наоборот, усилился. На Дону конница Деникина соединилась с мятежными казаками, в долинах Дагестана с формированиями националистического «горского правительства».

В десятых числах июня Ленин требует от председателя Реввоенсовета республики, чтобы была обеспечена «максимальная и максимальнейшая энергия… чтобы нас не додушили с Юга»[67]. После падения Царицына под смертельной угрозой единственная железнодорожная ветка, кое-как связывающая отдаленный Астраханский край с остальным миром. Невосполнимые потери в неравных боях с английскими и белогвардейскими кораблями несет Астрахано-Каспийская военная флотилия. На нее-то всего больше надеялись в Баку, Петровске, Ленкорани.

Фронт на юге теперь подобен огромной дуге, концы которой упираются в берега Каспийского и Азовского морей, вершина же находится за Белгородом и Балашовом. А далеко-далеко в тылу отрезанный от всех друзей островок свободы на Мугани держится до 25 июля. Полных четыре месяца. О неотвратимом конце Нариманов узнает уже в Москве…

О времени его приезда существуют несхожие версии. «В мае 1919 года заведующий Ближневосточным отделом Наркоминдела РСФСР Н. Н. Нариманов беседует с главой правительства по вопросам внешней политики Советского государства на

Востоке…» «В июле ЦК РКП(б) вызывает Н. Нариманова в Москву». «В ноябре — декабре Н. Нариманов получает назначение на работу в Москве, в Наркоминделе».

Против версии ранней — майской — свидетельствует документ. Достаточно далеко от Москвы, в заволжской Киргизской степи, 7 июня 1919 года по всем правилам выписано:

«УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего член Астраханской организации РКП (б) т. Нариманов, который, пробыв в г. Урды на 3-м Киргизском съезде с 27 мая по 6 июня, приобрел большую симпатию среди трудовых киргизов как в организационной, так и в агитационной работе.

Районный комитет Киргизской степи приносит товарищескую благодарность Губернскому комитету партии за оказанное внимание Киргизской степи и надеется, что и в будущем Губком партии позаботится присылать таких товарищей, как т. Нариманов».

Несостоятельно предположение о приезде в ноябре — декабре: «Записка о кандидатуре т. Нариманова» отправлена Ленину наркомом Чичериным 3 августа.

«Познакомившись с т. Нариманом, я сейчас же убедился, что это превосходнейший руководитель партийной пропагандой и агитацией среди мусульман Персии и Ближнего Востока».

Рекомендация весомая. Георгий Васильевич еще в студенческие годы «переболел» Востоком. Великолепно знает историю этого «таинственного» мира, его стран, народов. С начала работы в Наркоминделе держит в своих руках все связанное с восточными соседями.

В следующие дни Совнарком назначение Нариманова утверждает. Двадцатого того же августа секретарь ЦК Елена Стасова адресует Кавказскому крайкому:

«…Мы считаем, что сейчас крайне важный момент в смысле воздействия на мусульманский Восток, который своим стремлением к освобождению… сможет оказать огромную поддержку делу революции. Относительно общей линии в этом вопросе мы приняли следующие меры: назначили заведывающим отделом Востока в Народном комиссариате по иностранным делам т. Нариманова. Мы не сомневаемся, что он сумеет весьма быстро поставить дело…»

По всему видать, что слова Нариманова: «Будучи еще в Астрахани… я был вызван в Москву ЦК РКП (б), где я читал свой доклад о будущей нашей работе в Азербайджане» — относятся ко второй половине июня — началу июля. Девятнадцатого июля Политбюро и Оргбюро ЦК уже приняли совместное решение о предоставлении «Гуммет» прав областного комитета партии и

признании в будущем Азербайджана независимой Советской республикой. До того состоялось знакомство Нариманова с Владимиром Ильичей. Их первая беседа. Многое предопределившая.

Друг и близкий коллега Нариманова по Астрахани, по наркоминделу, по Закавказью Н. Самурский (Эфендиев) вспоминает: «Ленин не только согласился с мнением Нариманова, но и дал указание в любой час обращаться к нему, сказав, что именно предложенная Наримановым политика сумеет окончательно завоевать доверие угнетенных и порабощенных народов Востока».

Его современники, работники Коминтерна 20-х годов помнили неоднократные совещания под председательством Владимира Ильича, где обсуждались основные вопросы политики партии на Востоке. Нариманов — обязательный участник, ибо Ленин в его словах, иногда в его колебаниях, в его осторожных советах, предубеждениях слышал голос народов Востока. Тех, кого надо было с особенным вниманием и особенными историческими путями повести к союзу с передовым пролетариатом России.

И то, что написал сам Нариманов:

«Владимир Ильич всегда сознавал, что мало знаком с жизнью мусульманского Востока.

Но стоило подчеркнуть некоторые характерные черты быта и духовных свойств того или другого народа, он моментально, сдвинув брови, развивал мысли, которые тут же учили собеседника направлять свои размышления по правильному руслу для достижения конечной цели… Собеседник всегда уходил от величайшего психолога с полным сознанием того, какие предстоят трудности и как многому необходимо учиться…

Беседуя о Востоке, Владимир Ильич особенно интересовался экономическим и политическим положением мусульманского Востока… Дать возможность ему свободно и самостоятельно развиваться — это было его искреннее и горячее желание. В этом он видел первый этап движения к возрождению и освобождению трудящихся мусульман от своих внутренних угнетателей.

О, если бы все угнетенные мусульмане Востока знали, как нежно билось сердце его о них!..»

В другой раз Нариманов, выступая на собрании представителей народов Востока, говорил:

— К моменту Октябрьской революции положение главнейших стран Востока было глубоко трагическое. Турция после империалистической войны была уже накануне своей гибели. Персия, фактически разделенная на две части по сферам влияния

между царской Россией и Англией, влачила жалкое существование, Афганистан стонал под гнетом английского капитала.

В это время прозвучало обращение Советского правительства к угнетенным народам Востока…[68] Впечатление от обращения было огромное. Призыв Ленина — дерзать на борьбу с угнетателями. «Тыл свободен». Новая Россия разрывает все договоры старой России. «Советская Россия обещает помощь» — вот что влило новые силы в измученные народы.

Через годы, через десятилетия борьба за национальную самостоятельность сплошь охватит народы Азии, Африки. Незыблемой основой всех дипломатических акций Советской страны всегда остается бескорыстие, равноправие, сугубое уважение национальных традиций, местных обычаев. Сочувствие и всемерная поддержка.

Владимир Ильич напутствует полномочного представителя РСФСР при первом турецком независимом правительстве Кемаль-паши Семена Аралова: «Учитесь языку, общайтесь с простыми людьми, общественными деятелями, не отгораживайтесь забором, крепостными стенами, как это делали послы самодержавного царя. Они подкупали великих визирей и других сановников. Это — не наше дело. Мы должны дружить с народом»,

21

В лето и осень девятнадцатого года добрые вести идут из Москвы к Востоку.

28 августа послание рабочим и крестьянам Персии подписывают народный комиссар Георгий Чичерин, заведующий отделом мусульманского Ближнего Востока Нариман Нариманов:

«…Трудящиеся массы России видят в трудящихся массах Персии своих братьев и друзей, своих завтрашних товарищей по революционной борьбе… Выражающее их волю Рабоче-Крестьянское Советское Правительство России смотрит как на клочок бумаги, за которым оно никогда не признает законной силы, на позорный англо-персидский договор.[69] Ваши властители продали себя и продали вас английскому хищнику.

Ввиду мошеннического и разбойничьего акта, содеянного англичанами вместе с персидским правительством, мы считаем своим долгом еще раз подтвердить то, что сделал русский народ для персидского народа и, что, конечно, продажное персидское правительство скрыло:

Все платежи Персии по царским обязательствам аннулируются;

Россия раз навсегда прекращает всякое вмешательство в доходы Персии;

Каспийское море, по очищению его от разбойных судов английского империализма, будет объявлено свободным для плавания судов под персидским флагом.

Границы Советской России с Персией будут установлены согласно свободному волеизъявлению населяющих пограничные территории жителей;

…Все бывшие в русских руках железные дороги, шоссейные дороги, портовые сооружения, почтовые учреждения, телефонные, телеграфные линии в Персии передаются в пользование и собственность свободного, независимого персидского народа;

Уничтожаются или отменяются все другие учреждения или постановления, ставившие персидский народ в подчиненное положение или представлявшие вмешательство в его внутреннюю жизнь.

…Русский рабочий народ протягивает вам, угнетенным массам Персии, свою братскую руку, и близок тот час, когда мы на деле будем в состоянии осуществить нашу задачу совместной с вами борьбы против больших и малых угнетателей, источника ваших бесчисленных страданий».

За теми же подписями «Георгий Чичерин, Нариман

Нариманов» публикуется призыв к дехканам и ремесленникам эмирства Бухарского и ханства Хивинского. Стран бесправия и непристойно диких монархов. При солнце и луне шагают между барханами горбатые караваны. К Бухаре, к Хиве. На тысячах верблюдов везут винчестеры, пулеметы, мортиры. Из-за Пянджа через Каршинскую степь с пушками на спинах двигаются живые танки — слоны. При транспортах британские, турецкие, афганские офицеры. Мистер Эллис, дипломат и разведчик, засвидетельствует на покое: «Английская военная миссия в Закаспии рекомендовала поддерживать достаточно тесный контакт с эмиром… Аналогичное положение создалось в далекой и столь же реакционной Хиве, где правительством заправляли бывшие бандиты».

Всякими путями доходит до Ташкента, дальше до России письмо полутора тысяч узбеков, туркмен, таджиков — бухарских подданных:

«Эмир отнимает не одно имущество, но и жен, и невинных дочерей, он не щадит и мальчиков, бессовестно отдает в бачи. Это принимает ужасный и поголовный характер… Делегации от эмира: одна в Мешхеде во главе с Мирзой Сафарбеком, другая в Лондоне во главе с Кари-Мирзабом — добиваются военной помощи, чтобы дали побольше и побыстрее. Война для нас вовсе нежелательна».

Москва сразу отзывается:

«Если вы не глухи, не слепы, если ваше сердце и ваш ум требуют братства, свободы и равенства, если вы сознаете свое значение в государстве, то вы должны знать и чувствовать, какое из знамен вам родное». Тех, кто «признал и признает, что единственное спасение человечества — в торжестве труда. Кто не трудится, тот не ест». Или тех, «кто попирает ногами Бухару и Хиву… угнетает, обезличивает все нации во имя кармана английских капиталистов.

…Протяните свои мозолистые руки близкостоящим к вам вашим братьям рабочим и крестьянам Красного Туркестана и всей России, и общими усилиями вы освободите не только себя, но поможете освобождению всех трудящихся Ближнего и Дальнего Востока.

Вы этим сделаете больше: вы поможете торжеству труда, источника света, свободы и гордости человека…»

За эмирством Бухарским, ханством Хивинским, за лабиринтом крутолобых горных вершин и вспененными неистовыми реками в теснинах, восемью мозаичными минаретами достославного Герата начинается Афганистан. Чье чрезвычайное посольство 10 октября Нариманов встречает на

Казанском вокзале Москвы.

Афганистан. У Ленина в тетради «Материалов о Персии» запись:

«Афганистан — горная местность.

624 000 кв. км. *4 450 000* жителей. *Номинально-самостоятелен* вполне. На деле вся *внешняя* политика в руках Англии; эмир на ее *жаловании*… Англичане не позволяют иностранцам даже въезжать!! в Афганистан…»[70]

Что ж, первое подневольное мусульманское государство, рискнувшее начать военные действия против владычицы Великобритании. Под несомненным влиянием русской революции. После Октября ему больше не приходится опасаться коварного удара с тыла. Напротив. Красный Туркестан в глазах патриотически мыслящих младо-афганцев, нового молодого эмира Амануллы-хана, пришедшего к власти в феврале девятнадцатого года, — естественный союзник.

Несколько позорно проигранных сражений принуждают Англию, вице-короля Индии, окутанную обычным туманом дипломатическую службу пойти на неслыханную уступку — признать за Афганистаном право на самостоятельную внешнюю политику. Глава особой миссии сэр Вильхорид Маллесон считает долгом предупредить афганцев: «Ввиду дурной славы не признающих бога большевиков, их ни под каким видом не следует допускать в богохранимое государство». Совет тем более тонкий, что дан в связи с тем, что Аманулла-хан спешит отправить чрезвычайное посольство в Россию «в добрых целях положить начало дружбе».

Чрезвычайные послы Афганистана надолго застряли в Ташкенте. С первых чисел июня до конца сентября. Покуда от воинства атамана Дутова не был вторично освобожден Оренбург и восстановлено сообщение Туркестана с центром. Также не гладким было продолжение пути. Тринадцать дней добирались они от Ташкента до Москвы.

Наступала самая тревожная и напряженная неделя крайне тяжелого года. Никогда еще за все время гражданской войны не создавалось такой угрозы Москве и Петрограду. Добровольческая армия Деникина взломала весь центральный участок фронта, заняла Курск, Воронеж, нацелилась на Орел и Тулу. Дивизии Юденича захватили Гатчину, Красное Село на близких подступах к Питеру. Колчак наносил удары в районе реки Тобол, англичане на Севере, берегах Белого моря и в Средней Азии. На фронт уходил каждый пятый, потом каждый третий, вслед каждый второй коммунист.

Буря, по оценке Ленина, достигает бешеной силы. При всем

при этом Владимир Ильич[71] приглашает Нариманова для новой беседы о политике на Востоке, о прибывающей в Москву афганской делегации, ее приеме.

Десятого в ранних октябрьских холодных сумерках на Казанском вокзале встреча чрезвычайного посольства Афганистана. Было все, что предусмотрено строгим дипломатическим протоколом. Устланный коврами перрон. Рапорт почетного караула. Медь военного оркестра. Затем уже часто советское, душевное обращение Нариманова:

— Я, как официальное лицо, нарочно приветствую вас от моего правительства в русской красной столице на азербайджанском языке, дабы указать, что Рабоче-Крестьянское Правительство России с искренним уважением относится ко всем народам и их речи. Такое правительство сумеет оценить и искреннюю дружбу. Добро пожаловать!

В семь часов вечера во вторник, в тот самый день 14 октября, когда геройские латышские стрелки и прославленные червонные казаки Виталия Примакова обрушились на тылы офицерского корпуса, основательно приблизив решающую победу на Южном фронте, Нариманов представляет Ленину афганского чрезвычайного посла Мухаммеда Вали-хана и высшего судью афганской армии Сейфуррахмана-хана.

В «Известиях» сообщение:

«Тов. Ленин встретил Посла в своем рабочем кабинете словами: «Я очень рад видеть представителя дружественного нам афганского народа, который страдает и борется против империалистического ига». На что Посол ответил: «Я протягиваю Вам дружескую руку и надеюсь, что Вы поможете освободиться всему Востоку». Во время начавшейся затем беседы тов. Ленин говорил, что Советская власть, власть трудящихся и угнетенных, стремится именно к тому, о чем упомянул Афганский Чрезвычайный Посол, но что необходимо, чтобы мусульманский Восток это понял и содействовал Советской России в великой освободительной войне. Посол со своей стороны заметил, что он может утверждать: мусульманский Восток это понял и близок час, когда весь мир увидит, как Восток поднимается на борьбу.

Потом Посол… подал тов. Ленину письмо эмира. В. И. Ленин ответил, что с величайшим удовольствием принимает письмо и обещает в самом скором времени дать ответ на все интересующие Афганистан вопросы…»

И как бы заключительные строки Нариманова:

«Афганский посол, побеседовав с товарищем Лениным, дает своему правительству знать, что слова главы Советского государства не висят в воздухе, что он готов на все, чтобы

Афганистан освободить от колониальной зависимости. Это дает возможность афганскому правительству вести в массе пропаганду против английской политики порабощения, все время указывая на наше отношение к афганскому вопросу.

…Посол прибыл в Москву с одним влиятельным моллой Афганистана. При встречах со мной молла очень просил показать ему Владимира Ильича. Я спросил моллу, что, собственно, его интересует. Он ответил: «Его проповедь, его отношение к угнетенным ярко выделяет его из среды современных политиков и вождей всего мира. В нем я вижу пророка».

То ли в тесноватом служебном кабинете, в гостинице «Метрополь», то ли на квартире в Малом Харитоньевском переулке[72] пишется черными стойкими чернилами:

«К сведению работников в Туркестане.

Туркестан есть цветник, откуда пчелы окружающих государств Востока должны получать свою пищу. Туркестан должен представлять из себя показательное образцовое Советское хозяйство. В Туркестане мы должны создать образцовую Социалистическую Республику.

Руководить, но не управлять трудящейся массой…»

Будущий работник в Туркестане — Шалва Элиава, большевик с девятьсот четвертого года, красивый человек острого ума и высокой культуры, потом расскажет:

На Воздвиженке[73], в ЦК он узнал, что решение состоялось. Ему отправляться в Ташкент председателем Особой Комиссии с огромными обязанностями и правами. Представлять ВЦИК и Совет Народных Комиссаров, действовать от их имени в пределах бывшего Туркестанского генерал-губернаторства и сопредельных с ним государств, а также по мандату ЦК осуществлять высший партийный контроль и руководство.

Первое, с чего начинает: просит Нариманова, благо знает его еще по Астраханской ссылке, просветить, обозначить самые необходимые ориентиры. Стремительное вторжение Элиавы врасплох его не застает. Как всегда мягко, даже с заметной долей смущения, предлагает: «Давайте вместе рассуждать. Кое-что у меня набросано, канва для обсуждения…»

До отъезда Туркестанской комиссии будут еще встречи. И всякий раз незримые мостки от Туркестана перебрасываются к Азербайджану. Готовых впрок рецептов, тем более одинаково пригодных для Средней Азии и мусульманских земель Закавказья, нет и быть не может. Уж по одному тому, что в Азербайджане, в Баку, и не только в нем, давно сложившийся, через многое прошедший, основательно подготовленный к заключительной схватке многонациональный рабочий класс. В

Туркестане слой рабочих тощ. Капля в безбрежном крестьянском море. Земледельческое производство сверхпримитивное. Единственный инструмент кетмень — мотыга и то заказывается в… Бельгии.

Присоединение к России в 60-х годах XIX столетия (туркмены и киргизы это сделали добровольно, остальные подчиняясь силе оружия) прекратило опустошительные феодальные войны, в значительной мере уничтожило рабство. Но горожан в Туркестане куда меньше, чем кочевников, а в кишлаках отношения средневековые, в лучшем случае полуфеодальные. Власть молл, предрассудки, фанатизм — беспредельные. Что в достаточной степени присуще и мусульманским селениям Азербайджана, Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабарды. И чтобы осуществить намерение дерзкое, большевистское — создать первые на Востоке независимые советские государства, необходимо одолеть национализм, подрубить корни, его питающие, изгнать закордонных опекунов-надзирателей с их далеко идущими интересами в «священном тюркском деле», к тому же до крайности напуганных, как бы искры среднеазиатского и закавказского очистительного пожара не перепали на крыши в Персии, Турции, Индии, Кашгаре…

Мусульманский Восток. Между странами много различий. Много и общего. Больше всего Востоку, по твердому убеждению Нариманова, необходима революция. Лицу официальному, занимающему высокий дипломатический пост, вмешиваться во внутренние дела других государств нельзя. Но коммунисту доктору Нариманову перед отъездом из Астрахани можно было написать и переправить на благополучно добравшемся до Баку баркасе письмо бывшему однокурснику в Новороссийском университете Насиб-беку Усуббекову, ставшему главой правительства «Мусавата»:

«Я с полным сознанием говорю: пусть Советская власть установится во всех государствах и народностях, исповедующих ислам. Тогда в десять лет сделают то, что не сделано ими в течение ста лет!..» Попутно дает совет:

«Призываю вас и ваших единомышленников отказаться от роли могильщиков. Имейте мужество сказать: мы не поняли характера русской революции… мы сходим со сцены, и да будет Советская власть в Азербайджане».

И все точки над «и» ставит в воззвании «С каким лозунгом мы идем на Кавказ», этой до сердец доходящей программой действий большевиков:

«Нам нужны счастье людей, единение народов, их истинная, взаимная любовь, братство и товарищество. Эту любовь, эту

человечность, это братство и товарищество могут дать только законы, выставляемые коммунизмом, а эти законы может защищать и осуществлять только Советское правительство. Поэтому да здравствует кавказские рабочие, кавказские крестьяне! Да здравствует Красное знамя Советов!.. Пусть процветают Азербайджан, Армения, Грузия!.. С этим лозунгом мы ушли с Кавказа, с этим лозунгом мы опять пойдем на Кавказ!»

22

С утра ничто не предвещает, что насквозь прохваченный колючим морозом вторник, 2 декабря, станет днем, особо памятным для Нариманова. Накануне он участвовал в работе II съезда коммунистов-мусульман Приволжья, Урала, Туркестана, Кавказа, городов Центральной России, фронтовых красноармейских частей и групп эмигрантов из сопредельных с РСФСР стран Востока. «Гуммет» на съезде представлена Исрафилбековым, Эфендиевым и им, Наримановым.

Насколько важен съезд, можно судить по тому, что до открытия Ленин встречается с представителями делегаций. На пленарном заседании в Митрофаньевском зале Кремля Владимир Ильич выступает с обширным докладом о характере борьбы и задачах народов Востока. Говорит о задачах, решение которых не дано «ни в одной коммунистической книжке, но решение которых вы найдете в общей борьбе»[74], начатой Россией. «Я думаю, что то, что проделала Красная Армия, ее борьба и история победы будут иметь для всех народов Востока гигантское, всемирное значение». Заглядывая далеко вперед, он заключает: «За периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира…»[75].

После доклада Ленина — сообщение Нариманова о положении в зарубежных восточных странах, об особенностях каждой и усилиях Наркоминдела. В его обязанности подсказать делегатам съезда ответы на острые, трепещущие вопросы. Рекомендовать приемлемый выход из сложных положений, на первый взгляд вовсе безнадежных…

У Гюльсум-ханум свой насущный вопрос, косвенно связанный с еще не законченным съездом.

— Доктор, куда тебе принести завтрак?

Завтрак, собственно, позади — половинка черного сухаря и морковный чай в хрустальном стакане. А в полдень Гюльсум-ханум, как бы ни свирепствовала зима, приносит увязанный в шерстяной платок собственной вязки казанок с горячим. Приносит либо в Наркоминдел, где Нариманов по-прежнему заведует отделом мусульманского Востока, либо в Комиссариат РСФСР по делам национальностей — там Нариманов заместитель наркома. Что же касается меню, то его обговаривать не приходится, бесполезно. Чаще всего пшено или перловка без масла на воде. Иногда, что почти лакомство, вареный картофель

со щепоткой соли. Сегодня ввиду особого обстоятельства, о котором муж покуда знать не должен, будет сварен полностью весь продуктовый запас — шесть картофелин с кожурой общим весом менее полфунта.

Нариманова на месте нет. Куда-то внезапно затребован. Казанок передается в надежные руки Айны Султановой, землячки-бакинки, временно, до начала занятий в Коммунистическом университете, работающей в отделе Востока. Теперь Гюльсум-ханум предстоит собраться с силами, превозмочь непрекращающиеся боли и одолеть забитые сугробами, давно не чищенные улицы, переулки между Домом Советов на Театральной площади и торжищем у Сухаревской башни[76]. Огромным «черным рынком», по сравнению с которым тифлисский мейдан, бакинская кубинка — ничто. Места ужаснее Сухаревки для Гюльсум-ханум не существует. Еще до того как ей удается заставить себя окунуться в суетящуюся толпу, ее охватывает страх. Поддаться оцепенению нельзя. Ни отложить, ни избежать. Схватки чаще, сильнее…

Она приобретает полмешка приморожeнной картошки и десяток крупинок сахарина. Оплата обычная — одеждой. Благополучно доносит до квартиры. А там… Стараниями соседок Гюльсум-ханум не слишком поздно попадает в родильный дом. Мальчика назовут Наджафом, В честь покойного деда.

В какой-то вечер, отнятый у всех государственных занятий Нариманова купанием малыша, Гюльсум-ханум услышит от мужа произнесенное с не очень удавшейся напускной строгостью:

— Владимир Ильич сделал мне замечание. Сказал: «Проморгали вы, дорогой товарищ!» Из-за тебя. Да, да!.. Узнал про картошку, что ты несла на спине!.. Распорядился прикрепить нас к столовой Совнаркома…

В такие, возможно, минуты сложилось письмо:

«Дорогой мой сын Наджаф! Если мне суждено жить, то я постараюсь воспитать тебя так, чтобы ты принес пользу человечеству. Если мне суждено умереть, то я буду просить тебя сделать людям хотя бы то малое, что сумел сделать я, твой отец. Надеюсь, что ты своей работой продолжишь то, что начал я».

Если понимать совсем буквально, то продолжить своей работой дело отца Наджаф не успеет. А честь, добрую славу отца приумножит ценою жизни.

Будет школа на стыке двух переулков вблизи старого Арбата в Москве. Танковые училища в Ленинграде и Киеве. «Мама, мне надо хорошо знать машины, чтобы моя рота была передовой по технике. И потом, ведь ты знаешь, я хочу поступить в академию. Пришли мне литературу об автомобилях, тракторах и танках, о

ремонте этих машин, о бензине и смазочных маслах. Зайди в книжный магазин и спрашивай все, что есть об автомобилях, о танках. Я буду ждать эти книги». Кроме предметов обязательных, арабский, немецкий, английский, французский языки.

С осени девятьсот сорокового воинская служба у западной границы. Станислав, Львов. «Мама, приезжай, познакомлю тебя с хорошей девушкой. Очень душевная. Играет на пианино, прекрасно знает немецкий язык…» Еще письмо: «Мама, во Львове цветут сады, чудесная погода, мне обещали отпуск 20 августа. Так что приезжай, погостишь у меня месяца два-три, домой, в Москву, может, вместе поедем».

На ранней-ранней заре 22 июня все крест-накрест перечеркнуто войной. Из боя в бой. Из боя в госпиталь. Из госпиталя в бой.

Сталинград. Четыре сталинградских месяца. Командир танкового корпуса генерал-лейтенант К. Свиридов пишет Гюльсум-ханум: «Ваш сын Наджаф в части, которая нанесла первый сильный удар фашистам в Сталинградской битве. Мы выполнили приказ — обратить гитлеровцев в бегство. После нашего удара началось всеобщее наступление Красной Армии под Сталинградом. Мы гнали врага от села к селу, от города к городу… Среди лучших и достойных и ваш сын — коммунист Нариманов».

Наджаф обратился с просьбой принять его в партию в сентябре сорок второго на переднем крае Сталинграда!

Снова сентябрь. Прозрачный осенний день в только что освобожденном шахтерском городе Волноваха. Уже земли Украины. У разрушенного вокзала гвардии старший лейтенант Наджаф Нариманов дожидается попутной машины. Приказано явиться в штаб корпуса для «дальнейшего следования в Москву». Перевод в другую часть или академия?

Бесполезно гадать, что было бы, приди попутная машина на минуту-другую раньше. До того, как на достаточно истерзанный город вновь налетели десятки бомбардировщиков, меченных свастикой… Братская могила, дощечка, прикрепленная к гильзе противотанкового снаряда, надпись:

«1919–1943 гг.
Гв. ст. лейтенант Нариманов
Наджаф Наримановичъ…»

И улица его имени. Обсаженная липами, она ведет к городскому парку.

23

Каждый может прочесть в бакинской газете «Новый мир» за 13 января девятьсот двадцатого года:

«По революционному российскому календарю мы переживаем предоктябрьские дни».

В предыдущем номере газеты обнародовано решение общегородского рабочего митинга:

«Если правительство Азербайджана не согласится на выступление против Деникина, то бакинский пролетариат совместно с крестьянами Азербайджана, через голову мусаватского правительства, а может быть, и перешагнув через его труп, подаст братскую руку революционной России в ее борьбе…

Да здравствует Красная Армия!

Да здравствует союз рабочих и крестьян Азербайджана с Советской Россией!..»

Непосредственный повод для рабочего требования — отвергнутый «Мусаватом» и грузинскими меньшевиками призыв РСФСР заключить соглашение о совместных военных действиях против Деникина. Призыв тем более доброжелательный, что советские войска уже разгромили лучшие офицерские дивизии добровольческой армии и стремительно приближаются к Ростову, к Северному Кавказу. «Советское правительство, — говорилось в радиограмме Наркоминдела Чичерина от 2 января, — считает необходимым указать, что южная контрреволюция является смертельным врагом не только Советской Республики, но и всех малых народов, входивших в состав бывшей Российской империи. Деникин — враг не только русского рабочего и крестьянина, но и грузинского и азербайджанского… Нужно к удару, наносимому с севера… присоединить вооруженный удар грузинских и азербайджанских рабочих и крестьян… Правильно понятые интересы трудовых классов должны заставить Азербайджан ответить согласием на наше предложение».

Интересы трудовых классов, самой нации, что до них «Мусавату»! Против естества своего не пойдешь. Да и накрепко вошло в привычку служить чужеземцам. Не суть важно, что из-за всяких «домашних» неурядиц на Британских островах сухопутных английских войск временно в Баку нет. Вполне их заменяют канонерки, сторожевики, курсирующие на Каспии. А понадобится… Как раз в нынешние январские дни верховный британский комиссар в Закавказье генерал Уордроп добивается согласия Восточного комитета правительства его величества

«создать сильный барьер против агрессии большевиков. Английские войска в Северной Персии должны быть усилены и способны удерживать Баку».

Генерал предлагает Лондону на выбор два варианта. Семь дополнительно выгруженных британских дивизий располагаются либо на линии Батум — Баку — Красноводск — Мерв, либо Батум — Баку — Энзели — Тегеран. При том, что «в Баку следует срочно доставить подводные лодки, допустимо в разобранном виде». Хорошо подобранная солидная группа английских морских офицеров и техников вместе с подлодками отправится из Константинополя и благополучно прибудет через Батум и Тифлис на Апшерон донельзя вовремя. Чтобы уж разом со всеми другими британскими опекунами сдаться восставшим рабочим на исходе апреля. Сейчас еще в понимании «Мусавата» сильнее англичан зверя нет. Надлежит ревностно выполнять свежий их приказ.

Командующий оккупационными войсками в Закавказье генерал Кори устанавливает «демаркационную линию между владениями генерала Деникина и Кавказскими штатами. Генералу Деникину предписано не допускать перехода его войск на юг от этой линии, а Кавказские штаты не должны продвигаться на север от нее. Кавказские штаты обязаны воздержаться от всяких агрессивных действий против добровольческой армии и содействовать генералу Деникину по крайней мере снабжением нефтью и другими припасами для Каспийского флота, одновременно воздерживаясь от снабжения ими большевистских сил».

Россию лишить нефти! Ни с чем не считаясь. Ни с громогласно объявленным решением правительств стран Антанты снять блокаду с РСФСР и разрешить торговлю с ней. Ни с гибелью бакинских промыслов, захлестнутых десятками миллионов пудов невывезенной нефти. Нефти, за которую Москва постоянно предлагает хлеб, сахар, мануфактуру голодающему, обобранному Азербайджану!

Еще до переполнения всех хранилищ, до катастрофы, реальная заработная плата рабочих-нефтяников составляла едва восемнадцать процентов довоенной. С января, с массовым закрытием промыслов — Балахано-Сабунчинских, Сураханских, Биби-Эйбатских — трудовой люд лишился последних крох.

Гамид Султанов, вернувшийся в Баку обычным путем на лодке из Астрахани, пишет Нариманову: «Если Вы лично можете приехать, то это желательно, так как народ очень и очень идет за Вами. Вообще как рабочие, так и крестьяне говорят: «Куда Нариманов с гумметистами — туда и мы». Это их слова».

Более обстоятельно о положении на Апшероне сообщает в ЦК

член Бакинского бюро Кавказского краевого комитета партии, ответственный за связь с Центром, Виктор Нанейшвили:

«Среди бакинского пролетариата (и мусульманского и русского) у нас конкурентов нет: социалисты-революционеры и меньшевики совершенно изгнаны из рабочей жизни, партия «Мусават» — разлагающийся труп. В крестьянстве и армии есть также довольно сильные наши организации… Наша партия в Азербайджане мощно вырастает. В Баку насчитывается до четырех тысяч… Вопросом дня является сейчас объединение трех организаций — Российской, Азербайджанской и Персидской[77]. В средних числах февраля созываем партийную конференцию в азербайджанском масштабе, в этом направлении идет сейчас энергичная работа».

Действительно, 11–12 февраля 1920 года собирается I съезд Коммунистической партии Азербайджана.[78] Нелегальный. Достаточно представительный. Сто двадцать делегатов девяти национальностей. От Баку и промышленных пригородов, от Гянджи, Хачмаса, Закатальского округа, пароходства, железной дороги, от земледельцев 16 уездов. «Поодиночке, прибегая к различным ухищрениям, каждый добирается до большого зала Рабочего клуба. Кругом заперто, темнота и тишина, — описывают участники. — Докладчикам и выступавшим в прениях или с репликами предлагалось говорить приглушенным голосом, а слушатели не должны были аплодировать».

К центру города стянуты отряды «дикой дивизии», пуще обычного рыскают агенты контрразведки, созданной для наблюдения за большевиками. В любую минуту рабочая охрана может подать тревожный сигнал, заседание придется оборвать. Так что первым делом принимается категорическое решение: народ подымать на вооруженное восстание. О чем известить почетных председателей съезда Владимира Ильича Ленина и Наримана Нариманова. По радиостанции мусаватского правительства, В смену, когда дежурят свои подпольщики. С окончанием навигации на Волге через них идет вся связь с Астраханью, с Россией.

На следующий день после съезда встреча из тех, что способны доставить особое удовлетворение Нариманову, Делегаты-крестьяне из уездов собираются совместно с Президиумом рабочей конференции — своеобразным, постоянно действующим Советом депутатов промыслов, заводов, кораблей. Советом, который оккупационное английское военное командование так и не решается разогнать, при вынужденных переговорах почтительно именует парламентом.

Первое слово — на встрече — Дадашу Буниатзаде:

«Революционная Красная Армия сейчас двигается с Северного Кавказа, уничтожая генералов, атаманов, помещиков для того, чтобы помочь нам и создать Советский Азербайджан, час коего уже приближается!..»

По революционному календарю дни теперь совсем предоктябрьские. Так же, как в семнадцатом году осенью в Петрограде, временные не хотят примириться с тем, что их время полностью истекло. Официоз — газета «Азербайджан» лихо наставляет: «Выслать всех противников правительства, будут ли они рабочие, интеллигенты, социалисты, хлебопашцы, на остров Нарген!» Пятого марта через Астрахань в Москву уходит известие: «Ориентация правительства Азербайджана окончательно определилась в сторону Антанты, Начались репрессии, орган наш закрыт. Редакция разгромлена, идет усиленная ловля наших товарищей. Правительственная партия «Мусават» решила путем террора убрать местных видных коммунистов. Организация наша загнана в глубокое подполье. В Баку приезжает дипломатический представитель Деникина».

Скатываясь все ниже на уровень царской охранки, мусаватисты прибегают к разжиганию национальной вражды, чудовищным провокациям. Общими с дашнаками усилиями учиняется резня в древнем городе Шуше, в армянских и мусульманских селениях Нагорного Карабаха. В уездах Нахичеванском, Гянджинском, Казахском. В самом Баку обезглавленный труп тайно похищенного агентами мусаватской полиции Али Байрамова, популярнейшего деятеля «Гуммет», члена ЦК Компартии Азербайджана и штаба по подготовке восстания, подбрасывают в квартал, населенный полностью армянами. С большим трудом большевикам удается предотвратить назревший погром.

Все взывает: скорей, скорей свободу, жизнь плененному Азербайджану! Сформированы рабочие дружины, запасено оружие на тайных складах, установлено содружество с Реввоенсоветом XI армии. Полки ее, обгоняя весну, вызволили Кубань, Ставрополье, безграничные Ногайские степи, северные склоны Главного Кавказского хребта, Терек, прикаспийские лиманы. При том, что успехи огромны, Ленин считает обязательным предостеречь командование наступающих частей:

«Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте… самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость…»[79].

Лишь в одном нет полного согласия с Владимиром Ильичем у

Реввоенсовета армии и Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе. О времени приезда Нариманова. Первая телеграмма от Сергея Кирова прибыла в Москву еще на исходе февраля: «Находим присутствие Нариманова необходимым». Настояние Серго Орджоникидзе: «Нариманов очень и очень нужен. Убедительно прошу…» Он и сам рвется. При встрече говорит об этом Ленину — согласия не получает.

Объяснение позиции Владимира Ильича следует искать в письме Чичерина, датированном 27 марта: «Многоуважаемый Владимир Ильич! Прилагаю радио о посылке союзных войск в Батум и Баку. В чисто военном отношении союзные войска для нас не страшны в том случае, если есть внутреннее разложение противника. Мы всегда этим побеждали. Но для этого надо идти путем, предлагаемым Нариманом. Баку и бакинских мусульман в особенности никто так не знает, как Нариманов. Вы после свидания с ним решили ждать Сталина. Он теперь приехал, — надо принять решение, а то будет поздно».

Проблема обостренная. Обсуждение не из легких. В конечном счете признание получает тактика, обдуманная Нариманом. Ему и браться, действовать, еще какое-то время оставаясь в Москве. В шифровке Реввоенсовету 11-й (армия, в которой каждый четвертый — коммунист, уже подходит к левому лесистому берегу реки Самур, дальше за ничейным мостом северная граница Азербайджана) 15 апреля твердое обещание Ленина: «Нариманов выедет на днях в Петровск[80] согласно Вашему предложению».

Нариманов расскажет: «За неделю до отъезда из Москвы я целый час докладывал товарищу Ленину об Азербайджане, информировал его о внутреннем и внешнем положении республики, мы беседовали о том, как действовать, чтобы Азербайджан был вечно счастливым».

После всего сказанного мною, товарищ Ленин глубоко задумался и затем, подняв голову, сказал:

«Перед вами, мусульманскими коммунистами, стоят большие, трудные и ответственные задачи; поезжайте, но будьте чрезвычайно осторожными и расчетливыми».

В более позднее время, когда уже многое будет сделано для становления независимых советских республик Закавказья и Средней Азии, Нариманов свое свидетельство продолжит:

«Владимир Ильич особенное внимание обращал на Туркестан и Азербайджан. Он говорил, что эти республики есть преддверие к Востоку, что все, что делается у них, будет эхом отдаваться в соседних государствах, и угнетенные в этих странах будут знать и чувствовать нашу сущность».

24

В большом зале фешенебельного бакинского ресторана «Метрополь» на вечер 27 апреля назначен правительственный прием. В честь дипломатических, военных, полицейских, торговых миссий Антанты. Имеют быть все столпы мусаватского общества. Приглашения почтительно доставлены заблаговременно. Выбрано подобающее меню. Нужные сведения «просочились» в благонамеренную прессу.

И в день такого торжества, кто бы мог подумать, большевики заявляются в резиденцию главы правительства. Застигнутый врасплох, Насиб-бек Усуббеков видит перед собой Гамида Султанова, еще нескольких не менее опасных друзей Нариманова, по непоправимому упущению не отправленных в тюрьму на Баиловском мысу. Они корректны, в такой же мере деловиты.

— Коммунистическая партия Азербайджана, Бакинская рабочая конференция предъявляют ультиматум правительству «Мусавата»: освободить политических заключенных, распустить так называемый парламент, сдать власть. Мирно до двенадцати ночи. Повторяем: до полуночи все должно быть исполнено!

На Николаевской улице, в особняке «Исмаилие», лихорадочно заседает «парламент». Зал переполнен нефтепромышленниками, дельцами, беками, ханами. Пустуют лишь особо почетные места, обычно занимаемые чинами английских миссий.

Клятвенно заверяет собравшихся Усуббеков: «Только перейдя через мой труп, большевики возьмут власть!» В следующие минуты Насиббек, укрывшись в одной из дальних комнат, прикажет по телефону домашним: «Быстрее укладывайте чемоданы!..» История склонна шутить. Порой довольно зло.

За час до истечения срока ультиматума постановление о сдаче власти подписывают председатель «парламента» Джафаров, правитель канцелярии Векилов. Поскольку: «Голосов против подано не было. Не высказали своего мнения двое».

В эфире через каждые десять минут звучит всю ночь на 28 апреля девятьсот двадцатого года:

«Всем, всем, всем! Москва, Ленину!

Временный Военно-революционный комитет Азербайджанской Советской Независимой Республики, ставший у власти по воле революционного пролетариата Баку… порывает всякие сношения с Антантой и с другими врагами Советской России.

Не имея возможности собственными силами удержать натиск соединенных банд внешней и внутренней контрреволюции,

Временный революционный комитет предлагает Правительству Российской Советской Республики вступить в братский союз для совместной борьбы с мировым империализмом. Просим немедленно оказать помощь путем присылки отрядов Красной Армии.

Председатель Ревкома *Нариман Нариманов.* Члены Ревкома: *Алимов, Буниатзаде. Гусейнов, Караев, Мусабеков, Султанов».*

В левом верхнем углу листка, вырванного из большого блокнота, рукою Кирова написано: «Москва. Ленину». Чуть ниже — название шифра: «Дезертир»[81]. И столбцы слегка наклонившихся цифр. Между ними немного открытого текста. Радиограмма.

«…После передачи власти коммунистам через два часа наши бронепоезда были в Баку, имея с собою батальон пехоты. На следующий день прибыла наша кавалерия и штаб армии. Войска Азербайджана целиком перешли на нашу сторону… Энтузиазм населения, особенно мусульман и рабочих, не поддается никакому описанию, может быть, сравнен только с октябрьским в Петербурге с той разницей, что здесь не было никаких столкновений. Всюду полный порядок…

Первое мая Баку дал ни с чем не сравнимую картину. Десятки тысяч рабочих и почти все население было на улицах. Наша Армия вызывала ликование. Вечером состоялось грандиозное собрание… Колоссальное впечатление произвело награждение орденами Красного Знамени Азербайджанского Комиссара по военно-морским делам Ильдрима и турецкого коммуниста, занявшего с группой аскеров вокзал и тем самым не давшего возможности правительству мусаватистов бежать; а также вручение бакинским рабочим Знамени от XI армии… Каждое слово от имени Советской России вызывало бурю восторга…

2. V.18 часов. *Орджоникидзе, Киров».*

Пятого числа Владимир Ильич вносит на утверждение Совнаркома РСФСР текст послания, немедленно переданного в Баку:

«Совнарком приветствует освобождение трудовых масс независимой Азербайджанской республики и выражает твердую уверенность, что под руководством своего Советского правительства независимая республика Азербайджана совместно с РСФСР отстоит свою свободу и независимость от заклятого врага угнетенных народов Востока — от империализма.

Да здравствует независимая Советская республика Азербайджана!..

Да здравствует союз рабочих и крестьян Азербайджана и

России!»[82]

Экстренный выпуск однодневной газеты «Красный Азербайджан». Портреты Ленина и Нариманова. Текст полученного приветствия. Решение Ревкома: «9 мая с. г., по случаю признания Советом Народных Комиссаров РСФСР независимости Азербайджанской ССР, занятия во всех учреждениях не производятся».

Баку, как он видится участнику событий, командиру балаханской рабочей дружины Мусеибу Дадашеву: «Воздух, пропитанный густым чадом Черного города, все же дышит весной. Ярко светит солнце. Настежь распахнуты окна домов. В окнах — флаги и веселые счастливые лица. Детвора — на улицах. Босоногие, исхудалые малыши важно носят на груди алые банты. Русский матрос подкидывает высоко на руках черноглазого малышку и целует его в смуглую щеку. Древний старик несет на плечах хурджины[83], из которых выбиваются первые весенние цветы. Время от времени он останавливается, запускает руку в свои ветхие хурджины — отдает встречным охапки цветов».

Цветов и зелени особенно много на Садовой улице[84] — там свой бакинский Смольный. Многолюдный, бессонный, Ревком и квартира Нариманова, соединенные между собой коротким коридором. Вход на обе половины одинаково беспрепятственный. Посетители сами следят, чтобы никто сверх приличия времени у председателя Ревкома не отнимал. Дела, вопросы, просьбы, просто человеческая потребность взглянуть, как он выглядит, — помнится, тогда, в восемнадцатом, его увезли на носилках…

Ревком, временный Революционный комитет, высшая власть до выборов, до съезда Советов — это надо людям еще объяснять, растолковывать, разбивать в иных случаях ледок. А кто такой доктор Нариман, или Нариман-муэллим, объяснять не надо. Людям, привыкшим многие годы возлагать надежды на него, верить в него. Теперь он ответственный за то, что будет сделано, за то, что будет упущено.

Азербайджан ждет. Прислушивается Восток.

За дело, Ревком!

Первый декрет — о земле. Земле — основе жизни трех четвертей населения республики. «Все земли ханов, беков, помещиков, а также все монастырские, церковные вакуфные и мечетские земли со всем их живым и мертвым инвентарем немедленно передаются без всякого выкупа (явного или скрытого) трудовому народу».

С декретом одновременно Воззвание: «Товарищи и братья, азербайджанские крестьяне — азербайджанцы, русские, армяне, грузины и все, добывающие в поте лица свой незапятнанный

честный хлеб. Пробил уже час, когда вы стали полными господами своего труда, полными хозяевами своей земли, которую вы любите, которой клянетесь, которая дает вам счастье и горе, смех и слезы».

Тогда же, в мае, приняты декреты:

— Отмена сословных и религиозных привилегий и каких-либо ограничений по национальному признаку.

— Полное равноправие женщин. Открытие Центрального женского клуба для мусульманок в Баку.

— Свобода слова, печати и совести.

— Национализация (вторичная, в первый раз это успела сделать Коммуна) нефтяной промышленности. Более двухсот пятидесяти промыслов и заводов. Нефть, все, что связано с ней, само собой, предмет особой заботы. Еще до отъезда Нариманова из Москвы, сразу после встречи с ним, Ленин в поздний час ночи вызывает к себе инженера Александра Серебровского. Хорошо ему знакомого по меньшей мере пятнадцать лет. В Петербурге Серебровский — слесарь, в Баку — монтер, на КВЖД — путевой обходчик, в Одессе, в Иваново-Вознесенске — рабочий механических мастерских. Разные фамилии, паспорта, служебные обязанности. Единственно неизменное — большевик. Партийный организатор.

В 1908 году побег с каторги за границу. Разговор с Владимиром Ильичем:

— Сколько вам лет, Александр? Двадцать пять? Поступайте учиться…

Александр Павлович кончает высшее техническое училище в Бельгии. С дипломом инженера-механика возвращается в Россию. Снова нелегальная революционная работа в Москве, в действующей армии. В октябре Серебровский в Петрограде. Член коллегии Народного комиссариата торговли и промышленности. С января восемнадцатого — красногвардейские отряды, Красная Армия. Руководство Центральным правлением артиллерийских заводов.

По всяким причинам приходилось бывать у председателя Совнаркома. Потому и на этот раз ночной вызов в Кремль не удивил.

Ленин пожал руку. Пододвинул кресло. Будто продолжая какой-то давний разговор, осведомился:

— Как вы относитесь к нефти?

Ответ задержался. Владимир Ильич ждать не стал. Очень просто произнес:

— Вы намечены председателем Азербайджанского нефтяного комитета. На сборы сегодняшняя ночь. — И повел обычный

деловой разговор. С чего Серебровскому начинать, какими правами он облечен, какую помощь он получит от Азербайджанского ревкома, Каспийской военной флотилии, Реввоенсовета 11-й армии. Конечно, после того, как Баку освободится.

Александр Павлович спохватился: действительно, в Баку еще англичане и мусаватисты, а Владимир Ильич толкует о возрождении нефтяной промышленности, её будущем… Ленин улавливает недоуменный взгляд Серебровского. Улыбается.

— Думаю, что вы попадете вовремя!..

В Баку Серебровский добирается за два дня, или, лучше, за сорок восемь часов до подписания Наримановым декрета о национализации.

Так о следующих декретах.

— В собственность народа передаются леса, воды и недра земли.

— Отделение школы от мечети и церкви. Преподавание на родном языке.

— Вербовка добровольцев в Азербайджанскую Красную Армию. Формирование интернациональных стрелковых полков имени Ленина и «Красный Восток».

— Упразднение всех старых судебных установлений. Создание народных судов. «Безусловно допускается судоговорение на всех местных языках».

Были и начинания, хлопоты Ревкома, не оглашенные до времени.

«Дорогой товарищ Ленин! Все идет хорошо, но продовольственный вопрос затрудняет. Мы сейчас не можем вести правильную продовольственную политику. Нельзя ли на Северном Кавказе выделить для нас известный участок для сбора хлеба. Тогда твердой рукой можно будет проводить все. Подробный доклад о положении дел пришлю с курьером.

С коммунистическим приветом *Н. Нариманов*».

Четвертого июня все, что связано с продовольственным положением Баку, обсуждает Совет Труда и Обороны под председательством Ленина. Эшелонам с хлебом «зеленая улица». Продвигают их из Ставрополья, с Дона, с Нижней Волги вне всякой очереди. По правительственным телеграфным линиям передано строгое требование Владимира Ильича: «…каждые пять дней давать Наркомпроду (копией Совобороны) исчерпывающие данные о ходе погрузки, отправки, прибытия продовольствия в Баку».[85]

«…Дорогой Владимир Ильич! Прошу Вас лично принять тов. Севостьянова[86] и выслушать его о Шолларском водопроводе,

имеющем для нефтяной промышленности огромное значение.

Н. Нариманов».

Сооружение водопровода началось еще в 1911 году. В войну все было заброшено, запущено, совершенно разрушился бетонный водовод. Город и промыслы в отчаянном положении. Нариманов обращается за помощью в испытанный адрес… По настоянию Ленина Особая комиссия по золотым запасам РСФСР выделяет несколько сот тысяч рублей — все необходимое для Шоллара срочно заказывается в Германии.

…«Председателю Совнаркома товарищу Ленину.

Ввиду крайней нужды Ревком просит о присылке в адрес Азербайджанского Наркомпроса нескольких пароходов строительного леса для ремонта школьных зданий и школьной мебели.

Н. Нариманов».

Пароходы приходят.

И еще дела, по понятию председателя Ревкома, также совершенно неотложные.

Восстановительные работы во дворце ширваншахов. Строго говоря, ансамбль дворца — изумительное строение XV века никогда не оставалось вне внимания властей. Кто помещал во дворце склады артиллерийских снарядов, кто обращал в «присутственные места» и покрывал зеленой масляной краской тончайшую резьбу на камне… По замыслу Нариманова, дворец должен был стать архитектурно-историческим музеем.

…Дополнительный прием студентов на медицинский, естественный и историко-филологический факультеты Бакинского университета.

…Издание научно-политического и литературного журнала «Фугара фиюзаты» — «Пролетарское благо».

…Ко всему вроде бы совсем частное. Рассказ Александра Аркадьевича Белубекова, потомственного бакинского нефтяника:

«Однажды у Сабунчинского вокзала я сел в конку. Осторожно раскрыл книжку. Осторожно — потому, что в те времена не принято было читать открыто Чернышевского. Вдруг слышу обращенное ко мне: «Что делать?» — очень полезное произведение!»

Я обернулся, с трудом скрывая волнение. Смуглое лицо, широкий лоб, открытый взгляд и улыбка незнакомца, заглянувшего в книгу через мое плечо, располагали к доверию. «Нет, это честный человек, — подумал я. — Наверное, тоже читает». Не колеблясь представился, дал свой домашний адрес. По записи в дневнике определяю, что это было 25 ноября 1908 года.

Со временем мимолетная встреча забылась. И вот спустя много лет я вдруг получаю домой письмо в большом конверте с надписью: «Правительственное». На бланке Азербайджанского Ревкома приглашение прийти.

Мать подготовила мой единственный костюм, и утром я пошел, так и не понимая, зачем понадобился. Дежурный показал мне, где кабинет Председателя. Я вошел и глазам своим не поверил. Из-за стола направился мне навстречу мой когдатошний спутник по конке. Это оказался Нариман Нариманов.

— Мы подбираем людей для работы на культурном фронте, — обратился ко мне Председатель после взаимных приветствий и расспросов. — Расскажите, чем сейчас занимаетесь, читаете ли по-прежнему Чернышевского?

Через небольшое время я стал заведующим культотделом союза нефтепромышленных рабочих. Когда очень не клеилось — обращался за помощью к тому же Нариманову».

И на все, что делается в Баку, взгляд, как говорится, со стороны. Повышенно внимательный. Персидская чрезвычайная миссия наркоминделу Чичерину через командира крейсера «Роза Люксембург»: «Ввиду идеального порядка, царящего в Баку и среди Красной Армии, каковую Персидская Миссия приветствовала при ее вступлении, Персидское Правительство стремится к скорейшему заключению договора как с Азербайджанским, так и с Русским Правительствами… Декрет, провозглашающий Азербайджанскую Советскую Республику, вызвал восторг как со стороны Правительства, так и со стороны персидского народа, так как этот декрет подтверждает мысль, что Советское Правительство действительно стремится к освобождению и восстановлению прав малых народностей…»

Восторга тем больше, что в одну из коротких майских ночей корабли Каспийской военной флотилии внезапно снялись на юг — к берегам Персии. На предмет… Многое будет зависеть от благоразумия англичан. Покидая теперь уже навсегда Азербайджан, они по-пиратски очистили торговые склады, заграбастали все, что было на плаву, — танкеры, сухогрузные баржи, пароходы, рыбницы покрупнее. При правительстве «Мусавата» сошло бы…

Снаряжать карательные экспедиции по британскому образцу ни комиссар по военно-морским делам Чингиз Ильдрым[87] (в переводе на русский «ильдрым» — «молния», что вполне отвечает его характеру), ни уравновешенный, внешне спокойный в любых обстоятельствам председатель Ревкома Нариман Нариманов не стремятся. Только… Что принадлежит республике, народу, обязательно должно быть возвращено.

Ходу до Энзели немного. В назначенный час десантный отряд высаживается на берег. Дороги перерезаны. Город окружен. По определению, не скрывающих своей радости персиян англичане в плену, главный их сердар просит милости у советских!

«Главный сердар» — генерал Чэмпейн принимает условия. Суда, грузы — все похищенное возвращается законному хозяину — Азербайджану. В наказание за прошлый разбой англичане отдают свои гидросамолеты, пушки, снаряды, военное снаряжение, припасенные в Энзели. И в продиктованный срок убираются с персидского побережья Каспия.

Все. Флотилия, расцвеченная пестрыми флагами, возвращается в Баку. Большинство кораблей — «мощные «дредноуты», «грозные эсминцы» освобождаются от орудий, от броневых листов, превращаются в безотказных работяг. «По горло» загруженные нефтью, бензином, смазочными маслами, устремляются на Волгу, в глубь России. Наконец-то!

Осенью, на исходе навигации, Владимир Ильич радостно объявит: «…у нас свыше 100 миллионов пудов нефти из Баку… в Иваново-Вознесенской губернии, где несколько лет стояли фабрики, наводя уныние на всех рабочих, теперь фабрики снабжены топливом и начинают действовать».[88]

В Азербайджане вздох облегчения. Важнейшая новость обходит газеты. «Из Советской России доставлено один миллион 200 тысяч метров мануфактуры Иваново-Вознесенских фабрик». То, что Нариманов удовлетворенно называет «непрерывностью сотрудничества».

25

Год тот же — девятьсот двадцатый. Июнь, восемнадцатое число.

Решение Политбюро ЦК РКП (б):

«Одобрить в принципе созыв III Интернационалом в Баку съезда восточных народов, запросив по данному вопросу т.т. Нариманова и Сталина. Полученные ответы обсудить в Политбюро».

Ответы достаточно положительные.

Делегаты идут по горным тропам, пробиваются сквозь джунгли и песчаные барханы в глубинах Азии, Африки. Переплывают реки на самодельных плотах. За ними охотятся политическая полиция и разведка многих стран, британский флот, военные корабли Врангеля.

На рейде в Энзели самолеты «неизвестного государства» сбрасывают бомбы на пароход «Курск», с которым следуют представители Ближнего Востока. Двое убиты, многие ранены. В Трапезунде делегатов Анатолийского побережья Турции выручает… точнее слова не подобрать… неистовый затяжной шторм. Представляется возможность, покуда английские сторожевики отстаиваются в портах, рискнуть жизнью — выйти на фелюгах, на парусниках в бушующее море… Сколько еще погибнет на обратном пути, угодит в тюрьму, на каторгу по возвращении на плененную чужеземцами родину!..

К исходу августа до Баку добирается 1891 делегат. От мусульман Туркестана, Хивы, Бухары, Северного Кавказа, Башкирии, Поволжья — независимых, советских. От взбудораженных, бурлящих Персии, Турции, Армении, Индии, от Афганистана и Китая, от арабов и курдов, от колоний Великобритании, Франции, Голландии, Бельгии, Италии, Португалии. От 37 национальностей. Коммунисты и члены крайних националистических партий. Бедняки из бедняков и владетельные князьки, ханы, священнослужители.

В разгар жарких дебатов будут обязательные перерывы для свершения правоверными утреннего, полуденного и вечернего намаза. Будут клятвы на обнаженных клинках и кинжалах: «Победа или смерть!» Овация в честь женщин-делегаток, только что на глазах у всех сбросивших чадру. Будет открытие первого на Востоке памятника Карлу Марксу. И обнадеживающее слово Нариманова: «Сегодня на мою долю выпало счастье открыть первый невиданный, неслыханный в мире съезд народов Востока!.. Седой Восток придет к одному заключению, именно

объединенной силой свалить, разорвать цепи…»

Объединенной силой! Ближе к рассвету 1 сентября делегаты съезда и депутаты Бакинского Совета встречают поезд с посланцами рабочих партий Западной Европы, Соединенных Штатов Америки, Австралии, Японии. «Впервые в истории, — удовлетворенно напишет великий вьетнамец Хо Ши Мин, — пролетарии стран-победителей и пролетарии стран-побежденных братски протянули друг другу руки и вместе занялись поисками путей для успешной борьбы против империализма — их общего врага».

С вокзала шествие направляется в Азербайджанский оперный театр — продолжить работу. В четыре часа двадцать минут утра председательствующий просит «оказать внимание нашему американскому брату».

Высокий, худощавый, большеглазый, юношески порывистый, он называет себя Джон Рид, репортер революции.

— Вы, народы Востока, народы Азии и Африки, еще не испытывали на себе власти Америки. Вы знаете и ненавидите английских, французских и итальянских империалистов и, вероятно, думаете, что «свободная Америка» будет лучше управлять, освободит народы колоний, будет их кормить и защищать. Нет. Рабочие и крестьяне Филиппин, народы Центральной Америки, островов Карибского моря — они знают, что значит жить под властью «свободной Америки».

Как только рабочие Кубы пытаются избрать правительство, которое не в интересах американских капиталистов, Соединенные Штаты посылают солдат на Кубу, чтобы заставить народ голосовать за своих угнетателей.

…Американская буржуазия никогда не нападает открыто на страну, которую хочет подчинить своей власти: свое проникновение она начинает с того, что носит лицемерное название «помощи» отсталым странам. С таким же успехом палач мог бы заявить, что он «помогает» осужденному на смерть взобраться на эшафот.

Американский посланник в Турции господин Штраус, сам миллионер, который эксплуатирует в Штатах тысячи рабочих, предложил послать весь армянский народ в Америку. Но его план состоял в том, чтобы заставит армян работать на американских фабриках и доставлять дешевый труд с целью увеличить прибыли господину Штраусу и его друзьям.

Что Америка сделала для армян, помимо голословных деклараций? Ничего. Я находился в Константинополе в то время, в 1915 году, и знаю, что миссионеры отказывались серьезно протестовать против зверств, говоря, что у них очень много

имущества и собственности в Турции, и не желают поэтому обижать власти.

Помните, товарищи, дядя Сэм никогда не дает чего бы то ни было даром. Он является с мешком, набитым соломой, в одной руке и с кнутом в другой.[89] Тот, кто примет обещания дяди Сэма за чистую монету, тот вынужден будет платить за них потом и кровью. И мы, революционные американские рабочие, говорим вам, народы Востока: «Есть только один путь к свободе. Объединяйтесь с русскими рабочими и крестьянами!..»

После Джона Рида англичанин Гарри Квелч, француз Поль Россмер, индус Фазма Кадыр, венгр Бела Кун, азербайджанец Дадаш Буниатзаде… Еще семь дней, вечеров, ночей удивительного съезда. Ознакомление с тезисами доклада Ленина по национально-колониальному вопросу на недавнем конгрессе Коминтерна[90]. Принцип, положенный Владимиром Ильичем в основу, как фундамент всему зданию: «…обязательность для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относится с особенной осторожностью и с особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях, равным образом обязательность идти на известные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков… Идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»[91].

Пленарные заседания, секции по аграрному вопросу, национально-колониальному, по проблемам будущего государственного устройства стран Востока. Обстоятельный реферат Нариманова: «Грядущее за Коммунизмом — счастливым царством труда, равенства и всеобщего благополучия». Консультации по темам: «Кто такие большевики», «Империалистическая и гражданская война», «Разрешение земельного вопроса Советской властью и отношение Советской власти к мелкому землевладению», «Разрешение национального и религиозного вопроса пролетарской властью», «Колониальная политика Антанты на Востоке», «Национальная революция на Востоке и классовая война на Западе», «Турция, Персия, Армения, Индия и революционное движение в Азербайджане».

И практический урок, преподанный жизнью. Мучительно сжимающий сердце. В гавани осторожно причалил пароход с найденными в песках Закаспия останками комиссаров Коммуны. Прекратили работу все промыслы, заводы, фабрики. Молчаливые колонны переполняют пристань. На крышах и карнизах домов, на балконах, на деревьях — всюду люди. Члены Ревкома

Азербайджана, делегаты и гости съезда, старики рабочие, многие годы дружившие с Шаумяном, Джапаридзе, Азизбековым, Фиолетовым, передают из рук в руки гробы. Двадцать шесть гробов! Траурная процессия движется по главным улицам к площади Свободы, к месту погребения.

От победившей Революции, от Республики, от Народов Востока говорит Нариманов. Говорит и плачет, плачет и говорит: «Сейчас мы предаем земле Советского Азербайджана наших лучших, дорогих товарищей… Эти стойкие, честные герои пали от руки Англии, той Англии, которая всегда твердит о своей человечности… Вот результат этой человечности!.. Сегодня судьбе угодно было продемонстрировать эту человечность перед Востоком. Пусть Восток знает о ней. Но знайте, что приближается час возмездия. Вчера Восток дал клятву объединенными силами свалить этих мировых разбойников. И в скором времени проснется седой Восток и со своих плеч сбросит гнет… Спите, дорогие товарищи! Идеи, за которые вы боролись, воссияют ярко по всей земле!»

И неожиданности, в какой-то мере обусловленные пестрым составом делегатов:

…Демарш пятидесяти пяти женщин — участниц съезда. От всех от них выступает Наджия Ханум, турчанка.

«Выслушайте наши требования и окажите нам действительную помощь и содействие: 1) полное равноправие, 2) обеспечение женщин безусловным пользованием мужскими просветительными и ремесленными учреждениями, 3) равенство прав брачующихся сторон, 4) безусловное допущение женщин к службе в законодательных и административных учреждениях, 5) повсюду, в городах, местечках и селениях должны быть учреждены комитеты прав и охраны женщин.

Коммунисты, признавшие за нами равное право, протянули нам руку, и мы, женщины, будем самыми верными их спутницами».

Мужчины дружно вскакивают на стулья, потрясают кинжалами, иные восторженно стреляют в потолок. Наджию Ханум, двух ее подруг из Азербайджана и Дагестана избирают в президиум — наглядное свидетельство полнейшего равноправия…

…К председательствующему в выражениях почтительных и цветистых обращается… Энвер-паша. Обладатель наивысших чинов и неограниченной власти в Оттоманской империи, ее военный министр, к тому же зять халифа — духовного повелителя всего мусульманского мира. Сейчас неистовый паша, организатор оккупации Азербайджана, рекомендуется более

соответственно моменту: «Представитель союза революционных организаций Марокко, Алжира, Туниса, Триполи, Египта, Аравии и Индостана». Посему Энвер-паша желает взойти на трибуну.

Ему не препятствуют — нет смысла сотворять из авантюриста великомученика. Не слишком долгое время спустя он объявится в Бухаре, провозгласит себя «главнокомандующим всех войск ислама». «Энвер, — заверит Лондон британский генеральный консул в Кашгаре Эссертон, — намечает создание великого мусульманского государства в качестве буфера против России. Под его зеленым знаменем более пятидесяти тысяч фанатиков…» Авантюра есть авантюра. В бою у кишлака Оби-Дора, вблизи афганской границы, пули настигнут Энвер-пашу. Поставят заключительную точку. Сейчас он еще в роли кающегося грешника. «Нас использовали германские империалисты для своих разбойничьих целей… Мы считаем, что Азербайджан принадлежит азербайджанцам. Если мы попадали в ложное положение, то это была наша беда. Мы жаждем искупить свою невольную вину…»

Съезд тут же тактично постановляет: «Проявлять крайнюю осторожность по отношению к тем, кто в прошлом вели бойню турецких крестьян и рабочих в интересах, одной империалистической группы».

Последние часы. Плотные сумерки 7 сентября. Съезд принимает Манифест к народам Востока. Воззвание к их союзникам в долгой геройской борьбе за освобождение — трудящимся Европы, Америки, Японии. В обоих обращениях клич вольнолюбивых «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» дополнен. Придан ему смысл особый… такого никогда раньше не было!.. «Пролетарии всех стран и угнетенные всего мира, соединяйтесь!» Снова дерзко будет повторено на русском, турецком, персидском, арабском языках в следующем месяце в журнале Совета пропаганды и действия народов Востока. Журнал так и называется: «Народы Востока». А в Совете, в узком из девяти человек Президиуме главенствует Нариман Нариманов. Стало быть…

«Кто-то из товарищей, — скажет Ленин на собрании актива Московской партийной организации, — спрашивал: «Когда же Исполком[92] распоряжался, чтобы менять лозунги». Я действительно этого не могу припомнить. Конечно, с точки зрения «Коммунистического Манифеста» это неверно, но «Коммунистический Манифест» писался при совершенно других условиях, но с точки зрения теперешней политики это верно»[93].

Поддержка со стороны Владимира Ильича полная. По всему видать, что съезду в Баку он придает непреходящее огромное

значение. С ним связывает многое в перспективе — «От вовлечения в политическую жизнь трудящихся масс Востока зависит теперь в громадной степени судьба всей западной цивилизации»[94].

По его, Ленина, рекомендации ЦК приглашает в Москву внушительную группу участников съезда — представителей Индии, Китая, Турции, Персии, Туркестана, Бухары, Кавказа, Семиречья, нескольких других стран. Их сообщения подробнейшим образом обсуждает Политбюро. Ленин пишет проект постановления о задачах Российской Коммунистической партии в местностях, населенных восточными народами. Четырнадцатого октября Политбюро проект одобряет. На следующий день Владимир Ильич выступает перед председателями уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии:

«Что сделали съезд коммунистов[95] в Москве и съезд коммунистических представителей народов Востока в Баку, — этого нельзя сразу измерить, это не поддается прямому учету, но это есть такое завоевание, которое значит больше, чем другие военные победы, потому что оно показывает нам, что опыт большевиков, их деятельность, их программа, их призыв к революционной борьбе против капиталистов и империалистов завоевали себе во всем мире признание, и то, что сделано в Москве в июле и в Баку в сентябре, еще долгие месяцы будут усваивать и переваривать рабочие и крестьяне во всех странах мира»[96].

Появятся и строки Хо Ши Мина: «После исторического съезда, несмотря на внутренние и внешние трудности, революционная Россия, ни на минуту не задумываясь, пришла на помощь народам Востока, которые она уже одним фактом своей победоносной революции пробудила от летаргического сна».

В лагере противоборствующем это воспринимается крайне чувствительно.

Парижская газета «Тан»: «Ленинская пропаганда продвигается к проливам и Персидскому заливу такими уверенными и быстрыми шагами, какими никогда не продвигались армии царя, ибо Ленин идет навстречу чувствам и желаниям мусульманского мира, тогда как цари лишь оскорбляли эти чувства и пытались унизить, подчинить себе мусульманский мир. При этом с царем можно было заключить соглашение, можно было отдать половину Персии, часть Турции, остальное Европе забрать себе. Тогда как власть большевиков — сила освобождения Востока».

Английская «Манчестер гардиан»: «Большевики укрепились в

Азербайджане, столица которого Баку служит Центром политической пропаганды в Персии и областях к востоку от Каспийского моря. Наконец, совсем недавно в Баку под руководством большевиков состоялся съезд народов Востока, который объявил священную войну Западной Европе. Весь Восток накануне взрыва, в Персии развивается большевистское движение, в Месопотамии вспыхнуло восстание, во всех городах разгорается трудно сдерживаемое революционное движение».

Столичная — лондонская «Дейли геральд», основательно выбранив Антанту за ограниченность и даже скаредность, поскольку «первоначальный план заключался всего лишь в использовании Грузии и Армении для завоевания Баку», настаивает на решительных мерах. «Нужно признать Кемаля, дать ему компенсацию… и он согласится выгнать красных из Баку».

Не согласится! Только что произошел обмен посланиями между Нариманом и Мустафой Кемалем. «Мусульманские коммунисты, — сообщал Нариманов, — будут прилагать все усилия для победы турецкого национального движения». Ответ Кемаля: «Телеграмма рабочих и крестьян братского Азербайджана по поводу героической борьбы народов Анатолии за свободу и самостоятельность получена с величайшей радостью… Считаю себя счастливым принести искреннюю признательность независимому населению Азербайджана».

26

Из разговоров в домашнем кругу.

Сестра Нариманова Сакине с повышенным интересом спрашивает:

— Нариман, ты ходишь в мечеть? Да?!

— Стараюсь бывать.

— Люди говорят, что ты приказал в Магеррам[97] отпустить правоверным чай и сахар?

— Что возможно, мечети получат.

— А раньше ты говорил, большевики мечети не признают. Помнишь, да?

— Эх, сестра! Ты не понимаешь, зачем я хожу. В мечетях бывают люди, которым больше всего требуется правдивое слово. Я слушаю их разговоры, беседую с ними. Иногда произношу маленькую речь… Со мной, возможно, многие не согласятся, но я придерживаюсь этого и повторяю, что человек, если только он не лишен нормального мозга, если он не идиот, его можно убедить, он в состоянии понять истину.

Продолжение, развитие его мысли находим на ломких страничках небольшой книги с выцветшими буквами: «Поездка председателя Азербайджанского революционного Комитета тов. Нариманова по Азербайджанской республике (30 сентября — 14 октября 1920 г.). Баку, 1921. В личной библиотеке Ленина она под порядковым номером 3513[98]. Наугад — страница десятая.

«ГЯНДЖА.

По-видимому, тут существовала большая подавленность и непонимание текущего момента. В темную массу, вовлеченную в мае беками и другими врагами Советской власти, в злую авантюру пытались бросить факел национальной розни, возбудить в сердцах недобрые чувства против истинных освободителей.

Истолковать всю правду тем, кто тянул лямку беспросветного рабства, кто мучительно страдал и видел в этом промысел Божий — эту благодарную, но трудную задачу взял на себя Н. Нариманов. Оба выступления его в городском саду и в мечети оставили неизгладимое впечатление. Не было митинга в тесном смысле слова, не было пафоса, легкомысленного эффекта. Нариманов, как глубокий психолог, тонкий знаток народной души, шаг за шагом подходит, подпиливает стропила и подпорки, на которых держится кромешная тьма деревни. Тут не было прямых вызовов искоренять ставленников проклятого прошлого, низвести вчерашних, угнетателей на положение сегодняшних

слуг, не было призывов к мести. Одними призывами не поднимешь уровень сознания темного крестьянина. Необходимо просто и наглядно представить ему, отчего все в его жизни происходит.

Когда Нариман Нариманов искренно и правдиво описал причину бедности, ужасной тьмы, рабской психологии как результат вековой подъяремщины во славу хано-бекского могущества и для сравнения обратился к истории народов, успевших сбросить с себя цепи крепостничества, в замершей от глубокого внимания массе все сразу зашевелилось, онемевшие позы сменились нервными движениями. Все заклокотало, забурлило и засуетилось.

Из груди простолюдина исторглись вздохи, перешедшие в неистовые крики. Это был момент перерождения человека. Пережитые минуты явились живым протестом против тех, кто считал азербайджанского крестьянина апологетом незыблемой старины, неспособным воспринять идеи нового мира.

Кулаки, мироеды, сумевшие ловким путем вкрасться во вновь возникшие учреждения, овладевшие аппаратом управления на местах на несчастье бедноты, — тут на наших глазах были выданы. Эти всесильные владыки деревни после бичующих, поразительно уничтожающих прошлый уклад наставлений, словно вкопанные стояли жалкие, обезличенные, как будто перед карающей десницей правосудия… В сгущенной атмосфере слышалось судорожное биение сердец. Вот-вот разразится гроза. И что же? В бывшем стане «Мусавата», где пролилась кровь невинных из-за провокаций врагов трудящихся, после речи Нариманова вся толпа слушателей загудела. Возбуждение было слишком велико.

«Дорогой Нариман, где ты был в мае, когда нас враги жестоко обманывали?», «Будь ты здесь, ничего плохого не случилось бы», «Мы только сегодня узнали правду!», «Клянемся, что по первому твоему слову мы все, даже женщины, дети, как один человек пойдем за тобой!»

Такие слова перелетали от человека к человеку. Тут не было легкомысленного возбуждения. Была глубокая вера в своего Нариманова.

…История революции на Востоке запишет Н. Нариманова как создателя трибуны в мечети для пропаганды идей коммунизма в той среде, где испокон господствовала власть старых традиций, верований. Вот в эту аудиторию, что до сих пор была центром схоластики и религиозных догм, влита новая, бурлящая струя жизни. Мечеть невольно становилась институтом социального знания, инициатором и смелым директором которого является

Нариман Нариманов…»

Все отношения с весьма разношерстной, легко воспламеняющейся крестьянской массой — она в республике ощутимо преобладает — Наримановым строятся на полном доверии. Взаимном. Случай, им радостно рассказанный на Биби-Эйбатских промыслах. В селении Агдаше подходит к бакинским работникам Ревкома старик лет семидесяти.

— Гордо смотрит на нас, — передает Нариманов. — Спрашивает: «Кто здесь Нариман?» — «Я». — «А, ты! Что же ты мне ничего не дал?» — «Да, ничего не дал». — «Еще обобрал меня. У меня были коровы, ты отнял. Но, ты надейся, я пойду за тобой!» — «Почему ты так говоришь? Я ничего не дал тебе, еще обобрал, какой же я тебе защитник, зачем за мной пойдешь?» — «Знаешь, раньше, когда я утром просыпался, была проклятая обязанность: пойти к беку кланяться, гнуться, как деревцо на ветру, чтобы что-то получить, какого-то наказания избежать. Теперь, когда я просыпаюсь, открываю глаза, этой обязанности нет, кланяться мне не надо. Я чувствую себя царем на своей веранде. Хочу беком, хочу ханом! Понял, да? Куда ты, туда я за тобой!»

Ни заигрываний, ни посулов, тем более лицемерия. Пусть самая горькая, суровая, только правда. Та же поездка. Дальний Казахский уезд, пограничный с еще бедствующими под властью меньшевиков и дашнакцаканов Грузией и Арменией. Слово Нариманова многотысячной толпе:

— Я должен вам сказать, что вы являетесь причиной многих ненормальностей, несправедливостей при продовольственной разверстке и других обид. Все это происходит от непонимания предначертаний Советской власти, ее законов… Вы выбираете в Ревком сыновей какого-нибудь гаджи, и они вас душат и разоряют. Когда вы очнетесь и сознаете свои верховные права? Неужели вы думаете, что эти душители народа посмеют явиться ко мне с жалобой на вас? Они прекрасно знают, что если явятся ко мне, то их ждет суровая кара правосудия.

Освободите ваши уши от пробок, откройте свои глаза и поймите свои права. Мы предоставляем вам решать на месте свои дела. Таково подлинное требование Советской власти. Скоро будут назначены выборы, в которых должна будет участвовать вся азербайджанская беднота. Представители всего азербайджанского трудового народа съедутся в Баку, будут заседать и создавать законы. Только тогда в Азербайджане будет избранное правительство.

Помните, вы крестьяне-земледельцы и вы бедный люд. Я заклинаю вас выбрать тех, которые до сих пор знали одни

страдания и тяжелый труд. Пусть они даже поражают своей жалкой внешностью. Пусть это вас не смущает. Они будут иметь там помощников. Иди смелее, заседай, приказывай, а я буду исполнять твою волю. Когда кончатся выборы и вы будете иметь верховное учреждение, которое издаст законы и поведет вас по пути строительства, вы тогда поймете, насколько я был прав. Тогда вы убедитесь, что вам не по пути с кулаками и буржуями. Да к чему они способны, разве они могут обработать землю и накормить голодных? Бот вы, сыны земли, богатые опытом и практикою, создадите действительное царство труда, в котором найдут благоденствие все бедные.

Я чувствую и переживаю ваши страдания. Не горюйте, подымите выше голову и смотрите смелее будущему в глаза. Скоро на вашей стороне будет праздник!..

Участник поездки нарком земледелия Самед Агамалиоглы как бы подводит итог: «Аппарат Советской власти еще налаживался, продолжалось господство молл, из которых многие почитались как подлинно священные особы… Мусаватская реакционно-националистическая партия, притаившись по углам, выжидала момента для выступления. Давали себя чувствовать последствия кровавых межнациональных столкновений и боев. Хозяйство было разрушено, продовольственный кризис во всей силе. Вот та обстановка, в которой предпринята поездка «в народ».

Везде и всюду встречи с Нариманов неподдельно искренни. Быстро возникали огромные митинги и собеседования в мечетях. Во всех случаях Нариманов умел находить подлинно доступный и понятный массам язык и удачно разбираться в поставленных вопросах. Авторитет и влияние его не переоценить. Поездка, несомненно, имела огромное значение для укрепления нового строя».

Он верен себе и на еженедельных встречах — беседах с рабочими нефтяных промыслов, заводов. Ни заигрывания, ни посулов, тем более недомолвок. Понравится или нет, а будет в полный голос сказано в Черном городе, где он врачевал еще до революции: «Нечего, прохлаждаясь в тени, шепотом осуждать комиссариаты, комиссаров! Вы не шептуны, не базарные завсегдатаи. Ваша власть, вы во главе, вы сила. Не годится кто-либо, долой его, выбросьте, вычеркните!»

На равных правах обсуждается решительно все.

— В России у буржуев отобрали их дома в пользу народа, почему в Баку не даете приказа?

— Декрет есть, твердости нам, Ревкому, не хватило. Ограничились реквизицией домов, что особенно бросались в

глаза на центральных улицах. На том переселение остановили. Из опасения ненужных осложнений, особенно в мусульманской части города. Обещаю, возьмемся!

…- Почему не разрешают вывозить из Азербайджана самовары, швейные машины, керосинки?

— Исключительно по крайней нашей бедности. Мы получили Азербайджан в таком мертвом виде, он весь разрушен, обобран.

…- Почему инженерам прибавляют жалованье, а рабочим нет?

— Не всем инженерам, только иностранцам. Прибавляем ради спасения промыслов. Иначе при всех стараниях жизнь на лад не пойдет. В депеше, полученной Ревкомом от нашего товарища Владимира Ильича Ленина, мы ее напечатаем во всех газетах, яснее ясного все сказано. Слушайте: «…Ввиду чрезвычайного для советских республик значения нефтяной промышленности, необходимо полное обеспечение ее техническими силами. Задерживать иностранцев против воли нельзя. Почему Вам надлежит, не останавливаясь перед отступлением от обще-проводимых норм, обеспечить наиболее крупных специалистов жилищными, (а) также продовольственными условиями, гарантирующими их работу у нас. (В) отдельных случаях придется согласиться (с) выдачей особо крупным специалистам части вознаграждения иностранной валютой… Ответственность (за) сохранение (в) нефтепромышленности специалистов всецело возлагается на Вас. Сообщите вполне точно, что именно Вы сделали для этого»[99].

Ошибиться трудно. Даты, как вешки в горах, надежно ведут. Четырнадцатого октября Нариманов возвращается в Баку из своей трудной поездки по республике. Шестнадцатого открывается II съезд Коммунистической партии Азербайджана. Его доклад «О текущем моменте и задачах партии». Среди решений важнейших, неотложных: закрепление союза бакинских пролетариев с трудовым крестьянством (полностью отвергнут вымысел поклонников Троцкого о том, что Советской власти будто бы не на кого опереться, кроме как на нефтепромышленных рабочих, остальные-де слои населения в Азербайджане, особенно сельского, контрреволюционны, их следует непрестанно карать).

Классовое расслоение в деревне, считает съезд, надо ускорить — обеспечить больше реальных прав комитетам бедноты, завершить экспроприацию ханов и беков[100]. Реальное положение вещей подсказывает отмену государственных заготовок хлеба во всех уездах, за исключением Ленкоранского и Джеватского, где запасы товарного зерна достаточно велики.

Без задержки — в ноябре — написанное рукою Ленина постановление Политбюро:

«Поручить Компроду, как важнейшую политическую и экономическую задачу, снабжать Баку обязательно и аккуратно продовольствием в 100 % нормы.

Продполитику в Азербайджане смягчить, именно: с крестьян в Азербайджане, за пределами Мугани, вовсе не брать хлеба, а в Мугани брать архиосторожно.

…Всемерно усилить пропаганду, агитацию, развитие комбедов и вообще совстроительство в Азербайджане, поручив для этого т. Сталину через Оргбюро выудить отовсюду максимальное количество мусульман-коммунистов для работы в Азербайджане»[101].

Еще задача масштаба более скромного, но весьма-весьма жизненная.

«т. Брюханову

т. Нариманов поднимает спешный вопрос о крайней необходимости выдачи известного количества мануфактуры Азербайджану.

Прошу Вас *завтра* созвать совещание об этом с тт. Нариманом, Рыковым и Сталиным.

Пред. СНК *В. Ульянов (Ленин)».*

Над текстом в уголке записки Владимир Ильич позднее допишет: «Брюханов сговорился с Нариманом»[102].

Пройдет время…

В мае двадцать первого года состоится Всеазербайджанский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и матросских депутатов. Будет избран Центральный Исполнительный Комитет, образовано правительство республики — Совет Народных Комиссаров под председательством Наримана Нариманова. В газетах появится первый отчет Совнаркома. В нем строки:

«После отмены остатков продовольственной разверстки и разрешения в известных пределах свободной торговли я обратился с призывом к нашим крестьянам, чтобы они пришли на помощь изголодавшимся рабочим. Я просил по возможности давать один чанаг с хозяйства. Чанаг — это 20 фунтов.

Вчера Агамалиоглы сказал, что я по вдохновению заговорил о чанаге. Быть может, что это так. Важнее, каков был ответ крестьянства. «Наша совесть не успокоится, пока не внесем своей лепты… Мы должны участвовать в этом деле… — гремело в республике». Где нет хлеба, предлагали баранов, рис, а когда объясняли, что этого не нужно, сельчане настаивали и доставляли

продукты сюда, в Баку.

Как-то недавно пришлось подниматься вверх по Куре. По обоим берегам стояли женщины с красными флагами и возвещали, что чанаг готов. Сколько мы соберем, не так уж существенно. Может быть, сто тысяч пудов. Главное — это пробуждающееся сознание крестьянской массы. Рука, протянутая на дружбу рабочему».

И Нариманов повторит в письме Серго Орджоникидзе: «В настоящее время рабочие в Баку имеют теснейшую связь с крестьянством. Крестьяне Азербайджана теперь понимают, что необходимо помочь рабочим, т. к. эти рабочие являются причиною их *освобождения* (черными чернилами подчеркнуто Наримановым. — *И. Д.-М.)*. Нужно только это положение поддержать, углублять».

27

Закон извечный, суровый: для первовосходителей наилучший путь к вершине тот, что с меньшими издержками, трудностями открывается лишь с уже взятой ими высоты. До того, случается, сбивают с толку тропы, ведущие в никуда, с которых неизбежно шагать вспять. Так и при разногласиях, что нет-нет возникают при становлении Азербайджана — первой самостоятельной Советской республики во всем мусульманском мире. В сложной и напряженной обстановке тех лет порой допускал отдельные ошибки и Нариманов. Заблуждался — исправлял промах. Но всегда, при всех крутых поворотах оставался революционным вождем народов Востока — по определению ЦК Российской Коммунистической партии.

А чтобы восхождение происходило уверенней и возможно надежнее, Ленин весной девятьсот двадцать первого года, после того как свободу обрели Армения, Грузия, адресует дружеское письмо «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики». Он не предлагает готовый рецепт, единственно призывает понять своеобразие своего положения — не копировать, не повторять, обдуманно видоизменить тактику применительно к странам, еще более крестьянским, чем Россия.

«Горячо приветствуя Советские республики Кавказа, я позволю себе выразить надежду, что их тесный союз создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного в буржуазном строе.

Но как ни важен национальный мир между рабочими и крестьянами национальностей Кавказа, а еще несравненно важнее удержать и развить Советскую власть, как переход к социализму. Задача трудная, но вполне исполнимая.

…Больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству.

…Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР. Вот что надо понять и уметь осуществить в отличие от нашей тактики.

…Вам, товарищи коммунисты Кавказа… надо уметь с большей осторожностью и систематичностью создавать новое, используя выгодную для вас международную обстановку 1921 года. И Европа и весь мир в 1921 году уже не то, что в 1917 и 1918 годах.

Не копировать нашей тактики, а самостоятельно продумывать причины ее своеобразия, условия и итоги ее, применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта 1917–1921 годов. Экономически сразу опереться на товарообмен с капиталистической заграницей…

Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения. Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»[103].

Тесный союз, чтобы удержать и развить Советскую власть… Справедливо вспомнить. Поздней осенью безмерно сурового девятнадцатого года на II съезде коммунистических организаций народов Востока Нариманов делом ближайшего будущего называет: «Мы должны идти к объединению. Северный Кавказ, Дагестан и Азербайджан обязательно должны объединиться с Советской Россией». Возвратясь в Баку первоответственным за республику, продолжит: «Советский Азербайджан не может существовать без Советской России. Мы подчеркиваем это и теперь: горе Советской России есть горе Советского Азербайджана, враг Советского Азербайджана есть враг Советской России и наоборот: кто с Советской Россией, тот с нами, кто против нее, тот и против нас».

В ночь взятия власти — радиограмма-призыв Ревкома Азербайджана к России оказать военную поддержку. В первый месяц существования республики в «Известиях» Ревкома обращение наркоминдела России Чичерина к Нариманову: «Российское Советское правительство полагает, что единство наших целей и солидарность рабоче-крестьянского строя, естественно, могут привести обе братские республики — Российскую и Азербайджанскую — к созданию незыблемых оформленных связей, облегчающих непрерывность сотрудничества на пути общей советской политики».

Двадцатого сентября 1920 года Пленум ЦК РКП (б) обсуждает проект договора с Азербайджаном. Выступают Ленин, Андреев, Дзержинский, Калинин, Сталин, прибывший из Баку народный комиссар юстиции Шахтахтинский. Несколько дней работает избранная Пленумом комиссия, и 29-го числа окончательно утверждается текст договора о военно-экономическом союзе обеих Советских Социалистических Республик.

Как бы в подтверждение союзнических обязательств — категорическое «нет» Нариманова Ною Жордания. Советский Азербайджан отказывается от соблазнительного товарообмена с меньшевистской Грузией. В обоснование: «1. У Азербайджана с Россией общая экономическая политика (вопрос о нефти —

общий вопрос, необходимо его решать совместно). 2. Политический вопрос тесно связан с экономическим».

«Нет!» грузинским меньшевикам. «Нет!» — армянским дашнакцаканам. Всемерная, немедленная, по-кавказски щедрая помощь восставшим народам Армении, Грузии.

«Мы везли из Азербайджана, — сообщает В. Тарахчян, один из руководителей армянских повстанцев, — муку, мануфактуру, бумагу, шрифты, типографское оборудование. За нашим специальным поездом следовали цистерны с керосином, вагоны с зерном. Все это было первым подарком трудящимся Армении».

Двенадцатого или тринадцатого декабря того же двадцатого года — идет вторая неделя Советской Армянской Республики — Ленин беседует с прибывшими из Эривани членами Ревкома.

Ленин: Спорные вопросы между Азербайджаном и вами уже разрешены. Не так ли?

Саак Тер-Габриелян: Да, Ильич. Совместно с Нариманов с легкостью решены вопросы о Зангезуре, Нахичевани и других территориях.

Нариманов позже обнародует в газете крайкома партии «Заря Востока»:

«Я помню, в один из летних дней 1917 года в Тифлисе у Рамишвили в кабинете собрались лидеры меньшевиков Жордания, Гегечкори и другие. Стали обсуждать, как реагировать на выступление армянских националистов в Питере, где они проводили идею о «Великой Армении», иначе говоря, хотели захватить территорию Азербайджана, Грузии и России, чуть ли не до Ростова.

Меня спросили: «Каково ваше мнение?» Я ответил: «Это заставит наших подумать о «Великом Азербайджане», а вас — о «Великой Грузии».

Так и случилось впоследствии: в течение нескольких лет между Закавказскими республиками не затихали ссоры, не раз доходило до вооруженных столкновений именно из-за территорий.

Сколько погибло молодых сил Закавказья, сколько обездоленных, разоренных семейных очагов, сколько тяжко страдающих от голода беженцев, оторванных от родной земли! И все это из-за Зангезура, Карабаха, Закаталы, Лори и т. д.

После освобождения Азербайджана и Армении наша республика торжественно объявляет Зангезур неотъемлемой частью Советской Армении, а Армения провозглашает Нагорный Карабах неотъемлемой частью Азербайджана. Грузия после изгнания меньшевиков совершенно отказывается говорить о Закаталах, считая эту область землей Азербайджана. Уступает

довольно значительную территорию от Пойлинского моста к северо-востоку, искони населенную азербайджанцами. Азербайджан объявляет свои естественные богатства общим достоянием всех Советских республик. Ни одно официальное и неофициальное собрание трудящихся не протестовало против сделанных уступок. И не будет протестовать, потому что наши решения в полном согласии с природой трудящихся.

Это дает нам богатейший материал для изучения психологии, мировоззрения двух миров, двух противостоящих классов. Это и урок для населения буржуазных стран на тему, как достигнуть разоружения и всеобщего мира на земле. И в самом деле, при существующем положении в Закавказье придет ли в голову кому-нибудь, что у нас между республиками польется кровь из-за земли? Нет и нет!

Обеспечив наш прекрасный Кавказ, нашу родину с этой стороны, мы должны теперь все свое внимание обратить на создание экономической мощи. При этом мы не должны скрывать от себя: среди Закавказских республик есть экономически богатые и бедные. До поднятия производительных сил бедной республики богатой придется поддерживать бедную…»

Когда азербайджанец хочет поклясться в верности, он ломает чурек[104] и дает половину другу. Нариманов, глава азербайджанского правительства, заявляет: «Мы, азербайджанские коммунисты, признали, что без нашей экономической помощи не жить Грузинской республике и Армянской, а окраинные республики все вместе зависят от жизни Советской России. В общем мы должны сказать, что должны жить одной-единой семьей».

В повседневной действительности это… Март двадцать первого года. Двенадцатого в 16 часов 10 минут Нариманов открывает нефтепровод Баку — Тифлис. Немедленно откликается Ленин. Слово, обращенное к делегатам партийного съезда: «Вы читали в газете об открывающемся нефтепроводе Баку — Тифлис? Вы прочитаете скоро о таком же нефтепроводе до Батума… Дело сводится к тому, чтобы улучшить наше экономическое положение, усилить техническое оборудование нашей республики, увеличить количество продуктов, количество предметов продовольствия и потребления для наших рабочих. В этом отношении всякое облегчение имеет гигантское значение для нас»[105].

Примерно в то же время Пленум ЦК РКП (б) рассматривает предложение Коммунистической партии и правительства Азербайджана об объединении всех Закавказских советских республик в Федерацию. Специальной комиссии поручено в

кратчайший срок представить Политбюро свои рекомендации.

Конец месяца. Неотложное задание Ленина секретарю Совнаркома;

«Хлеб для Баку (только до 3.IV). *Халатову* напомнить: архиважно»[106].

Апрель. Российское телеграфное агентство передает из Баку:

«Сегодня, 5 апреля, в 1 час дня глава Азербайджанского Советского правительства т. Нариманов при громадном стечении рабочих и граждан Бакинского района в присутствии военных моряков и войск гарнизона объявил навигацию открытой. Из Бакинского порта вышел караван, несущий на 33-х судах около трех с половиной миллионов пудов нефтепродуктов в Астрахань. Свободный Азербайджан, не успевший пока отпраздновать первую годовщину своей революционной победы, теперь спешит начать навигационную кампанию на Каспийском море, зная, как остро нуждается Советская Россия в нефти…»

Девятого. Шифровка Ленина Орджоникидзе для Кавказского бюро ЦК (в немногочисленном Кавбюро с первого дня вместе с Серго и Кировым Нариманов):

«…Настоятельно требую создать областной хозяйственный орган для всего Закавказья… постараться купить хоть за границей семян и двинуть орошение в Азербайджане при помощи ресурсов Баку, чтобы развить земледелие и скотоводство…»[107].

Май. В Москву отправляется вновь назначенный представитель Азербайджана при правительстве РСФСР Алигейдар Ширвани. Он доставит письмо Нариманова. «Дорогой Владимир Ильич. Я хотел бы вкратце коснуться вопроса объединения всех Закавказских республик…»

Нариманов обращается за поддержкой. Он безгранично верит: опора этой веры и в беседах «обо всем» при встречах в Москве, и в переписке после возвращения Нариманова в Баку, — в Ленине воплощается настоящее и будущее революции, Азербайджана, Востока. Не далее как шестнадцатого мая на пленуме ЦК Компартии Азербайджана он, Нариманов, говорит:

«Владимир Ильич передал через Мясникова Закавказью заповедь: внимательно относиться к тому, чем живет и дышит основная, т. е. крестьянская масса. Вопрос крестьянский здесь помножен на вопрос национальный. Беда, если пролетариат и крестьянство начинают говорить на разных языках. Вдвойне беда, если разные политические языки совпадают с разными национальными языками. Тогда выдвигается опасность — опасность вавилонского столпотворения. Национальный вопрос в Закавказье есть вопрос величайшей важности, и невнимание к нему было бы гибелью и для партии и для Советской власти».

После победы большевиков, после Октября бакинского, эриванского, тифлисского, федеративный государственный союз равноправных республик — средство перехода от разрозненности, а то и враждебности, к мирному сожительству кавказских народов. Средство самое надежное, самое лучшее. Неделю назад на Всеазербайджанском съезде Советов Нариманову пришлось рассказать делегатам не притчу — досадную быль:

— По договору с Советской Россией здесь, на Кавказе, внешняя торговля должна была быть в наших руках. Но в последнее время, когда возникли другие Советские республики — Армянская и Грузинская — и стало возможным получать через Батум товары из-за границы, по преимуществу из Константинополя, сложилось уродливое положение. Представитель стесненной в деньгах Армении предлагает купцу за его товар миллион рублей. Подходит работник Азербайджана, он богаче — у его республики нефть, икра, шелк. Говорит купцу: «Тот человек предложил тебе миллион, я даю три миллиона, отдай товар мне». Купцу желательно получить побольше, он отказывает Армении, продает Азербайджану. То же самое проделывали грузинские товарищи. Нужно было что-то предпринять. Мы создали единый Закавказский центр внешней торговли, чтобы он выступал от имени всех республик, одинаково заботился об Азербайджане, Армении, Грузии. Вчера получили извещение о том, что к Батуму подходят пароходы, везут товары. Мы кое-как обеспечим рабочих, беднейшее крестьянство, служащих.

После первоначальных успехов — объединение железных дорог от моря Каспийского до моря Черного, от побережья в Армению; учреждение общего центра внешней торговли — следуют недостойные дела. В том же Батуме втайне сданы в аренду фирме «Стандард ойл» нефтяные резервуары и причалы нефтяной гавани. Намечено открытие отделения англо-французского Оттоманского банка в Тифлисе. Продолжают существовать пограничные между тремя республиками кордоны с заградительными отрядами, таможенные перегородки. Нет согласия перейти на единые денежные знаки. А тем временем в Париже беглые «правительства» мусаватистов, меньшевиков, дашнакцаканов сколотили на вспомоществование Антанты «Кавказский Центральный Комитет объединенного восстания»…

Третьего ноября в Баку в пользу заключения «федеративного союза между республиками, прежде всего в области военной, хозяйственной и финансовой работы и иностранной политики» высказываются Кавбюро ЦК РКП (б) и Центральные Комитеты компартий Азербайджана, Армении, Грузии. «Политическое

объединение даст возможность республикам на деле установить между собой тесный хозяйственный союз, попытки к заключению которого делались неоднократно. Послужит прочной гарантией от всяких покушений на них со стороны контрреволюционных сил и укрепит Советскую власть на рубежах Востока».

В Азербайджане протестуют слывущие архилевыми Р. Ахундов и М. Гусейнов. Перечеркивая собственные пылкие речи на тему: «Нариманов неоправданно осторожен, пристрастно уступчив в национальном вопросе», они шлют доклады в Москву о «преждевременности федерации». Она допустима по прошествии многих лет, когда-нибудь… В Грузии весьма неразборчивые в союзниках и средствах политической борьбы «будисты». Так острые на язык жители Тифлиса называют воинствующих национал-уклонистов, возглавляемых Буду Мдивани.

Ленин вносит предложение — оно принято Политбюро на исходе ноября: «1) Признать федерацию закавказских республик принципиально абсолютно правильной и безусловно подлежащей осуществлению… 2) предложить Центральным комитетам Грузии, Армении и Азербайджана (через Кавбюро) поставить вопрос о федерации пошире на обсуждение партии и *рабочих и крестьянских масс,* энергично вести пропаганду за федерацию и *провести* ее через съезды Советов каждой республики…»[108].

В этом году большего уже не успеть. Новый — девятьсот двадцать второй все прежние споры, доводы за и против федерации круто обрывает. Всем Советским республикам, теперь их девять — от Невы и Днепра до Тихого океана, от горной гряды Большого Кавказа до обжигающих песков Хорезма и зеленого разлива лесов Белоруссии — приходится держать фронт еще неизведанный, дипломатический. Одной общей делегацией на международной (двадцать восемь буржуазных стран, с доминионами Великобритании тридцать три) экономической конференции в Генуе надо отстаивать поставленные цели: борьба за всеобщий мир и добросовестное экономическое сотрудничество, деловые торговые отношения независимо от политической системы партнеров. По определению Владимира Ильича: «…ни на что не выгодное для нас не пойдем. Ультиматумам не подчинимся»[109].

В пятницу, 27 января, в круглом Свердловском зале Кремля чрезвычайная сессия ВЦИКа обсуждает состав советской делегации. Председатель — Ленин (Владимиру Ильичу придется подчиниться народному требованию жизнью своей не рисковать, за границу не ехать), заместитель председателя — Чичерин, генеральный секретарь делегации — Боровский. Члены делегации

— Красин, Литвинов, Нариманов, Рудзутак…

Несколько неожиданно звучит сообщение председательствующего на сессии Калинина:

— Слово для заявления полномочному представителю Азербайджана.

Строгое, короткое, оно с комментариями весьма противоречивого толка обойдет прессу, пожалуй, всех континентов. «Империалистические государства не приглашают в Геную делегатов от угнетенных мусульманских стран. Это объясняется тем, что правительства Европы, и не только Европы, смотрят на мусульманский угнетенный Восток как на колонии, на объекты их грабежа. Поэтому мусульманский Восток направляет свои взоры на Советскую Россию как на единственную защитницу интересов и прав всех угнетенных и надеется, что российской делегацией будут вполне защищены интересы Востока».

За тем январем пойдут месяцы такие, что грех добрым словом не помянуть. Хотя и не обойдется без борьбы, забот. Так в этом вся жизнь Нариманова.

Февраль. В Тифлисе I съезд коммунистических организаций Закавказья. На смену свое с честью отслужившему Кавбюро ЦК РКП (б) приходит избранный делегатами Компартий Азербайджана, Армении, Грузии краевой комитет. Нариманов — член крайкома. Чуть позднее и его Президиума.

Март. Венец труднейших усилий — подписание договора о федеративном союзе Закавказских республик. С двенадцатого числа Нариманов один из трех председателей Союзного Совета.

Апрель, часть мая. Конференция в Генуе. Наказ Нариманову: «Рабочие, крестьяне, красные аскеры и красноармейцы трудового Азербайджана поручают своему представителю защищать достигнутые ценой величайших жертв революционные завоевания, права, национальную свободу и независимость всех советских республик.

Те, кто сами недавно были рабами и всего лишь два года назад сбросили с себя цепи, поднимают свой могучий голос в защиту попранных прав и интересов колониальных стран Востока. К этому голосу должна чутко прислушаться вся наша советская делегация и громко передать тем, с кем придется сесть за дипломатический стол».

Нелишне заметить. Советская делегация с первого часа энергично настаивает на снятии запрета хотя бы с участия Турции. «Мы еще раз просили итальянское правительство, — сообщает в Москву 10 апреля Чичерин, — передать державам Антанты наше предложение о приглашении на конференцию Турции». А когда турки на свой риск прибыли в Геную, им было

заявлено бароном Авеццано от имени председателя конференции: «Турция исключена. Очень сожалею о том, что вы потрудились приехать. Это совершенно бесполезное путешествие, разве если с целью повидать памятник Колумбу…»

Будет и телеграмма из Баку. Чичерину и Нариманову. «Красные аскеры Азербайджанской Красной Армии охраняющие кровь Советских республик нефть на общем собрании 15 апреля постановили зачислить Вас почетным красным аскером этой армии и полагать в служебной командировке в Геную».

По возвращении Нариманов также от своего и Чичерина имени доложит о выполнении задания. Получит благодарность с занесением в «красноармейскую книжку». А по линии партийной — Пленум ЦК РКП (б) 16 мая одобрит опыт первого совместного выступления Советских республик на международной арене — убедительнейшее проявление доверия ранее угнетенных наций к России.

Июнь. В который раз Владимир Ильич употребляет свое влияние в пользу Азербайджана. Решением правительства шестьдесят процентов так называемых долевых отчислений за поставленную республикой нефть пойдут на школы и больницы Азербайджана. Насколько важны эти отчисления, Нариманов напишет два года спустя, когда ему придется возобновить аналогичные хлопоты.

На линованной бумаге красными чернилами:

«Товарищу Мусабекову[110].

20 марта в Политбюро еще раз рассматривался вопрос о долевых отчислениях в пользу Азербайджана. Дело обстояло очень остро в связи с трудным экономическим положением страны. Тем не менее Политбюро уважило мою просьбу, хотя доводы возражавшего мне тов. Дзержинского были серьезны.

Впервые, когда мною этот вопрос был поставлен перед Политбюро еще при товарище Ленине, я прямо указывал на отсталость Азербайджана в культурном отношении (около 3–4 процентов грамотных) и еще на убийственные климатические условия в низменностях Азербайджана (малярия). Из этого Вы видите, какие цели преследовались мною. Эти же соображения заставили меня и теперь выступить перед Политбюро…

Я, конечно, не имею права делать Вам указания, а потому я придаю своему письму частный характер, являясь гражданином Азербайджана… Моя мысль, кажется, ясна — средства, получаемые за нефть, должны расходоваться чрезвычайно бережно на просвещение и здравоохранение. Тот, кто знает положение Азербайджана, иначе не может рассуждать».

Август. Одиннадцатого в середине дня Владимир Ильич

принимает в Горках Самеда Агамалиоглы и Авеля Енукидзе. Расспрашивает о Нариманове, просит передать ему сердечный привет. Жизнь сложится так, что личных встреч уже не будет…

Декабрь. Воскресный день, десятое число. Битком набитый оперный театр в Баку. Сейчас откроется I съезд Советов Закавказья. К трибуне направляется Нариманов.

Один из тех, кто его внимательно разглядывает, ученый Азиз Шариф помнит: «Наслушавшись восторженных рассказов о нем, я представлял Нариманова человеком высоким, широкоплечим, могучего телосложения, — в общем, похожего на героя богатыря Кер-оглы. А увидел я человека невысокого, склонного к полноте, чрезвычайно спокойного, пожалуй, даже медлительного в движениях. Говорил он тихо, неторопливо, без громких восклицаний, так, как обычно говорят люди с друзьями. И все слушали его затаив дыхание. Он умело строил фразу[111] — плавную, понятную, ясную, убедительную. Тогда я понял, в чем выражается подлинное обаяние человека; достаточно было увидеть Нариманова, чтобы проникнуться доверием к нему, уважением, любовью. Мне казалось, что от него исходит какой-то внутренний свет, тепло. Сразу чувствовалось, что перед тобой необыкновенно добрый, душевный, справедливый, умный человек, общение с которым облагораживает, очищает, вселяет веру в людей».

Так слово Нариманова при открытии съезда:

«Сегодня закладывается фундамент тому дому, под общей кровлей которого все трудящиеся Закавказья будут переживать и общее горе, и общую радость. В этот день мы открываем вернейший путь к свободе, братству и торжеству труда. В этот самый день мы окончательно хороним те кошмарные события, те черные дни, которые трудовой люд Закавказья вспоминает с отвращением и омерзением. В этот день мы отсюда должны во весь голос сказать народам Востока, что путь, по которому трудящиеся должны идти к своей цели, найден нами, свободными людьми Закавказья».

Чтобы тот единый дом под общей кровлей построить, съезд решает: федеративный союз Азербайджана, Армении, Грузии провозгласить Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республикой. Довершение в Москве тридцатого декабря еще того же девятьсот двадцать второго года. РСФСР, Украина, Белоруссия, Закавказская федерация образуют Советское государство. На принципах доселе неслыханных — полнейшее доверие одной нации к другой, ясное сознание братского единства. Права и полномочия, абсолютно равные независимо от количества населения, размеров территории и

уровня развития экономики.

Высшая власть в государстве — Центральный Исполнительный Комитет — ЦИК — Союза. У ЦИКа четыре одинаково правомочных председателя. Михаил Калинин, Нариман Нариманов, Григорий Петровский, Александр Червяков. Русский, азербайджанец, украинец, белорус. Рекомендация Ленина.

28

В хронике мартовских дней 1923 года можно прочесть: «По поручению ЦК РКП (б) в Баку для оказания помощи Азербайджанской партийной организации прибыли М. И. Калинин и Н. Н. Нариманов. Они примут участие в работе очередного V съезда компартии республики».

Теперь уже Нариманову бывать на Кавказе только время от времени. Единый дом под общей кровлей — Союз Советских Республик — предъявляет председателю ЦИКа свои требования, несоизмеримо расширяет круг обязанностей и географию тоже.

С его живым участием или под его председательством вырабатываются положения о союзном ЦИКе, Совнаркоме, наркоматах; о выпуске в обращение кредитных билетов и чеканке монет образца 1923 года с надписями на языках союзных республик; о Донецком каменноугольном бассейне и рыбных промыслах Дальнего Востока; об организации территориальных войсковых частей; о едином сельскохозяйственном налоге и льготах трудовому крестьянству; о Первой сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке Союза ССР; об амнистии в связи с образованием Союза Советских Республик…

А в апреле на XII съезде Российской Коммунистической партии — съезде, с величайшей заинтересованностью обсудившем национальную политику Советского государства, ее значение для судеб мира, Востока особенно, — Нариман Нариманов избран кандидатом в члены Центрального Комитета. Такое же доверие ему будет оказано и на следующем партийном съезде, XIII, в мае двадцать четвертого года.

Редкостное наримановское знание острейших межнациональных отношений, трудно доставшийся опыт становления Советского Азербайджана, Закавказской федерации весомо влияют и на разработку первой Конституции Союзного многонационального государства. Шестого июля двадцать третьего года сессия ЦИКа постановляет: «Конституцию немедленно ввести в действие».

Настает час формировать правительство. В записях стенографов, в отчетах репортеров появится: «Председателем Союзного Совнаркома тов. Нариманов предлагает назначить Владимира Ильича Ленина. (Затихший зал сразу оживает. Делегаты поднимаются с мест и бурей оваций приветствуют кандидатуру Ленина)».

Надежда еще велика. Статьи Владимира Ильича бывают на страницах «Правды». Его письмо «К вопросу о национальностях

или об «автономизации» зачитано руководителям делегаций и легло в основу решении XII съезда партии по докладу Сталина «О национальных моментах в партийном и государственном строительстве». Оно полностью отражено в Конституции.

В октябре новость совсем обнадеживающая. Восемнадцатое — девятнадцатое Ленин провел в Москве, побывал в своем рабочем кабинете…

До трагедии три месяца и два дня.

Двадцать пятого января девятьсот двадцать четвертого года в «Известиях» строки Нариманова: «Ушел от нас величайший в мире психолог и искреннейший защитник угнетенных народностей мусульман…»

Двадцать шестого Нариманов должен собраться с силами и произнести речь на траурном заседании съезда Советов СССР. «Товарищ Ленин велик, могуч тем, что он собрал вокруг себя угнетенных мира. Его слова, его заветы в особенности запали в сердца угнетенных Востока. И угнетенные Востока поняли, что настало время подумать о своем освобождении…»

Третьего февраля доклад в Колонном зале Дома Союзов на собрании представителей народов Востока. «В глазах мусульман Ленин — необыкновенное имя. Имя, которое их церковники склонны сопричислить к пророкам!»

Чуть погодя обширная статья или, вернее, исследование «Ленин и Восток»:

«Мало назвать его вождем рабочего класса, мало назвать его вождем всех угнетенных, он есть учитель всего человечества, включая сюда и угнетателей.

…Сущность буржуазии не дает ей возможности открыто преклонить свою голову перед этим великаном, но что в ее психологии, в ее внутреннем мире произошел крупный перелом в смысле сознания завтрашнего страшного суда, это не подлежит никакому сомнению.

…Нужны томы, нужна целая школа, которая особыми методами систематически изучала бы всю глубину мысли этого величайшего человека нашего века… Это должны делать мы, если в нас горит хоть частица того огня, который так пламенно горел в нашем величайшем учителе…»

29

Врач по образованию, Нариманов, возможно, и знает, что впереди у него недолгое время. Немногие недели.

То ли на исходе двадцать четвертого года, то ли в первые дни двадцать пятого он адресует в Баку выпускникам педагогического института нет, не завещание — письмо такого содержания:

«Я хотел бы, чтобы вы в своей будущей жизни обратили внимание на три вопроса:

1) Азербайджанские дети, воспитываемые вами, должны быть трудолюбивыми, чтобы они не за счет других, а своими силами могли удовлетворить потребности своей жизни… Нужно, чтобы они любили природу, надо их заинтересовать знанием природы;

2) Юноши, получившие ваше воспитание, должны быть смелыми, отважными, достойными, чтобы они не стали двуличными ради куска хлеба, не называли молоко черным, чтобы понравиться кому-то.

Учтите, товарищи! Обратите на это особое внимание. Люди, говорящие неправду из-за карьеры, двуличные, продавшие свою честь, не могут быть членами будущей нашей коммуны. Поэтому будьте всегда в контакте с детьми, в своих действиях, разговорах будьте в высшей степени осторожными, потому что на детей быстро действует окружающее;

3) Азербайджан является школой для Востока, т. е., пока Восток остается в нынешнем положении, мы должны быть его учителями во все отношениях.

Н. Нариманов».

…Предпоследний месяц жизни Нариманова. Февраль.

Четвертого за его подписью декрет об основах авторского права. Пятого — о создании при ЦИКе СССР специального фонда имени В. И. Ульянова-Ленина для помощи беспризорным детям. Предварительно строки в «Известиях» с характерной для Нариманова оговоркой: «В настоящей статье я высказываю свое личное мнение… Мой проект отчасти является своего рода испытанием для всех наших учреждений и всех честных граждан Союза». И дальше: «Фонд определяется в сумме 100 миллионов, часть которой вносится правительством, а другую часть составляют добровольные пожертвования… Мы даем возможность всем гражданам и гражданкам без исключения проявить свою любовь к великому вождю в том деле, которое близко всем сердцам. Пусть каждый имеет возможность чувствовать, что он для увековечения памяти великого учителя человечества принимает участие в воспитании беспризорных наших детей,

нашего будущего поколения, о которых так заботился Ильич».

Шестого — о деятельности Комиссии по увековечению памяти В. И. Ленина при Центральных Исполнительных Комитетах республик. Девятого — о переименовании Румянцевской библиотеки в Публичную библиотеку имени В. И. Ленина. Несколько раньше Нариманов выполняет другую обязанность — готовит постановление об открытии Института Ленина — будущий Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Одиннадцатого его передовица в «Известиях»: «Образование новых автономных и независимых Советских республик в Средней Азии». Тринадцатого — Обращение к народностям, населяющим национальные республики и области Советского Востока, о правах женщин и неотложных мерах по их полному раскрепощению… В тот же день под его председательством Президиум ЦИКа принимает решение об издании Большой Советской Энциклопедии…

Четырнадцатого и пятнадцатого в Мраморном зале Второго Дома Советов, в Институте востоковедения, в Доме армянской культуры — торжественные заседания по поводу тридцатилетия общественно-политической и литературной деятельности Наримана Нариманова. На двух больших красных полотнищах адрес от населения двадцати двух автономных республик и областей Российской Федерации. «…Вы вели отчаянную борьбу с национализмом, затемнявшим сознание масс, Вы неустанно разоблачали ложь и измену националистической буржуазии, старавшейся лозунгами Ислама и Нации защитить классовые интересы бакинских миллионеров и кучки ханов и беков… Только случайно избегнув трагической судьбы 26 бакинских комиссаров, Вы продолжали трудную борьбу, усиленно работали над проведением в жизнь национальных принципов Российской Коммунистической партии — созданием национальных автономных республик и областей РСФСР… Ваша популярность среди трудящихся масс восточных народностей выдвинула Вас на один из самых почетных постов в Союзе, на пост Председателя ЦИК СССР… Ваше имя является революционным знаменем для широких масс трудящихся восточных окраин СССР и зарубежных стран Ближнего Востока, в их сознании оно идет следом за именем Ленина».

Его «Надир-шах» в Малом театре. Его «Бахадур и Сона». «Пир», или «Священное место» на русском языке, в издании научной ассоциации востоковедения.

Сам он в те вечера не раз повторяет знаменитую фразу азербайджанского философа, поэта, дипломата, путешественника

Аббаскули Ага Бакиханова: «Настоящим человеком является тот, который лучше других видит свои собственные недостатки, а свои способности считает малозначащими».

В конце месяца — отъезд в Закавказье. На сессию Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, созываемую в Тифлисе. В беседе с корреспондентами центральных газет Нариманов разъясняет: «Работа сессии покажет населению, что мы не на словах, а на деле осуществляем принципы самоопределения, действительно предоставляем ранее отсталым народностям возможность всестороннего развития экономических и культурных сил… Доклад правительства Закавказской федерации осветит положение Грузии, Армении, Азербайджана и перспективы дальнейшего развития».

Шестого марта Нариманов проводит в деревне Кызыл Аджили, той самой, куда он отправился учительствовать после окончания Горийской семинарии. Произносит речь с балкона заново отстроенной школы. Седьмого, вернувшись в Тифлис, навещает Нагорный квартал. Его узнают, обступают. Возникает митинг. Слова, произнесенные Нариманом:

— Мой совет и мое завещание вам, ибо ваша жизнь еще впереди — вам возводить стены великого здания социализма. На свете есть одна правда, эта правда — учение Ленина, следуйте ей!

На обратном пути в Москву — остановка в Баку. Просьба к племяннице Ильтифат — она уже мать двух детей — поехать погостить у них с Гюльсум-ханум.

Восемнадцатого марта поезд прибывает в Москву. Впереди один-единственный день…

«Я, сиделка Кремлевской амбулатории Юлия Ивановна Литвин, проходя после окончания моей работы в восемь с четвертью — восемь с половиной часов вечера сего 19 марта 1925 года по тротуару у решетки Александровского сада по направлению от Троицких ворот до площади Революции, увидела прислонившегося к решетке и сильно кашляющего человека, которому, видимо, было дурно.

Подойдя, чтобы оказать ему помощь, я узнала в нем председателя ЦИКа тов. Нариманова, которого я несколько раз видела ранее в нашей амбулатории.

Узнав, в свою очередь, меня, он сказал: «Ведите меня скорее в больницу, я умираю…» Я переспросила: «Не хочет ли он ехать домой?» Он категорически распорядился вести его в больницу Кремля.

Дорогой он все время стонал, говорил, что ему плохо, а пока мы доехали до больницы он уже скончался.

Ю. Литвин».

…Дежурному врачу оставалось совершить лишь печальную формальность — составить заключение о смерти. «Около половины девятого вечера по дороге на работу вблизи Кремля скончался вследствие острого расстройства сердечной деятельности…» Вскрытие тела диагноз подтвердило.

С семи часов утра двадцать первого марта к Дому Союзов, где в Колонном зале между пальмами в красном гробу покоится прах Наримана Нариманова, беспрерывно прибывают делегации. На огромном венке из живых цветов надпись: «Революционному вождю Народов Востока и борцу за полное освобождение порабощенных от ЦК РКП (б)».

Приказ председателя Реввоенсовета СССР Фрунзе: в день похорон 23 марта в 13 часов по московскому времени во всех гарнизонах страны артиллерийский салют — шесть залпов с перерывом в три четверти минуты.

Последние часы прощания. На всей территории Советского Союза, над зданиями дипломатических и торговых представительств СССР в зарубежных государствах, на судах военного и торгового флота Родины на пять минут приспущены флаги.

Калинин, Дзержинский, Енукидзе, Цхакая, Скрыпник, члены Президиума ЦИКа и Исполкома Коминтерна выносят гроб, устанавливают на артиллерийский лафет.

Прощальное слово Калинина: «Мы хороним нашего товарища и друга по родной нам партии. В лице Наримана Нариманова Красная площадь получает первую жертву от народов Востока… Выйдя из среды национальных меньшинств Союза и отдав массу сил на борьбу за их освобождение, Нариманов в последние годы стал одним из активнейших и важнейших работников Центра, лучшим выразителем стремлений и чаяний народов Востока, лучшим защитником их интересов…»

Телеграмма Серго Орджоникидзе из Тифлиса: «Нариманов являлся самой крупной фигурой нашей партии на Востоке. Он был олицетворением этого Востока».

Голос Луначарского: «Мы все теперь знаем, какую особенную ценность представляют собой революционеры, прочно связанные с марксистской идеей, с одной стороны, и с восточными массами — с другой. Именно таким работником-коммунистом был Нариман Нариманов. Большую потерю понесли Коминтерн, наша партия и наша государственность, и болезненно заметна будет убыль на культурном фронте…»

Черта, подведенная редакцией «Правды»: «Имя его популярно не только здесь, у нас, но и там, за пределами нашего Советского

Востока. Его знают…многие десятки и сотни тысяч, а может быть, и многие миллионы и десятки миллионов угнетенных белых, черных и желтых рабов капитала в самых далеких степях Африки, Месопотамии, Персии, Турции, Индии и т. д.».

Знают и помнят миллионы!

Москва — Тбилиси — Баку

1974–1977

Основные даты жизни и деятельности Н. Нариманова

1870, 2 (14) апреля — в Тифлисе родился Нариман Наджаф оглы Нариманов.

1882 (начало осени) — поступает в подготовительную школу Закавказской учительской семинарии в городе Гори.

1890, август — получает назначение учителем в селение Кызыл Аджили Борчалинского уезда Тифлисской губернии.

В конце года завершает начатую еще в семинарии драму «Наданлыг» — «Невежество».

1891, октябрь — переезжает в Баку.

1892 — переводит на азербайджанский язык «Ревизор» Гоголя.

1894, август — в Баку открывает первую на Востоке общедоступную библиотеку-читальню. Издана комедия Нариманова «Дилин беласы» — «Горе от языка, или Шамдан-бек».

1896 — закончена первая часть романа «Бахадур и Сона». Переводится на армянский язык и печатается в тифлисском журнале «Мурч» — «Молот».

1899 — пишет и издает: «Краткую морфологию и синтаксис тюркско-азербайджанского языка», «Самоучитель русского языка для мусульман», «Самоучитель татарского языка для русских». В свет выходит историческая трагедия «Надир-шах».

1900 — завершает роман «Бахадур и Сона».

1902, август — поступает на медицинский факультет Новороссийского университета в Одессе.

1903-1905 — принимает активное участие в студенческом революционном движении. Руководит сходками, забастовками и демонстрациями, выступает перед студентами и портовыми рабочими.

1905, осень — вступает в Российскую социал-демократическую рабочую партию (Бакинская большевистская группа «Гуммет» — «Энергия»).

Создает персидскую социал-демократическую партию «Муджахид». В конце того же года и в следующем, 1906-м, выступает в легальных бакинских газетах.

1906, март — Нариманов в Баку избран товарищем председателя просветительного общества «Ниджат» — «Спасение».

Группа «Гуммет» издает на азербайджанском языке Программу РСДРП в переводе Нариманова.

Декабрь — Нариманов возвращается в Одессу для завершения образования.

1907–1908 — «Надир-шах» ставится в театрах Поволжья, Средней Азии, Закавказья.

1908, октябрь — оканчивает Новороссийский университет, получает диплом врача. Работает врачом в Баку и Тифлисе.

1909, март — арестован и заключен в Метехский тюремный замок в Тифлисе. *Август* — отправлен в астраханскую ссылку.

1912, май — Нариманов избран председателем Совета Общества «Народных университетов» в Астрахани.

1913, январь — избран гласным городской думы.

Июль — возвращается в Баку.

1914, май — получает место врача временной лечебницы в Черном городе.

1916, декабрь — избирается в состав правления «Народного дома» — легального центра Бакинской партийной организации большевиков.

1917, март — Нариманов — председатель Временного комитета и редактор газеты «Гуммет», член Бакинского руководства большевиков.

Апрель — выступает на съезде мусульман Кавказа против идеологов национализма, лидеров партии «Мусават».

Лето, осень — ежедневные встречи Нариманова с рабочими нефтяных промыслов и заводов. Лекции, доклады на темы: «Русская революция и ее постепенный прогресс», «Политические партии и их программы», «Наш взгляд на русскую революцию», «Русская революция и ее влияние на Персию».

1918, март — вошел в состав Комитета революционной обороны Баку.

Апрель — Нариманов утвержден народным комиссаром Бакинской Коммуны.

Июнь — по требованию бюро Бакинского комитета большевиков тяжело больной Нариманов уезжает в Астрахань. С головой уходит в работу. В Комиссариате по делам мусульман Закавказья он председатель, в губернском исполкоме — заведующий отделом просвещения. В мусульманской секции губернской организации большевиков — член комитета, руководитель группы по связи с ЦК РКП (б), агитатор-пропагандист губкома партии.

1919, март — Нариманов избран в Бюро «Гуммет».

Июль — Нариманов по вызову ЦК РКП (б) приезжает в Москву.

Лето — первая встреча Нариманова с Лениным, обстоятельная беседа об острейших кавказских проблемах, о

политике на Востоке. Нариманов назначен заведующим Отделом мусульманского Ближнего Востока Наркоминдела. И позднее — также заместителем наркома по делам национальностей.

Декабрь — Ленин читает протокол заседания ответственных работников — коммунистов, представителей народов мусульманского Ближнего Востока от 25 декабря и одобренный ими доклад Нариманова.

Политбюро ЦК РКП (б) с участием Ленина обсуждает предложение Стопани, Нариманова и Микояна рассмотреть предложенные ими тезисы о политике партии на Кавказе.

1920, январь — Центральным Комитетом РКП (б) Нариманов введен в состав Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе.

Март — Политбюро ЦК РКП (б) с участием Ленина удовлетворяет просьбу Нариманова и ходатайства Реввоенсовета 11-й Красной Армии (Орджоникидзе, Тухачевский) о выезде Нариманова на Кавказ.

Перед отъездом Нариманова его принимает Владимир Ильич. В течение часа беседует с ним о положении в Баку и Азербайджане, о разложении мусаватистского режима, о тактике Советской России по отношению к национальным правительствам Закавказья.

Апрель — Нариманов — член Кавказского бюро ЦК РКП (б). Избирается председателем Ревкома Азербайджана, а затем первым председателем Совнаркома Азербайджанской ССР.

Сентябрь — открывает в Баку I съезд народов Востока.

Декабрь — Нариман Нариманов — делегат VIII Всероссийского съезда Советов.

1921, май — Нариманов пишет Ленину об объединении Закавказских советских республик.

Октябрь — участвует в заседании Политбюро ЦК РКП (б), созванном для определения политики по отношению к Азербайджану и сопредельным с ним странам.

1922, февраль — на I съезде коммунистических организаций Закавказья избран в состав краевого комитета партии.

Март — Нариманов — один из трех председателей союзного Совета Закавказской федерации.

Апрель — май — участник Генуэзской конференции.

Декабрь — на I съезде Советов СССР избран одним из председателей ЦИК.

1923, апрель — на XII съезде партии Н. Нариманов избран кандидатом в члены ЦК РКП (б).

Июль — Нариманов председательствует на сессии ЦИК СССР (первого созыва). Сессия утверждает Конституцию СССР, образует

первое союзное правительство во главе с В. И. Лениным.

За подписью Нариманова публикуется обращение Президиума ЦИК «Ко всем народам и правительствам мира» — извещение о создании народами Советской страны единого союзного государства.

1924, январь — на Пленуме ЦК РКП (б) Нариманов избирается в состав комиссии по руководству съездом Советов СССР. Выступает на траурном заседании II съезда Советов, посвященном памяти В. И. Ленина.

Май — на XIII съезде партии Нариманов избран кандидатом в члены ЦК РКП (б).

Весь год наряду с многотрудной государственной работой Нариманов читает лекции в Институте востоковедения при ЦИК СССР и в Коммунистическом университете трудящихся Востока, сотрудничает в «Правде» и «Известиях», готовит к печати свои труды о Владимире Ильиче: «Ленин и мусульманский Восток», «В глазах мусульман Ленин — необыкновенное имя», «Ленин и Восток», «Год работы без Ленина». Тогда же написаны его научные исследования: «Пути понимания коммунизма», «Национальный вопрос».

1925, февраль — страна отмечает 30-летний юбилей общественно-политической и научно-литературной деятельности Наримана Нариманова.

Март, 19-е — Нариман Нариманов скончался от сердечного приступа,

23-го похоронен на Красной площади.

1972, 7 июня — в Баку открыт памятник Нариману Нариманову.

1977, 10 декабря — на родине Ленина, в Ульяновске, открыт памятник Нариманову. В торжествах участвует делегация Коммунистической партии и правительства Азербайджанской Советской Социалистической Республики.

Краткая библиография

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Тт. 7, 23, 25, 27, 30, 31, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 51, 52, 53, 54.

Ленинский сборник XXXVII. М., Издательство политической литературы, 1970.

В. И. Ленин о Закавказье. Сборник. Ереван, 1963.

В. И. Ленин об Азербайджане. Сборник. Баку, 1970.

Н. Н. Нариманов. Собрание сочинений. Тт. 1, 2. М. — Л., «Земля и фабрика», 1926.

Н. Н. Нариманов. Статьи и письма. М., Центральное издательство народов СССР, 1925.

Нариман Нариманов. Статьи и речи. В двух томах. Т. 1. Баку, 1971 (на азербайджанском языке).

Н. Н. Нариманов. В. И. Ленин и Восток. Сборник статей. Изд. 2-е, доп. М., 1925.

Нариман Нариманов. Ленин и Восток. Баку, 1970.

Н. Н. Нариманов. Сборник статей и высказываний о В. И. Ленине. Баку, 1957.

Н. Н. Нариманов. Речь на заседании Первого Азербайджанского съезда Советов 8 мая 1921 года. Баку, 1921.

Г. А. Алиев. Доклад на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения Н. Н. Нариманова. Сборник юбилейных материалов. Баку, 1974.

Ц. Агаян. В. И. Ленин и создание Закавказских советских республик. Ереван, 1976.

П. Азизбекова. В. И. Ленин и социалистические преобразования в Азербайджане (1920–1923 гг.). М., 1962.

Теймур Ахмедов. Нариман Нариманов. Баку, 1977.

Ф. Байрамов. Нариман Нариманов. Библиографический указатель. Баку, 1972.

Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. Всесоюзная книжная палата. М., 1961.

Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы. 1917–1918 гг. Баку, 1957.

Борьба за победу Советской власти в Азербайджане. 1918–1920 гг. Документы и материалы. Баку, 1967.

Вечно живые традиции. Сборник Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС. Баку, 1968.

Г. Гарибджанян. В. И. Ленин и большевики Закавказья. М., Издательство политической литературы, 1971.

С. Гилилов. В. И. Ленин — организатор Советского

многонационального государства. М. — Л., 1960.

Дж. Гулиев. Нариман Нариманов — выдающийся партийный и государственный деятель. Труды Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС. Т. XX. Баку, 1957.

Дж. Гулиев. Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики в Азербайджане. Баку, 1970.

Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков. Сборник. Баку, 1925.

Генерал Денстервиль. Мемуары. Тифлис, 1925.

Документы внешней политики СССР. Тт. 1, 2. М., Издательство В политической литературы, 1957 и 1958.

Документы по внешней политике Закавказья. Тифлис, 1919.

Историко-революционный сборник «Каторга и ссылка», № 1/3. Тифлис, 1925.

История Азербайджана. Т. 3. Баку, 1963.

История Одесского университета за 100 лет. Киев, 1968 (на украинском языке).

М. Казиев. Нариман Нариманов (Жизнь и деятельность). Баку, 1970.

А. Караев. Из недавнего прошлого… Баку, 1926.

Н. Колесникова. По дорогам подполья. Из воспоминаний… Баку, 1966.

Генерал Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Т. II. М., 1924.

В. Мамедов. Нариман Нариманов. Баку, 1957 (на азербайджанском языке).

А. И. Микоян. Дорогой борьбы. Книга первая. М., Издательство политической литературы, 1971.

М. Орахелашвили. Ленин и ЗСФСР (материалы). Тифлис, 1925.

Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. Баку, 1963.

Очерки истории Коммунистической партии Грузии. Тбилиси, 1971.

Первый съезд народов Востока, Баку, 1–8 сентября 1920 года. Стенографический отчет. Петроград, 1920.

Первый Закавказский съезд Советов. Стенографический отчет. Тифлис, 1923.

Поездка председателя Азербайджанского Революционного Комитета Н. Нариманова по Азербайджанской республике 30 сентября — 14 октября 1920 года. Баку, 1921,

Политика Советской власти по национальным делам за три года (1917, XI — 1920). М., 1920.

Я. Ратгаузер. Революция и гражданская война в Баку. Ч. I. Баку, 1927.

М. Рафили. Нариман Нариманов — выдающийся революционер и писатель. Баку, 1956.

В. Самедов. Распространение марксизма-ленинизма в Азербайджане. Ч. 1 ж ч. 2. Баку, 1962 и 1966.

Сборники «Из прошлого». Статьи и воспоминания. Баку, 1923 и 1924.

Памяти Н. Нариманова. Сборник. М., 1925.

А. Шариф. Рождение молла Насреддина. Баку, 1968.

Журналы:

«Известия Астраханского губкома РКП (б)». Астрахань, 1925, № 2(14).

«Искусство трудящимся». Москва, 1925, № 18.

«Литературный Азербайджан». Баку, 1956, № 6; 1966, № 9.

«Московский наблюдатель», Москва, 1837, оба выпуска за март.

«Народы Азии и Африки». Москва, 1965, № 2.

«Новый Восток». Москва, 1924, № 5, 1925, № 1 (7).

«Пролетарская революция». Москва, 1925, № 5.

«Советский Кавказ». Тифлис, 1921, № 1.

notes

Примечания

1

Новруз-байрам — праздник весны, обновления. (Во всех случаях, кроме особо оговоренных, перевод с азербайджанского. Здесь и далее примечания автора.)

2

Папаха — в прошлом символ чести мужчины-азербайджанца: «Потерял папаху — честь потерял».

3

Киши — уважаемый, почтенный мужчина.

4

Шайтан — в мусульманской мифологии злой дух, дьявол.

5

Даты до марта 1918 года приводятся по старому стилю.

6

Муэллим — учитель. Добавляется к имени при обращении к особо уважаемому человеку.

7

Головинский проспект — аристократический центр старого Тифлиса. Ныне, вместе с Дворцовой улицей, это проспект Руставели.

8

Елизаветполь — так по своему произволу власти Кавказского наместничества стали именовать старинный город Гянджу. Ныне, в сущности, заново отстроенный второй промышленный центр Азербайджана — Кировабад.

9

Здесь и далее речь о биографии, открывающей книгу: Н. Нариманов. Статьи и письма. М., Центральное издательство народов СССР, 1925.

10

Остросатирический журнал «Молла Насреддин» начал выходить в Тифлисе в апреле 1906 года под влиянием первой русской революции, как о том не раз говорил его создатель Мамедкулизаде. Журнал имел многочисленных подписчиков, помимо России, в Персии, Турции, в странах Ближнего Востока и Средиземноморья, в Индии и нынешнем Пакистане. Почти половину страниц занимали мастерски исполненные яркие карикатуры, понятные неграмотному в массе населению.

С недолгими перерывами журнал издавался четверть века. Последние два номера вышли в Баку незадолго до кончины Джалила Мамедкулизаде, последовавшей в январе 1932 года от кровоизлияния в мозг.

11

Кёр-оглу — герой азербайджанского народного эпоса XVI века.

12

Нариманов к сословию беков не принадлежал. Слово «бек» в иных случаях добавляли к его имени в знак уважения.

13

Так в документе.

14

Издавать газету на азербайджанском языке пытается и вышедший в отставку Черняевский. «…Цель же моя чисто просветительная: будить мысль народа… Познакомить мусульманское общество с произведениями лучших русских и европейских писателей и мыслителей, с русскою и европейскою наукою, познакомить с лучшими сторонами жизни». Ответ неизменный: «Не представляется полезным».

15

Бакинская типография «Арор» получила от Нариманова последние главы романа в 1900 году. Но в «Открытом письме социалистам Закавказского Комиссариата», опубликованном в марте 1918 года, сказано: «Я автор романа «Бегадир и Сона», напечатанного 10 лет тому назад…» И снова повторено им в декабре восемнадцатого на собрании коммунистов и государственных работников-мусульман в Астрахани: «…10 лет тому назад мною написан роман «Бегадир и Сона…»

Десять лет тому назад… Стало быть, в девятьсот восьмом! Возможно, речь об окончательной редакции?

В изданиях послереволюционных с ведома Нариманова вместо «Бегадир» пишется «Бахадур»

16

Строки, предпосланные второму тому Сочинений Н. Нариманова в 1925 году:

«Драма «Надир-шах» не разрешалась долгое время к постановке, так как царский цензор усмотрел в этом произведении пропаганду цареубийства. На указание т. Нариманова, что в «Надир-шахе» воспроизведены исторические факты, цензор заявил, что не все исторические факты можно проповедовать».

17

Пир — «святое» место, куда обращались за исцелением от любых болезней.

18

Намаз — обязательная молитва из стихов Корана у мусульман. Совершается несколько раз между восходом солнца и закатом.

19

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 491.

20

Николаевская — ныне Коммунистическая улица. Великокняжеская — имени Джапаридзе.

21

В 1903 году в этот день по призыву Кавказского Союзного Комитета РСДРП в Баку, Тифлисе, Батуме — по всему краю проходили политические демонстрации, устраивались митинги в честь Первого мая.

22

«Студент» — газета революционных студенческих организаций. Первый номер был конфискован полицией еще в типографии. Вторично отпечатан в апреле 1903 года в Женеве. Номер 2–3 вышел в Цюрихе в сентябре.

По просьбе редакции В. И. Ленин написал для «Студента» обстоятельную статью «Задачи революционной молодежи». Она была напечатана в двойном номере в разделе «Свободная трибуна». Студенты Московского университета литографированным способом издали статью отдельной брошюрой под заглавием «К студенчеству. Задачи революционной молодежи (социал-демократии и интеллигенции»). Брошюра получила широкое распространение в России. По неполным сведениям департамента полиции за 1904–1905 годы, экземпляры брошюры были обнаружены при арестах и обысках в Петербурге, Одессе, Казани, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Смоленске, в городах Минской губернии.

23

Газета «Пролетарий» издавалась В. И. Лениным в Женеве с весны до конца 1905 года. III съездом РСДРП признана центральным органом партии.

24

Стародумская площадь — ныне площадь Молодежи.

25

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 68.

26

Куба-мейдани — Кубинская площадь — ныне носит имя Джафара Джабарлы.

27

В декабре 1920 года после выступления Касумова на VII Всероссийском съезде Советов Владимир Ильич пригласил его к себе, заинтересованно расспрашивал. Вторая их встреча относится к 1921 году.

Впоследствии Мир Башир Касумов — председатель ЦИКа Азербайджана.

28

В газете «Искра»: «Сходки каждый раз состоят не менее как из 3000 людей, и 20-30-тысячные сходки не редкость. Настроение и бодрость бастующих небывалые и невиданные… Мусульмане-рабочие местами самые ярые забастовщики». Экстренно отправленный во главе карательной экспедиции генерал Алиханов доносил по начальству: «В Баку образовалась весьма сильная подпольная власть, все требования которой исполняются беспрекословно… Перестали работать все промыслы, заводы и фабрики… прекратилось электрическое освещение… Перестали, словом, работать все мастеровые и поденщики до последнего уличного метельщика. Вся местная пресса заменилась ежедневным листком подпольного «Комитета»… Результатом всего этого явилась стачка, которая по единодушию и сплоченности составляет небывалый пример в истории однородных с нею фактов».

29

XII съезд РКП (б) проходил 17–25 апреля 1923 года.

30

Арсыз — бесстыдник.

31

Али Ягуб — Али Ягуб Микаилов. Убит 5 декабря 1905 года кочи — агентами охранки. По требованию нефтепромысловых рабочих и мусульманской интеллигенции похоронен в знак особого уважения в ограде самой почитаемой бакинской мечети «Тазапир».

Петр Монтин — рабочий, один из наиболее популярных и авторитетных руководителей большевиков в Баку. В ночь на 7 декабря того же девятьсот пятого года должен был отправиться на Всероссийскую конференцию большевиков в Таммерфорсе (Финляндия) делегатом от Баку. По дороге на вокзал, недалеко от дома Мешади Азизбекова, к которому он заходил попрощаться, был убит. Как повелось, убийцу не стали тревожить, не хватать же доверенное лицо жандармского управления. Похорон Монтина, строго говоря, в Баку не было. Только митинги, траурное шествие. Тело покойного рабочие делегации в отдельном вагоне доставили в Тифлис. Двенадцатого декабря сначала на тифлисском вокзале, затем на кладбище прошли многотысячные противоправительственные демонстрации.

32

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 331.

33

Халима-ханум скончалась в Баку осенью 1905 года. Проститься с ней, участвовать в похоронах Нариманову не удается. Горькая весть дошла до Одессы слишком поздно, да он и не позволил бы себе отлучиться в разгар кровавых событий — не участвовать в боях студенческой дружины на баррикадах, не дежурить сутками в операционной университетской клиники.

34

«Муджахиды» — по смыслу повстанцы, борцы (фарсидский). 4 ша`абана 1325 года по лунному мусульманскому календарю соответствует 9 сентября 1907 года европейского григорианского.

35

Энзели — ныне порт и город Пехлеви.

36

Гейдаров — Гейдар Ами оглы. Один из создателей социал-демократической, а затем Коммунистической партии Персии. Родился в декабре 1880 года в городе Урмия (ныне Резаийе) в Южном Азербайджане. Вскоре отец Гейдара врач Али Акпер Тариверди оглы перевозит свою многодетную семью в Закавказье. Гейдар с золотой медалью оканчивает гимназию в Эривани и также с отличием Политехническую школу в Тифлисе. Под началом Красина работает на Баиловской электростанции в Баку. Дружит с Нариманов, Азизбековым, Джапаридзе.

Всю первую персидскую революцию 1905–1911 годов Гейдар Ами оглы в центре событий — партийный организатор, военачальник, губернатор города Хоя. Его дружины муджахидов борются до последнего.

В эмиграции встречался с В. И. Лениным — в Праге, Париже, Женеве. С осени 1917 года Гейдар Ами оглы в России. Работает в Центральном бюро коммунистических организаций народов Востока. В разгар гражданской войны — член Реввоенсовета Туркестанского фронта, организатор «персидских интернациональных отрядов».

С сентября 1920 года Гейдар Ами оглы — генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Персии, руководитель национально-освободительного движения. 16 октября двадцать первого года герой двух персидских революций предательски убит в лесу неподалеку от Решта.

Даже Сабир, великий сатирик Востока, и тот единственный раз в жизни написал лирическое стихотворение «Саттар-хан». Вдохновенные строки получили наивысшее признание по обе стороны Аракса — стали народной песней.

38

Порт-Петровск — ныне Махачкала, столица Дагестана.

39

И заведует научным отделом в газете «Бурхани таракки».

40

Лишь двадцать второго мая девятьсот четырнадцатого года, стало быть, через десять месяцев после возвращения Нариманова из ссылки, пришло долгожданное сообщение: «Врачу Нариман-беку Нариманову. Медико-санитарное бюро уведомляет Вас, что вы назначены Управою на должность врача временной лечебницы в Черном городе. Просит заполнить прилагаемую при сем карточку».

Десять месяцев! При том, что врачей не хватает, их приглашают из разных краев. А Нариманов… Пусть себе на досуге обдумает, авось в конце концов поймет, что удобства жизни в Баку полностью зависят от благоволения Гаджи Абдул Зейнал Тагиева. Наикратчайший путь к великим милостям аллаха через контору Гаджи.

41

Меджнун — герой первой азербайджанской национальной оперы Узеира Гаджибекова «Лейла и Меджнун».

42

Своей газете большевики сохраняют ее давнее довоенное название, но теоретический журнал с первого номера в 1915 году подчеркнуто именуют «Коммунист».

43

Мешади — почтенная прибавка к имени человека, совершившего паломничество в иранский город Мешхед.

44

Здание «Исмаилие» было построено по заказу миллионера Мусы Нагиева. Ныне в «Исмаилие» на Коммунистической улице располагается Президиум Академии наук Азербайджана, научная библиотека, архив. Там хранится и часть рукописей Наримана Нариманова.

45

«Мусават» — «Равенство» — азербайджанская националистическая партия. Возникла в 1911 году. В интересах своей, «богом избранной нации» всячески пропагандировала «единство мусульман», классовый мир.

Екатеринослав — ныне Днепропетровск.

47

На VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б) в действительности было 133 делегата с решающим голосом и 18 с совещательным. Филипп Махарадзе представлял большевиков Тифлиса.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 440.

49

Там же, с. 433.

50

Забастовка 65 тысяч промысловых рабочих и моряков нефтеналивного флота началась в 20-х числах сентября 1917 года.

51

Одновременно на страницах «Гуммет»: «…Еще за неделю до выборов не были получены соответствующие списки и другие документы, необходимые городу и губернии. Если подобную шутку разыграли над таким центром, как Баку, то представьте себе, как обошлись с другими небольшими городами и селами… Деньги ли не сыграли здесь роль? Не посыпались ли ложь и клевета?

Незачем ходить далеко — налицо состояние Закавказья. Своевременно изложив свое мнение о правительстве Закавказья, мы говорим: раз во главе ОЗОКОМа стоят кадеты и шовинисты-националисты, нечего надеяться ни на то, что выборы в Учредительное собрание будут правильными, ни на то, что революция будет закреплена и углублена.

…Мусульманский народ должен, не медля ни одного дня, поднять свой голос и потребовать, чтобы вся власть перешла в руки Советов рабочих и крестьянских депутатов».

52

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 435, 436.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 2.

Чему немало способствовало то, что на Кавказский фронт Временное правительство отправило 18 тысяч солдат, участников демонстрации 3–4 июля в Петрограде. Много батальонов, полков. было предварительно подвергнуто «клеймению позором» на Дворцовой площади.

55

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 383

Екатеринодар — ныне Краснодар.

Нариманов в 1919 году в воззвании «С каким лозунгом мы идем на Кавказ», доставленном в Азербайджан нелегально вернувшимися большевиками: «Нам было известно, что за несколько дней, за несколько часов до бойни, армянская и мусульманская буржуазия сговаривалась совместно выступить против коммунистов. «Дикая дивизия» и отряды дашнакпаканов должны были одновременно обрушиться на красногвардейцев, захватить власть».

58

Имам — духовный глава у мусульман.

Немного позже были назначены еще два народных комиссара: Руководитель партии «Экинчи» — мусульман — левых эсеров, большой друг России Мир-Гасан Везиров и Яков Зевин — член РСДРП с 1904 года, слушатель партийной школы в Лонжюмо, созданной Лениным, делегат Пражской конференции.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 8–9.

61

Мовсум Нажмеддин Исрафилбеков (Кадирли) в руководстве «Гуммет» с марта семнадцатого года. Сразу после возвращения в Баку из Киева, где он учился в медицинском институте и где в 1911-м вступил в РСДРП (большевиков).

62

Они появились в Баку 4 августа. После того как эсеры, дашнакцаканы, меньшевики сколотили в расширенном Совете ничтожное большинство. Двести пятьдесят девять голосов за посылку гонцов к Денстервилю. Двести тридцать шесть против. А в ночь на 14 сентября, лишь только дивизии Нури-наши начали штурм Баку, генерал, его штаб и солдаты — все тут же погрузись на заранее присмотренные и реквизированные пароходы. Шли в море, на Энзели. До более подходящего случая.

63

Перебравшиеся из Тифлиса гумметисты-меньшевики.

Даже если довериться бумаге… Число мальчиков-азербайджанцев, посещавших начальную школу в далеко не лучшем — военном 1915 году, составляло 20 299. В 1919 — 15 201. Из 54 школ, существовавших в Кубинском уезде, осталось 29, в Шемахянск из 51 — 24, в Сальянском из 60 — 19 и т. д.

Ленинский сборник, т. XXXV, с. 233.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 161.

Ленинский сборник, XXXVII, с. 155.

68

Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» отпечатано в декабре 1917 года в миллионах экземпляров на всех мусульманских языках мира. Во всеуслышание объявлено:

«Республика Российская… против захвата чужих земель: Константинополь должен остаться в руках мусульман… Договор о разделе Персии порван и уничтожен… Договор о разделе Турции порван и уничтожен… Вы сами должны быть хозяевами вашей страны! Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию. Вы имеете на это право!..»

По кабальному договору, подписанному персидским правительством 9 августа 1919 года, страна окончательно попадала в полную зависимость от Великобритании. Миссия, прибывшая из Лондона еще до утверждения договора меджлисом, ввела строжайший контроль над государственными финансами Персии. Модная формула замаскированного протектората, о которой на исходе девятьсот шестнадцатого или в самом начале семнадцатого года Ленин помянул в своей тетради «Материалы о Персии»: «NB! Хорошо сказано!»

Английские «советники-эксперты» были назначены во все правительственные учреждения. Британские офицеры заняли командные посты в армии. По навязанной таможенной конвенции установлены особые льготные тарифы для Англии и крайне высокие, по существу запретительные для Советской России.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, с. 708.

«Непоколебимое спокойствие Ленина в это время являлось самой мощной поддержкой главнокомандования», — замечает знаток военного искусства и полководец Сергей Сергеевич Каменев.

72

Малый Харитоньевский переулок — с 1960 года улица Грибоедова. Нариманов, несколько других работников Наркоминдела, гости из-за границы жили в доме № 10 Яузской части 1-го участка.

73

Воздвиженка — ныне проспект Калинина.

В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 39, с. 330.

Там же, с. 321, 328.

76

Сухаревка — рынок, шумевший вокруг Сухаревской башни, построенной Петром Великим в 1692 году. В гражданскую войну синоним «свободной» частной торговли. Окончательно закрыт в 1932 году. На бывшей территории Сухаревки Колхозная площадь.

77

Бакинская организация РКП (б), «Гуммет» и «Адалет» — «Справедливость» — коммунистов, выходцев из Персии.

78

3 января 1920 года Политбюро ЦК окончательно высказалось за создание самостоятельных коммунистических партии Азербайджана, Грузии и Армении. «Особенно важен подобный способ организации на Востоке, ввиду того, что завоевание доверия народов, живущих в Азии или в преддверии Азии, составляет одну из основных задач Советской России и РКП».

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, с. 175.

80

Бакинские дозволенные газеты «Халгчы» — «Народник» и «Искра» 21 апреля сообщают, что Нариманов находится вовсе не в Москве, а в Дагестане. По зловредным соображениям, русские коммунисты это скрывают.

81

Пятьдесят пять лет спустя после трудных усилий был раскрыт шифр. Выяснилось, что ключом к нему послужили первые строчки стихотворения Лермонтова «Беглец»: «Гарун бежал быстрее лани, быстрей, чем заяц от орла». Отсюда и название шифра: «Дезертир».

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 119.

83

Хурджин — ковровый мешок домашней работы.

84

Садовая — улица Чкалова. В доме, где помещался Ревком и жил Нариманов, теперь музей искусства.

Ленинский сборник, XXXIV, с. 323.

87

В годы первых пятилеток Чингиз Ильдрым, инженер по образованию, руководит строительством гигантских металлургических комбинатов на Урале, на Украине — Магнитогорского и Криворожского.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 359, 360.

89

Пройдет несколько недель после выступления Джона Рида на съезде народов Востока — в ноябре 1920 года восстанет народ Армении. Американский полковник Гаскел, возглавляющий «благотворительную миссию», лицемерно объявит: «Ввиду нарушения Демократических институтов правительство Соединенных Штатов полностью прекращает поставку муки, маиса, сахара, любых других продуктов. Так будет, пока не восторжествуют силы порядка…»

90

Второй конгресс Коммунистического Интернационала открылся в Петрограде, продолжал работу в Москве с 23 июля по августа.

91

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 168, 244–245.

Имеется в виду Исполком Коминтерна.

93

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 71–72.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 282.

Второй конгресс Коминтерна.

В. И. Ленин. Поли, собр. соч., т. 41, с. 357.

97

Магеррам — месяц траура. Верующие мусульмане-шииты, не довольствуясь песнопениями и религиозной мистерией «Шахсей-Вахсей», или «Трагедия в пустыне Кербела» («Кербела Мусибэти»), предавались еще кровавому самобичеванию цепями.

В рабочем кабинете В. И. Ленина и в комнате, отведенной под библиотеку, было несколько бакинских изданий. Помимо отчета о поездке Нариманова, его речь на I Азербайджанском съезде Советов в мае 1921 года, стенографический отчет о съезде народов Востока, «Бакинская нефтяная промышленность за три года национализации», «Альбом диаграмм Азербайджанской ССР дорогому товарищу Ленину»… Бережно хранился переплетенный Комплект большевистской газеты «Бакинский рабочий», привезенный Владимиром Ильичей из Петрограда. На большой настенной карте отмечено этнографическое и территориальное размещение кавказских народов, указаны пути, по которым суда с нефтью следовали с Апшерона в Астрахань.

99

Телеграмма впервые напечатана в бакинской газете «Коммунист» 12 сентября 1920 года. Полстолетия спустя воспроизведена в сборнике «Ленин об Азербайджане» по машинописной копии, сохраненной в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК.

100

В декабре того же двадцатого года управляющий делами Совнаркома РСФСР Н. Горбунов рассказал Владимиру Ильичу о своей беседе с приехавшим в Москву председателем Кубинского уездного ревкома Касумом Исмаил оглы Исмайловым. «Когда я сообщил Ленину о содержании беседы, — писал Горбунов, — он произнес: «Если мы научим мусульманских крестьян брать землю у помещиков, то мир перевернем».

101

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 47.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, с. 37–38.

103

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 198–200.

104

Чурек — плоский кавказский хлеб домашней выпечки.

105

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 121–122.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, с. 121.

107

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, с. 136.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 255.

109

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 386.

110

Мусабеков Газанфар Махмуд оглы — член партии с 1918 года. По образованию врач. Был членом Ревкома Азербайджана. После отъезда Нариманова из Баку — председатель Совнаркома республики.

И в записях Агамалиоглы: «Нариманов всячески стремится изгнать негармоничный, сухой и протокольный язык, безграмотно состряпанный из смеси арабского и персидского с увесистой добавкой константинопольских говоров. Особенность этой смеси в том, что совершенно затушевывается выразительность мысли, она доступна лишь узкому кругу «избранных». Нариманова же отличает язык живой, выразительный, образный.

Ему же принадлежит почин замены некогда навязанного Азербайджану восточными завоевателями алфавита, трудно доступного и детям и взрослым. Предложенная замена была изложена Наримановым на дискуссионных собраниях учителей, устраиваемых им же в 1922 году».